

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

140)

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В I—II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ Н. Э. [

Ростовская-на-Дону
Государственная
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. Е. МАСЛОВА
(для книг) (3)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

СТАТЬИ

Е. Н. НОСОВ

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ГОРОДИЩА ДУНА¹

До настоящего времени одним из основных источников для воссоздания жизни населения территории Верхней Оки в I тысячелетии н. э. служат материалы из раскопок дореволюционных исследователей, которые, однако, нуждаются в дополнительной детальной проработке.

Одним из таких поселений, раскопанных в дореволюционное время, является городище Дуна, расположенное на левом берегу р. Оки, в 3 км вниз по течению от г. Чекалина Тульской обл., на мысу, образованном слиянием оврага с долиной реки. С напольной стороны его длинная и узкая площадка была укреплена валом и двумя рвами. На поселении неоднократно проводились раскопки Н. В. Тепловым, И. Д. Четыркиным и Ю. Г. Гендуне. В культурных отложениях городища все исследователи выделяют по цвету два слоя: верхний — однообразный жирный чернозем толщиной от 0,35 до 1,6 м и нижний — желтовато-серый суглинок с большей примесью угля и золы толщиной от 0,35 до 2,1 м. По словам Ю. Г. Гендуны, «между черным и серым слоями вдвигалась клинообразная прослойка глины таким образом, что ее более толстый конец, достигавший трех аршин, прилегал к подошве вала, а более тонкий заканчивался на протяжении десяти сажен от него»². Местами глина была перемешана с мелким булыжником и крупными кусками известняка со следами пребывания в огне. Ю. Г. Гендуне предположила, что эта глина и камни являются остатками древнего вала³.

Небольшие отчеты о раскопках на городище были опубликованы Н. В. Тепловым и И. Д. Четыркиным⁴. Несколько более подробна работа Ю. Г. Гендуны, которая, помимо описания находок, воспроизвела часть из них на фотографиях⁵. Но в широкий научный оборот материалы городища впервые вошли лишь благодаря монографии Т. Н. Никольской, опубликовавшей значительное число неизданных вещей из дореволюционных коллекций и давшей их описание⁶. Н. В. Теплов, Ю. Г. Гендуне и

¹ Доклад на группе славяно-русской археологии ЛОИА 30.III 1971 г.

² Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна. СПб., 1903, стр. 4.

³ Там же.

⁴ Н. В. Теплов. Городище Дуна близ Лихвина. «Изв. Калужской ученой архивной комиссии», вып. I, 1899, стр. 15—20; И. Д. Четыркин. Дневник раскопок в 1898 г. в уездах Козельском, Лихвинском и Калужском. Там же, вып. II, стр. 12, 13; Архив ЛОИА, ф. I, д. 126/1898.

⁵ Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна; Архив ЛОИА, ф. I, д. 54/1898, 51/1899.

⁶ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 95—101.

Т. Н. Никольская затрагивали в своих работах и вопросы, связанные с расчленением и датировкой керамики, но в целом именно эта категория находок городища остается наименее исследованной. Цель настоящей статьи восполнить пробел в изучении материалов городища.

Анализ керамики городища⁷ позволил расчленить ее на отдельные группы с учетом хронологической последовательности разных категорий посуды на других памятниках Верхней Оки. При этом деление керамики сопоставлено с наблюдениями Н. В. Теплова и Ю. Г. Гендуны по стратиграфии залегания разных видов посуды и учтены единичные четко датированные вещи городищенской коллекции. В результате установлено, что жизнь на поселении Дуна продолжалась в течение четырех хронологических периодов, каждый из которых характеризуется специфическим керамическим комплексом.

В первый период в быту обитателей поселения господствовали слабопрофилированные лепные сосуды горшковидных форм (рис. 1, 1—21). Венчик сосудов короткий, вертикальный или чуть отогнутый наружу и только в нескольких случаях загнут внутрь. Толщина стенок незначительна — 0,3—0,6 см. Поверхность сосудов шероховатая, в тесте примесь дресвы и кварца. Зерна примеси крупные, 2—3 мм в поперечнике. Цвет керамики от желтовато-серого до почти черного. По наличию и расположению орнамента выделяются три типа: сосуды без орнамента, сосуды с неглубокими насечками и вдавлениями только по краю венчика и сосуды, имеющие всевозможные орнаменты и по краю венчика, и на тулове. Количественное соотношение между ними примерно одинаковое. Чаще всего орнаментальные композиции располагаются на плечиках. Это различные комбинации четырехугольных, удлиненных или круглых вдавлений, вдавления вертикально поставленной щепкой, узоры из концентрических кружков, а также орнамент в виде тонких параллельных штрихов и косога креста.

Обломки лепных горшков, которые «тонки и хрупки», «с большой примесью зерен кварца и т. п.» и разнообразным орнаментом, Н. В. Теплов всецело относил к нижнему слою⁸. По данным Ю. Г. Гендуны, такая посуда при ее раскопке встречалась главным образом в верхней части нижнего слоя⁹. Рассматриваемая керамика является типичной для верхнеокских балтских городищ второй половины I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э.¹⁰ Этим временем и следует датировать первый период жизни на поселении.

С первым периодом городища Дуна связаны единичные находки обломков лепных горшков со слабоотогнутым венчиком и с сетчатой темносерой поверхностью (рис. 1, 25, 26). Толщина стенок 0,5—0,6 см, в тесте примесь крупной дресвы. Отпечатки на керамике лишь отдаленно напоминают оттиски ткани. Сетчатая поверхность получалась при обработке стенок сосудов мелким зубчатым штампом, причем отпечатки наносились на них в одном направлении. По шейке отпечатки идут редко, образуя сплошную обработанную поверхность на тулове. Иногда редкие оттиски зубчатого штампа или неглубокие вдавления нанесены и по краю венчика.

⁷ Материалы городища Дуна хранятся в фондах Гос. Эрмитажа и ГИМа: Гос. Эрмитаж, фонды Отдела истории первобытной культуры. Раскопки Ю. Г. Гендуны, колл. 595; ГИМ, фонды II Археолог. отдела. Раскопки Н. В. Теплова, колл. 26/1; 44/3; от 59/38 до 59/57; 61/11; от 61/56 до 61/59; И. Д. Четыркин проводил раскопки на городище в течение двух дней. Небольшой материал его раскопок почти не сохранился и в работе не использован.

⁸ Н. В. Теплов. Городище Дуна..., стр. 17.

⁹ Ю. Г. Гендуны. Городище Дуна, стр. 8—10.

¹⁰ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки..., стр. 14—36; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 173, 174; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 32, 33.

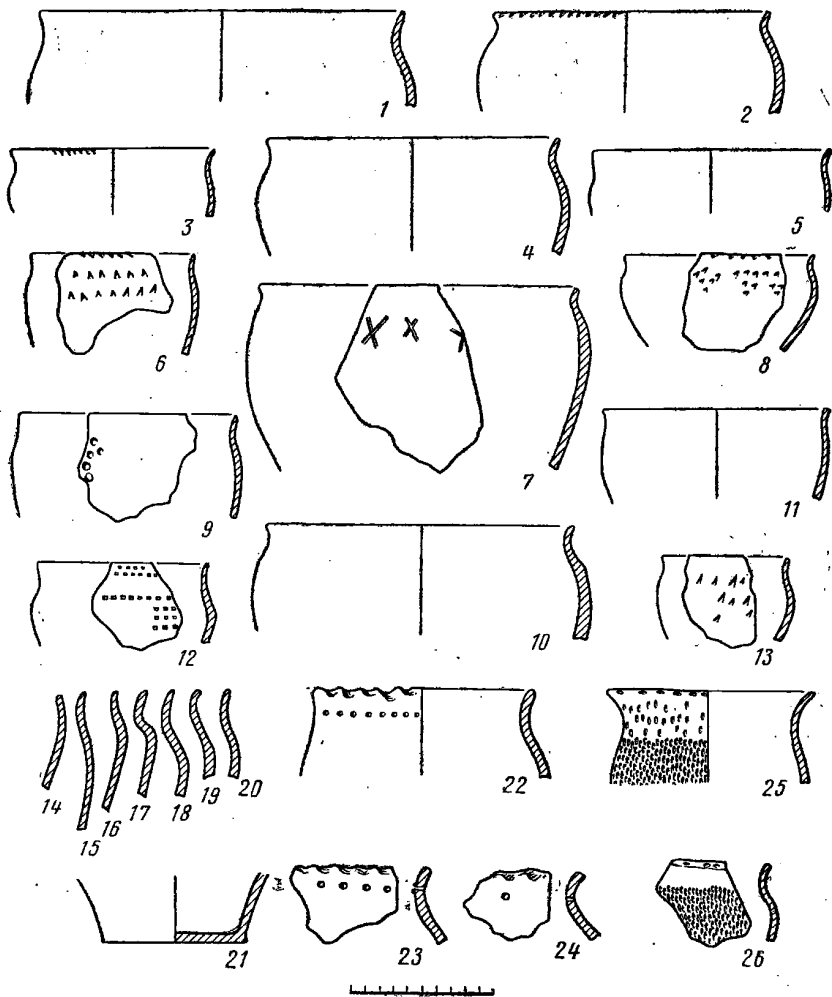

Рис. 1. Городище Дуна. Керамика первого периода

1—4, 6—21, 23, 24, 26 — из раскопок Н. В. Теплова; 5, 22, 25 — из раскопок Ю. Г. Гендуны

Ю. Г. Гендуны относил черепки с сетчатой поверхностью к верхней части нижнего слоя¹¹. Появление небольшого количества сетчатой посуды на поселении Дуна следует объяснить соседством носителей балтской верхнеокской культуры с финно-угорским населением более северных и северо-восточных районов¹².

К рассматриваемому периоду относятся и немногочисленные фрагменты хорошо профилированных лепных горшков с шероховатой поверхностью, сделанных из плотного теста с крупными примесями дровя и кварца (рис. 1, 22—24). Толщина стенок 0,6—0,7 см. Орнамент на сосудах очень простой: сквозные проколы под венчиком и глубокие пальцевые вдавления с внешней стороны края горшков. Такая керамика найдена в среднем и нижнем пластах нижнего слоя¹³ и является типичной для

¹¹ Ю. Г. Гендуны. Городище Дуна, стр. 10.

¹² П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 145—153.

¹³ Ю. Г. Гендуны. Городище Дуна, стр. 10, 11.

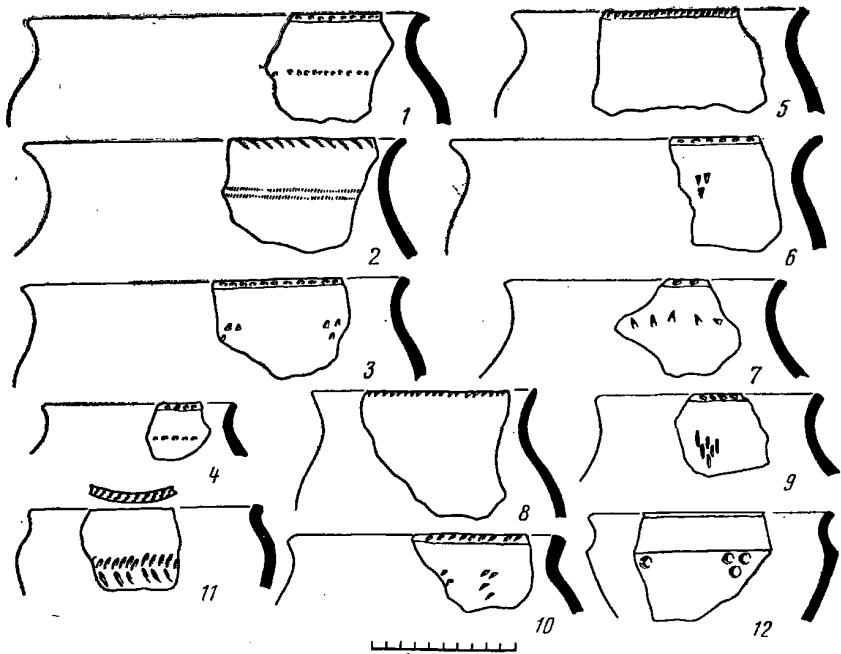

Рис. 2. Городище Дуна. Керамика с шероховатой поверхностью второго периода
1—3, 5—7, 10—12 — из раскопок Ю. Г. Геядуне; 4, 8, 9, 11 — из раскопок Н. В. Теплова

культуры поздних зольников. Как показала Т. Н. Никольская, по верхнему течению р. Оки имеется несколько поселений, нижние слои которых, относящиеся ко второй половине I тысячелетия до н. э., оставлены носителями позднезольничной культуры (Лужки, Воротынцево и др.)¹⁴. Городище Дуна является одним из наиболее северных пунктов, куда попала керамика этой культуры.

Вся посуда второго периода также лепная. По способу обработки поверхности она делится на керамику с шероховатой поверхностью и керамику с лощеной и подлощенной поверхностью.

Основной формой керамики с шероховатой поверхностью были высокие горшки с покатыми плечиками и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 2, 1—10). Поверхность преимущественно сероватых оттенков. Тесто плотное, с примесью мелкой дресвы, толщина стенок 0,5—0,8 см. Часть сосудов украшена неглубокими насечками и вдавлениями только по краю венчика, но большинство горшков имеет, кроме того, несложный узор на шейке и плечиках из разнообразных вдавлений (треугольных, подпрямоугольных, вытянутых овальных), идущих либо в линию вокруг горла, либо образующих треугольные группы. На некоторых горшках встречаются композиции, нанесенные мелкозубчатым штампом. Отпечатки штампа обычно нанесены по краю венчика и вокруг горла в виде двух орнаментальных линий. Более сложные узоры представлены только на единичных фрагментах.

Кроме горшков, среди керамики с шероховатой поверхностью имеется сосуд с острым ребром в верхней трети и интересным орнаментом на

¹⁴ Т. Н. Никольская. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки. (К вопросу о балто-иранском контакте). КСИА, вып. 119, 1969, стр. 14—23.

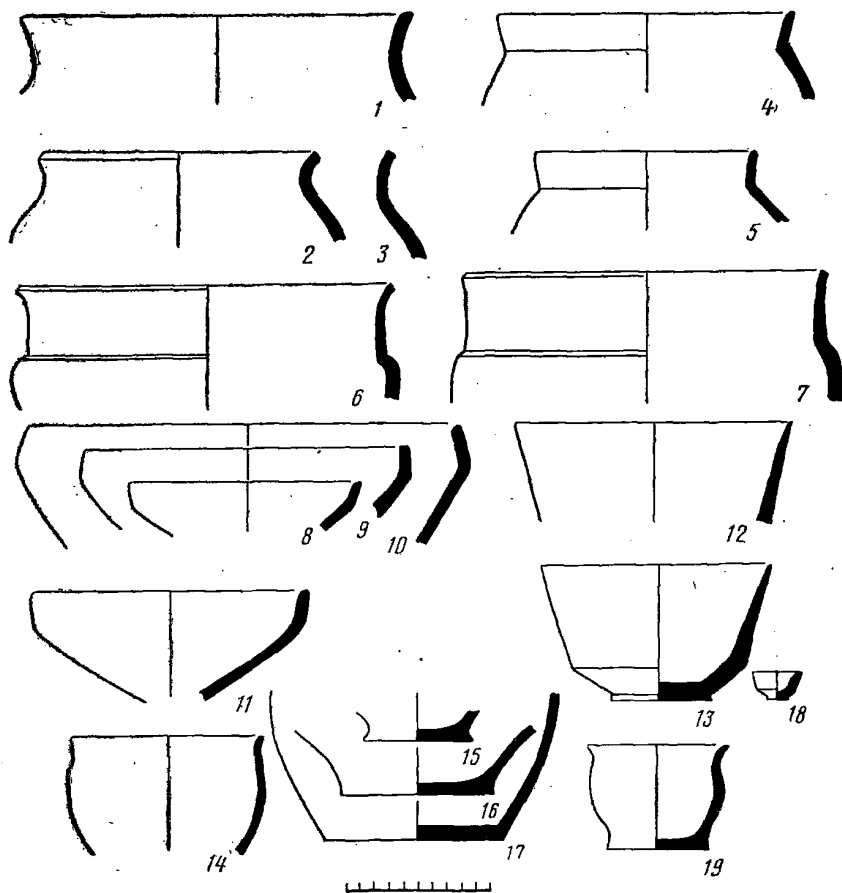

Рис. 3. Городище Дуна. Керамика с лощеной поверхностью второго периода
 1—4, 7, 8, 11, 12, 15, 19 — из раскопок Н. В. Теплова; 5, 6, 9, 10, 13, 14, 16—18 — из раскопок Ю. Г. Гендуле

тулове — округлыми отпечатками пальцев, группирующимися по три (рис. 2, 12).

Керамика с лощеной и подлощенной поверхностью (рис. 3) отличается от посуды с шероховатой поверхностью гораздо большей тщательностью изготовления. Тесто плотное, с примесью песка. Следы лощения обычно горизонтальные. Поверхность сосудов коричневатого, черного или реже серого цвета. Выделяются два типа посуды: горшки и миски.

Горшки (рис. 3, 1—7, 15—17) имеют преимущественно подлощенную поверхность коричневатых оттенков. Различаются три формы: горшки с высоким отогнутым наружу венчиком и плавным переходом от венчика к тулову (рис. 3, 1—3); выпуклобокие горшки с коротким прямым венчиком, резко переходящим в стенки (рис. 3, 4, 5); горшки с высоким прямым или чуть отогнутым наружу венчиком и резким переходом (через уступ) к конически сужающемуся тулову (рис. 3, 6, 7).

Миски выделяются тщательным, в основном черным, лощением. Тот факт, что почти все они относятся к лощеной керамике, позволяет рассматривать миски как посуду столовую. В коллекции представлены три формы: миски с цилиндрической или расширяющейся верхней частью и резким ребром в нижней, иногда на маленьком поддоне (рис. 3, 12, 13);

миски с загнутым внутрь или почти прямым краем и плавным переходом в верхней трети к сужающемуся ко дну тулову (рис. 3, 8—11); вытянутые тонкостенные миски почти баночной формы (рис. 3, 14). Судя по аналогиям с других поселений Верхней Оки, часть мисок второй и третьей форм, видимо, была на поддонах.

На городище найдены также обломки двух маломерных лощеных горшочков и миниатюрная лощеная мисочка, аналогичная мискам первой формы (рис. 3, 18, 19).

Наиболее интересные данные о стратиграфии посуды второго периода сообщает Н. В. Теплов. Он по цвету различает в культурных отложениях городища два слоя, но, по его мнению, «между верхним черным и нижним серым слоем приходится вставить третий промежуточный слой, составляющий по характерным для него находкам как бы переход от одного к другому». Он называет этот слой средним и выделяет группу черепков, «составляющих исключительную особенность этого слоя». «По форме, — пишет Н. В. Теплов, — сосуды этого типа отличаются тем, что заканчиваются обыкновенно широким отгибом, который скорее даже можно назвать раструбом. Орнамент большей частью состоит из одного ряда ямочек. Изредка встречались и сосуды другой характерной формы, а именно: на последних имеется не отгиб наружу, а загиб внутрь шириной пальца в полтора»¹⁵. Таким образом, характеристика Н. В. Тепловым посуды среднего слоя полностью соответствует рассмотренной керамике с шероховатой поверхностью. Что касается «сосудов с загибом внутрь», то скорее всего Н. В. Теплов имел в виду лощеные миски с загнутым внутрь краем. В работе Ю. Г. Гендуне находки лощенной посуды отмечены в верхнем слое, а отдельные черты, типичные для горшков с шероховатой поверхностью, мы находим среди описания керамики, характерной для «нижних частей» верхнего и «верхних частей» нижнего слоя¹⁶.

Аналогии разобранной керамике широко представлены на поселениях Верхней Оки в слоях середины I тысячелетия н. э. — городищах Дешовском¹⁷, Николо-Ленивец¹⁸, Мошинском¹⁹, Серенском²⁰, в курганах V—VI вв. н. э. у деревень Шаньково, Почепок, Дубровка²¹, а также на многих других памятниках мощинской культуры. Исходя из этого, наиболее вероятной датой второго хронологического периода городища Дуна можно считать время с IV по VI в. н. э. Эта датировка подтверждается находкой в слое городища перекладчатой фибулы с эмалью IV—начала V в. н. э.²²

Третий период заселенности поселка по мысу р. Оки представлен лепными горшками со слегка отогнутыми наружу венчиком и выпуклым, постепенно сужающимся ко дну туловом (рис. 4, 1—9). Плечики у одних горшков крутые, у других более пологие, но во всех случаях они выражены довольно отчетливо. Гесто рыхлое, с примесью крупной дресвы и шамота, толщина стенок 0,8—1,3 см. Поверхность сосудов имеет сильно шероховатый (бугорчатый) характер, цвет от палевого до темно-бурого. Почти у всех горшков края венчиков орнаментированы неглубокими пальцевыми вдавлениями или отпечатками зубчатого штампа. Такие же от-

¹⁵ Н. В. Теплов. Городище Дуна... стр. 15, 17.

¹⁶ Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна, стр. 8—10.

¹⁷ Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна Верхней Оки. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 9—16, рис. 2, 3.

¹⁸ Т. Н. Никольская. Городище у д. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 221—240; она же. К этнической истории... стр. 15, 16, рис. 2 и 3.

¹⁹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 15—21, табл. VII, XV, XVI.

²⁰ И. К. Фролов. Нижний слой городища у д. Серенск. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 80—82, рис. 2.

²¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок... стр. 5—7, табл. III—V.

²² Сведения о датировке любезно сообщены Г. Ф. Корзухиной.

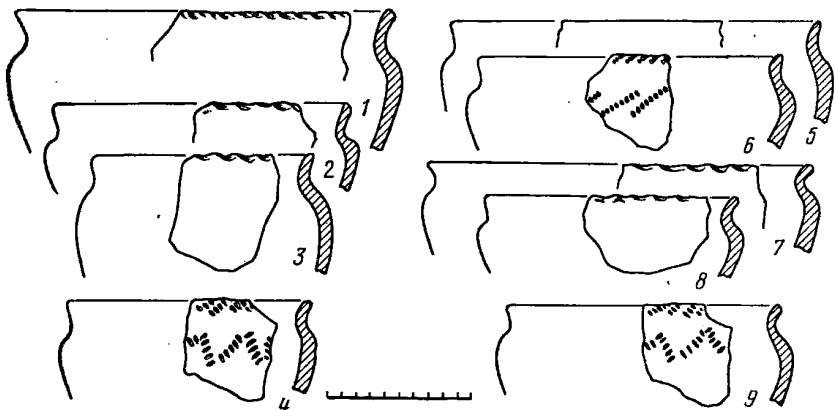

Рис. 4. Городище Дуна. Керамика третьего периода
1—3 — из раскопок Ю. Г. Гендуне; 4—9 — из раскопок Н. В. Теплова

печатки штампа, образующие ломаную линию или поставленные косо в один ряд, часто наносились и на плечики сосудов. На одном из обломков стенки горшка, аналогичной по структуре рассматриваемой керамике, встречен узор из параллельных линий, нанесенных, видимо, тоже зубчатым штампом.

Эта посуда принадлежит к керамике роменско-боршевской культуры, поселения и курганные могильники которой хорошо известны в бассейне Верхней Оки и относятся к VIII—X вв. н. э.²³ Датировка третьего периода жизни поселка именно этим временем подтверждается находками в слое городища арабского дирхема 758/759 г. (халифа Мансура), а также перстня с овальным камнем, подобного перстням «салтовских могильников VIII—IX вв.»²⁴ К сожалению, эта группа керамики не привлекала внимания ни Н. В. Теплова, ни Ю. Г. Гендуне, поэтому прямые свидетельства стратиграфии ее залегания отсутствуют. Только Ю. Г. Гендуне сообщает о наличии орнамента в виде «елочек» в нижних частях верхнего слоя²⁵, а по данным Н. В. Теплова, здесь же был найден дирхем²⁶.

В последний, четвертый, период на поселении Дуна его обитатели использовали в быту гончарную древнерусскую керамику с линейным и волнистым орнаментами. Эта посуда в настоящей статье не рассматривается.

Следует также упомянуть о наличии в коллекциях городища некоторых видов лепной керамики, которые из-за отсутствия достаточно отчетливых данных о стратиграфии их залегания трудно разграничить по периодам. Сюда относятся лепные сковородки с невысоким бортиком и миниатюрные лепные сосудики примитивных форм. Скорее всего к третьему периоду относится лепной сосуд со сложным гребенчатым орнаментом (рис. 2, 11), хотя по составу теста он ближе к керамике второго периода.

В результате проведенного анализа керамики и реконструкции ее относительной стратиграфии периодизация жизни на поселении представляется следующей. Во второй половине I тысячелетия до н. э. — первых веках н. э. на мысу р. Оки жили верхнеокские балты, оставившие лепную тонкостенную слабопрофилированную посуду. Находки незначительного количества сетчатой керамики и керамики поздневольничного типа говорят

²³ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 56—89.

²⁴ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 49.

²⁵ Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна, стр. 8.

²⁶ Н. В. Теплово. Городище Дуна... стр. 19.

о контактах обитателей поселка с финским населением северо-востока (дьяковская культура) и ираноязычным населением юга (позднезольничная культура). Поскольку позднезольничная керамика найдена в нижнем и среднем горизонтах нижнего слоя, можно полагать, что контакты с южным населением относятся к наиболее раннему времени жизни поселка.

Приблизительно с IV в. н. э. поселение было занято носителями мощинской культуры. Был ли хронологический перерыв в заселении поселка или на нем продолжали жить прежние обитатели — потомки носителей верхнеокской культуры, которые и выработали постепенно новые формы сосудов? К сожалению, для ответа на этот вопрос у нас нет стратиграфических данных. Но был ли перерыв в жизни на поселении Дуна или его не было, в основу лепной керамики с шероховатой поверхностью IV—VI вв. н. э., видимо, легли керамические формы верхнеокских балтов первых веков н. э., подобно тому как это было на Смоленщине и в Подмоскowie, где процесс постепенной эволюции баночной тонкостенной керамики балтов начала I тысячелетия н. э. в профилированную посуду середины I тысячелетия н. э. детально прослеживается на материалах ряда городищ²⁷. В то же время в IV—VI вв. в посуде городища Дуна (как и на других одновременных поселениях Верхней Оки) появляются черты (техника лощения, новые разнообразные формы мисок и горшков), объяснить которые только эволюцией керамики в среде местных балтов нельзя. Это — привнесенные элементы, обусловленные заимствованием или проникновением инородного населения. Большинство исследователей связывает появление этих новых черт с влиянием позднезарубинской культуры поречья р. Десны.

В VI в. население покидает поселок, и в течение последующих двух столетий городище пустовало. Новые обитатели пришли лишь в конце VIII—IX в. По мнению Н. В. Теплова, «условия находки дирхема не оставляют сомнения в том, что именно к этому же периоду следует отнести и насыпку вала»²⁸. Новыми обитателями были славяне — носители роменско-боршевской культуры. Керамика их уже ничем не напоминала посуду прежних жителей. В последующие столетия на мысу существовал укрепленный древнерусский поселок.

²⁷ Наиболее отчетливо этот процесс прослежен на Смоленщине на материалах городища Мокрядино (П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 18, 19, 71—93), в Подмоскowie на материалах Троицкого городища (И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, № 1, стр. 180—193).

²⁸ Н. В. Теплов. Городище Дуна..., стр. 19.

М. А. ТИХАНОВА

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ
В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Вопрос о развитии черной металлургии у черняховцев является до настоящего времени слабоисследованным и в значительной мере спорным. С одной стороны, имеет место склонность рассматривать чуть ли не каждую находку железных шлаков, в том числе и кузнечных, на поселениях черняховской культуры, как свидетельство наличия металлургического производства, с другой — наблюдаются достаточно неясные представления о характере и типах металлургических горнов, где остатки таковых действительно существуют. Специально рассматривавший вопросы металлургии и металлообработки М. Ю. Брайчевский² считал, как известно, что черняховская культура распространяется на всю Южную Польшу вплоть до Силезии, почему, естественно, отнес к черняховской культуре синхронный с ней крупнейший металлургический центр в районе Свентокшижских гор, равно как и силезские центры, исказив тем самым картину развития металлургии у носителей собственно черняховской культуры. Приводя же перечень железоделательных мастерских на нашей территории, М. Ю. Брайчевский называет и отмечает на карте 24 пункта, из которых в 19-ти зафиксированы только находки железных шлаков, в двух — сопел и в двух — остатки железоплавильных горнов (Иванковцы на Среднем Днестре и Лопатна в Молдавии)³. В. И. Бидзиля, утверждая наличие более чем 40 местонахождений с остатками черной металлургии черняховской поры, называет лишь два из них — те же Иванковское селище и поселение в Завадовцах на Роси, где им были открыты металлургические горны⁴; аналогичные, по словам В. И. Бидзиля, свентокшижским, «которые выступают наиболее передовыми образцами металлургических горнов этого времени во всей Европе»⁵. С последним утверждением, однако, трудно согласиться.

Учитывая вышесказанное, представляется весьма существенным привести те конкретные материалы, которыми мы располагаем и которые оставались до сих пор не опубликованными.

В Среднем Поднестровье на поселении черняховской культуры у с. Лука Врублевская Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл.,

¹ М. А. Тиханова. Про металургію у Подністрові в черняхівські часи (тезиси доклада). «Матеріали третьої Подільської історико-краєзнавчої конференції». Львів, 1970, стр. 122—124.

² М. Ю. Брайчевський. Біла джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 97—110.

³ М. Ю. Брайчевський. Указ. соч., стр. 100—103 и рис. 22. Наличие остатков горна в Браге, о котором говорит М. Ю. Брайчевский (стр. 103), ссылаясь на Е. В. Махно, — плод недоразумения.

⁴ В. І. Бідзіля. Чорна металургія стародавніх східних слов'ян. «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969, стр. 52—53.

⁵ Там же, стр. 53.

на основном его участке, к западу от села, там, где оно не подстилалось трипольским поселением, раскопками автора была вскрыта большая наземная шахтная печь, расположенная на крутом склоне берега Днестра, в 230 м к востоку от участка с гончарными печами⁶. Обнаружена она была впервые в 1955 г., в последний день работ на поселении в виде небольшого обожженного докрасна пятна. Частичная зачистка его показала, что здесь, видимо, была печь, форму и размеры которой определить невозможно. Около «пятна» найден обломок сделанного на круге сосуда черняховского типа. Работы были продолжены на этом участке в 1957 г.; в результате вскрыты большая шахтная печь, а также куча угля, золы и выкладка из камней к западу—юго-западу от последней (рис. 1, 3).

Печь представляет частично (в своей северо-северо-восточной части) вырезанную в лёссе, а в основном вылепленную из глины округло-овальной формы шахту, наружные размеры которой $2,25 \times 2,18$ м, внутренние — $1,29—1,24$ м вверху и $1,25—1,12$ м внизу со стенами толщиной $0,30—0,40$ м и высотой (в настоящее время) $1,50—1,35$ м. Верхняя часть сильно разрушена, поэтому определить ее первоначальную высоту не представляется возможным. Печь ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. «Устье» печи расположено с юго-юго-западной стороны. Ширина его $0,55$ м, высота внутри $0,55$, снаружи $0,32$ м (рис. 2).

Как показала постепенная разборка заполнения печи, оно представляло собой землю, перемешанную с кусками обожженной докрасна глины, в которой до глубины $1,0$ м попадались в совершенно ничтожном количестве мелкие угольки, зола и осколки керамики черняховского типа, на глубине $1,0$ м — обломки трех осколков, несколько обломков керамики того же типа, в том числе один лепной. На глубине $1,15$ м лежали череп лошади и восемь обломков черняховской лощеной и nelloщеной керамики. На всех обломках — сильнейший известковый налет. Много извести и в земле, заполнявшей нижнюю часть печи. В двух местах у стены, а также в «устье», сплошь заполненным землей, в котором также много извести, золы и угля, лежали большие камни и крупные комья спекшейся извести, на «поду» в северо-восточной его части — обугленные куски дерева (дрова).

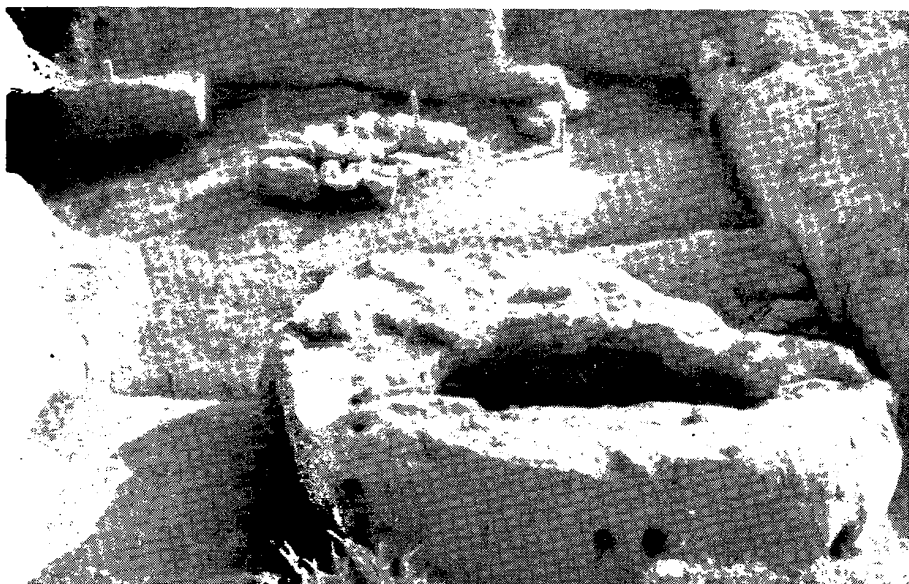
В процессе расчистки заполнения печи и ее пода была вскрыта юго-восточная половина последнего, примыкающая к устью. Разрез его показал следующее: сверху лежало сравнительно тонким слоем ($4—5$ см) обугленное дерево, под ним — слой сильно прожженной глины ($13—17$ см), залегающий на необожженной глине (лёссе). Таким образом, это в сущности не под в настоящем смысле слова, а сильно прожженное «дно» печи. Вторая половина пода и обугленных дров была оставлена на месте и закреплена бутирально. Из печи взяты образцы обмазки и комья спекшейся извести, а также один из камней, лежавших у стенки⁷.

С наружной стороны, у самого устья печи, лежала большая куча спекшегося древесного угля и золы неправильных очертаний, приближающаяся к овалу, вытянутому в юго-юго-западном направлении, размером $1,75 \times 1,10$ м, толщиной около $0,22$ м в среднем (в центре — до $0,42$ м) (рис. 3). Под кучей не было обнаружено никаких следов обожженности.

К западу—юго-западу от печи на расстоянии около $2,0$ м оказалась выкладка из камней (известняк) почти правильных прямоугольных очертаний размером $1,30 \times 1,0$ м, залегавшая на глубине $0,24—0,32$ м от современной дневной поверхности. Среди камней попадались мелкие кости

⁶ И. Д. Зильманович. Гончарные печи Луки Врублевской. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 112—116. См. также: М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 181.

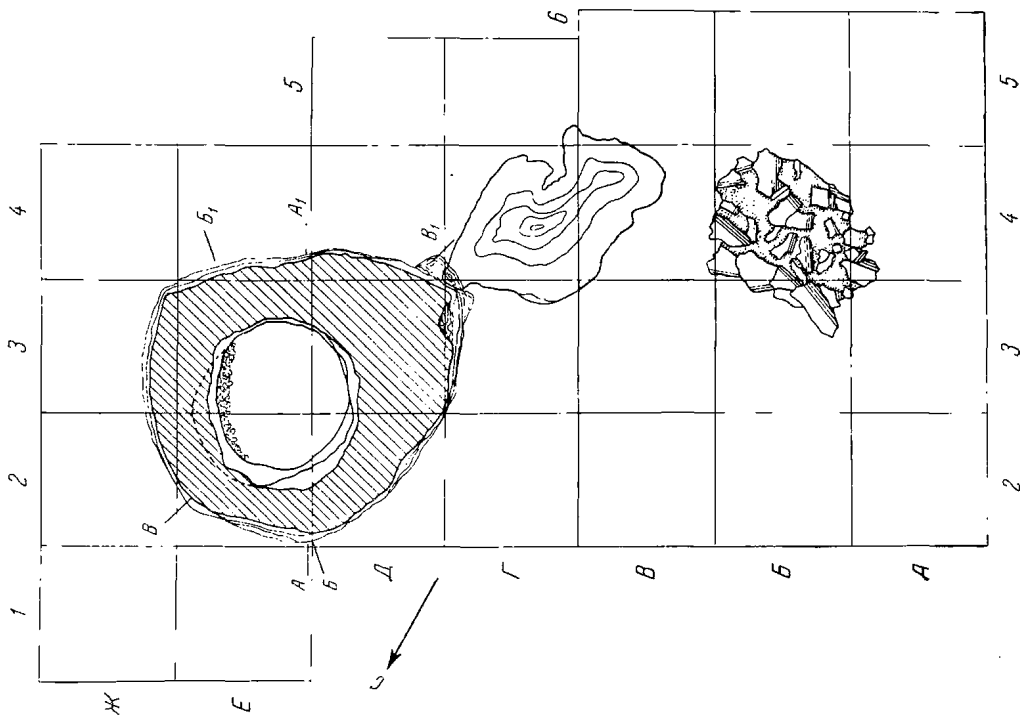
⁷ Произведенные в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР анализы комьев подтвердили, что это действительно комья извести — в составе их кальций и магний.

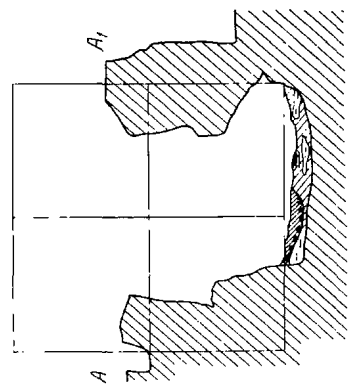
*Рис. 1. Шахтная печь
в Луке Врублевской.
Вид с ССВ*

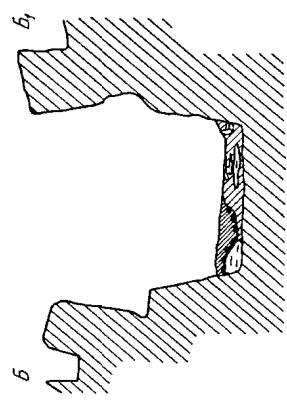
*Рис. 2. Шахтная печь
в Луке Врублевской.
Вид с ЮЮЗ*

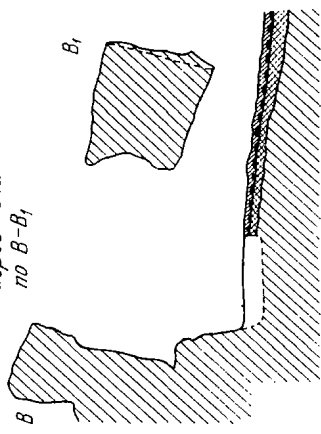
Разрез печи по А-А₁

Разрез печи по Б-Б₁

Разрез печи по В-В₁

Разрез пода

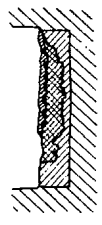

Рис. 3. План и разрезы печи

1 — глина и лёсс, 2 — уголь, 3 — слеская известь, 4 — прожеванная глина, 5 — непрожеванная глина.

животных. Под камнями (они лежали на материке) встречались мелкие обломки круговой черняховской керамики, лощеной и nelloщенной; выше они отсутствовали вовсе.

Печь была законсервирована, т. е. накрыта жердями, перекрыта соломой и засыпана землей, с тем чтобы закончить ее полное исследование в следующем году. Однако сделать этого не удалось⁸.

В 1959 г. вся территория поселения была настолько глубоко перепахана, разрыта и частично застроена, что ни о каком дальнейшем продолжении работ на поселении, культурные остатки которого залегают на очень небольшой глубине, уже не могло быть и речи. Таким образом, рассматриваемая печь осталась недоисследованной. Но раскопки ее в 1957 г. позволяют сделать вывод о том, что она собой представляла, каковы ее дата и назначение.

Датировка печи не вызывает сомнений: ее отчетливо определяют как синхронную гончарным печам и всему поселению в целом (т. е. III—IV вв. н. э.) находки типичной круговой черняховской лощеной и nelloщенной керамики как в самой печи, так и особенно под выкладкой из камней.

Более сложным представлялся вопрос о назначении печи. В отчете о работах 1957 г. нами было высказано предположение, что ее, «видимо, приходится определять как шахтную печь для выжигания извести, то, что немецкие археологи называют Kalkofen, или Kalkbrennofen, т. е. печь для обжигания извести»⁹. К такому заключению нас побуждало, с одной стороны, полное отсутствие как в самой печи, так и в непосредственной близости от нее металлургических шлаков и криц, с другой — наличие в относительно большом количестве извести и «заготовки» известняка. Однако в свете ряда появившихся в последующие годы публикаций тщательно раскопанных, хорошо документированных и детально проанализированных печей для выжигания извести на территории ГДР и Западного Берлина, в Польше и Чехословакии к нашему первоначальному предположению приходится отнестись с крайней остороженностью и признать его маловероятным.

Все до сих пор известные печи для выжигания извести представляют собой довольно глубокие ямы больших размеров, обычно обложенные камнями, обмазанными глиной, округлые или овальные в плане, сужающиеся (иногда уступами) книзу. В их заполнении в верхних частях встречаются, как правило, многочисленные куски обмазки с заглаженной с одной стороны поверхностью и с отпечатками плах, кругляков или полукругляков с другой — видимо, от рухнувших перекрытий. В нижних частях заполнения ям — перемежающиеся слои глины, песка и извести, смешанные с угольками и золой. Мелкие угли и зола покрывают и дно ям, нередко также выложенное камнями. Таковы печи в Берлине—Тиргартене¹⁰, в Клейнкедингсхагене под Штральзундом¹¹, в Каблове к юго-юго-востоку

⁸ Кстати, тогда же на расстоянии 1,5 м к западу от описываемой печи было обнаружено второе обожженное «пятно», что позволяет предполагать наличие еще одной, возможно аналогичной печи.

⁹ М. А. Тиханова. Отчет о работах Днестровско-Волынского отряда Галицко-Волынской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, д. 28, стр. 9 (а также архив ИА АН УССР). Не можем попутно не заметить, что Е. В. Махно в работе «Памятники черняховской культуры на территории Украины (Материалы к археологической карте)» при описании поселения у с. Лука Врублевская упоминает и данный объект (без ссылки на наш отчет), но почему-то называет его «печью для гашения извести» (МИА, № 82, 1960, стр. 52, № 13).

¹⁰ А. Müller, M. Zimmermann. Ein kaiserzeitlicher Kalkbrennofen aus Berlin—Tiergarten. «Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte», Bd. 9. Berlin, 1960, стр. 109—140. Дается и реконструкция печи.

¹¹ А. Leube. Kaiserzeitliche Kalkbrennöfen von Kleinkedingshagen, Kreis Stralsund. «Jahrbuch für Bodendenkmalpflege in Mecklenburg, 1967». Rostock, 1969, стр. 245—266.

от Берлина¹², в Потсдаме—Крамнице¹³, в Обжистви на р. Лабе близ г. Мельник¹⁴, возможно, в Праге—Бубенче¹⁵, в Посвянтнем Плоньского повята¹⁶ и в Прущё Гданьского повята¹⁷. Видимо, к этой же группе печей следует отнести и печь в Познани—Солачке¹⁸, а также печь в Лагардес-мюлене близ Кюшена, при впадении Варты в Одру¹⁹.

Чем же могла быть печь Луки Врублевецкой, если она не была печью для выжигания извести?

Подробное изучение многочисленных исследований, посвященных вопросам металлургии железа и специально сыродутным печам в связи не только с данным объектом, но и с металлургическим комплексом, вскрытым нами на поселении у с. Лепесовка²⁰, приводит нас в настоящее время к иному предположению.

Открытая в Луке Врублевецкой печь, очевидно, связана с металлургическим производством. И по своему местоположению — близ воды, притом на крутом склоне, и по ориентации и конструкции, и по своим размерам это, видимо, была сыродутная печь, горн для восстановления железа из руды. Она принадлежит к типу печей с плоским неуглубленным очагом-топкой и специальным выводным (горновым) отверстием (немецкий термин *Abstich*) — выше мы условно называли его устьем²¹, которое служило и для выпуска шлаков, и для дутья. По классификации Р. Плейнера реду-

¹² A. Müller, M. Zimmermann. Указ. соч. Три печи: одна, раскопанная в 1930 г. И. Вернером (стр. 3, рис. 19); вторая, раскопанная О. Гандертом в 1937 г. (стр. 137, рис. 20); третья, срезанная при добыче гравия, не копалась (рис. 21). См. также: O. F. Gandert. Die Ausgrabungen der Markischen Museums in Kablow bei Königswüsterhausen. «Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts, Archäologischer Anzeiger», табл. 452; он же. Die Ausgrabungen germanischer Dörfer. «Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte», Bd. 3, Berlin, 1954, стр. 86—87; G. Behm-Blanke. Germanische Dörfer in Brandenburg. «Ausgrabungen und Funde», 1958, 3, стр. 263—269.

¹³ Упоминание в ряде работ (А. Мюллера, Е. Пыргала, М. Запотоцкого, Б. Новотного). Основная работа, в которой дается описание печей (R. Hoffmann. Vorgeschichtliche Kalkofen, Eisenschmelzen, Holzkohlengruben, «Mannus», 33, № 4, 1941, стр. 561—573), осталась нам недоступной.

¹⁴ M. Zapotocký. Pес na pálení vápna na starořimském sídlišti u Obžistvi. AR, XIV, 1962, стр. 630—635.

¹⁵ B. Novotný, Latenska pес z Prahy-Bubence. AR, IV, 1952, стр. 3—4. Р. Плейнер видит в печи в Праге (Бубенче) яму для заготовки угля. См.: R. Pleiner. Zaklady slovanského železarského hutnictví českých zemích. Praha, 1958, стр. 66—68.

¹⁶ J. Pyrgala. Najważniejsze wyniki badań osady późnego okresu lateńskiego i wczesnego okresu wpływów rzymskich w Poświętnem pow. Płońsk. «Światowit», t. XXIV. Warszawa, 1962, стр. 285—303.

¹⁷ A. Niewigłowski. Z badań nad osadnictwem w okresach późnolateńskim na Mazowszu. «Biblioteka archeologiczna», 18, 1966, стр. 112—113.

¹⁸ W. Hensel. Poznań w zarym dziejów. Wrocław, 1958, стр. 113—114. В то же время К. Штевожна видит в данной печи, как и в открытых ею в Слопанове, повят Шамотулы, и в ряде других мест, нами упоминаемых, не печи для обжигания извести, а ямы «зернохранилища». См.: K. Przewoźna. Osada i śmietarzysko z okresu rzymskiego w Słapanowie, pow. Szamotuły. «Fontes archaeologici Poznanienses», V (1954). Poznań, 1955, стр. 60—139, специально стр. 78. В последней обобщающей своей работе Р. Плейнер относит печь в Познани—Солачке к плавильным печам неопределенного типа: R. Pleiner. Das Eisenverhüttung in der «Germania Magna» zur römischen Kaiserzeit. «Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1964». Berlin, 1965, стр. 35 (приложение на карте № 71).

¹⁹ A. Kieckebusch. Die Altgermanische Siedlung von Lagerdesmühlen bei Küsterin. Zugleich ein Beitrag zur Geschichte des germanischen Backofens. «Praehistorische Zeitschrift», VI, 1914, Bd. 1—2, стр. 303—329. Автор рассматривал эти печи (а их было три) как хлебопекарные, но современные исследователи (А. Мюллер, Е. Пыргала и др.) видят не только в них, но предположительно и в ряде других печей, ранее считавшихся хлебопекарными, печи для выжигания извести.

²⁰ См. наши предварительные замечания о печах в Лепесовке: М. А. Тиханова. Работы Днестровско-Волынской экспедиции 1960—1961 гг. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 50, а также: R. Pleiner. Das Eisenverhüttung. . ., стр. 33 (прим. 56).

²¹ Напомним, что ориентация печи способствовала использованию ветра, дующего вдоль склона берега реки.

ционных печей римского времени²², ее можно отнести к лоденицкому типу, точнее к его разновидности в Нетжеба к юго—юго-востоку от Праги²³. Датируется он в Чехии временем не ранее III—IV вв. Тип этот распространен также и за пределами Чехии. Такие печи хорошо известны в западных римских провинциях, например в Арвейлере, к югу от Бонна²⁴ (датируется II в. н. э.), равно как и в пределах так называемой *Germania Libera*, между Везером и Лабой, в Зальцгиттере-Лобмахтерсен (также II в.)²⁵, а также на р. Липпе на поселении III—IV вв. в Орлинггаузене у Биллефельда²⁶. В последнем случае печь особенно больших размеров и с внутренним диаметром 1,46 м. Встречаются такие печи и в междуречье Тиссы и Дуная, например в Бешеньо²⁷.

Не припятствует такому толкованию назначения нашей печи и находки в ней комьев извести и «склад» из известняка. Применение извести в качестве примесей (флюсов) для облегчения плавки руды — уменьшения потери железа в шлаке и снижения температуры плавления — хорошо известно и засвидетельствовано археологически²⁸.

В заключение хочется подчеркнуть важное значение открытого горна, который, как говорилось выше, видимо, не был единственным. Поселение черняховской культуры в Луке Врублевцевкой выступает не только как несомненный центр гончарного производства, но, видимо, и как центр металлургический, с сыродутными печами, к тому же наиболее распространенного в III—IV вв. н. э. типа.

Остатки редуционных печей в Среднем Поднестровье были обнаружены, как известно, также и ниже по течению Днестра на его левобережье, в Иванковцах Новоушицкого р-на той же Хмельницкой обл. (раскопки М. Ю. Брайчевского и В. И. Довженка). Авторам раскопок поселения в Иванковцах представляется «крупным металлургическим центром с наземными домницами силезского типа»²⁹. Не имея возможности в настоящей статье сколько-нибудь подробно остановиться на этом вопросе, не можем все же не указать, что для такого определения конструктивных особенностей следов четырех домниц, открытых в Иванковцах, нет достаточных оснований. Остатки их настолько невыразительны, описания столь суммарны и не документированы (в публикации отсутствуют планы, разрезы, фото), что сказать о них что-либо определенное чрезвычайно трудно.

К тому же сами силезские горны, на которые ссылаются авторы (в Тархалице, Грошовице, Хрушице и др.), не однотипны, не говоря уже о том, что конструкция наиболее известных и выразительных из них — в Тарха-

²² Не перечисляя всех работ Р. Плейнера, в которых излагаются эти вопросы, назовем лишь две указанные выше.

²³ R. Pleiner. Das Eisenverhüttung... , стр. 24, рис. 2, 11 (на карте № 66).

²⁴ Там же, стр. 60, рис. 15, 3; на карте № 5.

²⁵ Там же, стр. 30, рис. 7, 5; на карте № 39; конструктивно печь наиболее близкая к лукинской.

²⁶ Там же, стр. 30—31; на карте № 25.

²⁷ Там же, на карте № 104.

²⁸ Например, в Таргувке в Варшаве и в Стшельцах, повят Могильно: L. Rauhut. Studii i materiały do starożytnego i wczesnośredniowiecznego hutnictwa żelaza w Polsce. Studii z dziejów Górnictwa i Hutnictwa, I, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1957, стр. 225; в Тухловицах, в 35 км к западу от Праги: R. Pleiner. Zakłady... , стр. 70; в Обжистви (Чехия): M. Zapotocky. Pec na pálení... , стр. 634 и др.; T. Wislański. Wyniki prac wykopaliskowych w Strzelcach w pow. Mogileńskim w latach 1952 i 1954. «Fontes archaeologici Posnanienses», t. 10. Poznań, 1959, стр. 87.

²⁹ М. Ю. Брайчевский, В. И. Довженко. Поселение и святилище в селе Иванковцы в Среднем Поднестровье. МИА, № 139, 1967, стр. 250—251, 260—261. Ср.: В. И. Довженко. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 140; М. Ю. Брайчевский. Древнеславянское святилище на Днестре. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 44—45.

лице, где в настоящее время их вскрыто уже 73³⁰, представляется во многих своих элементах неясной и спорной³¹.

Южнее, в междуречье Днестра и Прута, на окраине поселения черняховской культуры у с. Будешты Криулянского р-на Молдавской ССР Э. А. Рикманом были открыты остатки сооружения, которые он определяет как вероятные остатки металлургической домницы, предназначенной для производства железа сыродутным способом³² (в предыдущем исследовании, посвященном Будештскому селищу, Э. А. Рикман усматривал в этом сооружении простую яму-хранилище)³³. Одновременно указывается, что сооружение напоминает металлургические углубленные домницы селища Комрат 1³⁴. Судя по описанию, молдавские домницы совершенно иной конструкции — с углубленными очагами — и могут быть отнесены, по классификации Р. Плейнера, к сланскому³⁵, т. е. кельто-германскому типу. Близкой конструкции и открытые нами в двух жилищах на поселении у с. Лепесовка (Южная Волянь) небольшие горны диаметром 0,50 м, почти правильной цилиндрической формы, с углубленными очагами³⁶.

Таким образом, в пределах распространения черняховской культуры выступают металлургические горны различных типов (как и в Центральной, и в Западной Европе). Наиболее развитым из них является тот, к которому принадлежит сыродутная шахтная печь на поселении у с. Лука Врублевецкая.

³⁰ См. новейшие работы: T. Różycka. Ślady dawnych hut na Dolnym Śląsku (I—IV w. n. e.). ZOW, 37, 1971, 1, стр. 20—23; G. Domański. The problem of reconstruction of the smelting furnaces from Tarchalice, Silesia. AR, XXIV, 1972, 2, стр. 193.

³¹ Ср. три варианта их реконструкции, принадлежащие разным исследователям — Краузе, П. Вейерсгаузену и Р. Плейнеру. В то время как один из основных исследователей этих печей В. Голубович вслед за Вейерсгаузеном видит в тархалицких горнах наземную конструкцию, т. е. в сущности вариант лоденицкого типа, Р. Плейнер реконструирует их как печи с углубленными очагами: R. Pleiner. Die Eisenverhüttung..., стр. 38—39, рис. 8, 4—6 (в тексте ошибочно дана ссылка на рис. 7).

³² Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 16.

³³ Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, № 82, 1960, стр. 319.

³⁴ Не опубликованы. Э. А. Рикман ссылается на свой отчет об археологических раскопках 1960 г. (Архив АН Молдавской ССР. Кишинев, стр. 95, 96). См.: Э. А. Рикман. Памятник..., стр. 16.

³⁵ R. Pleiner. Zaklady...; он же. Význam typologie železářských pecí v době římské v světle nových nálezů z Čech. «Památky archeologické», 51. Praha, 1960, стр. 184—220; он же. Die Eisenverhüttung..., 1965, стр. 24, рис. 4.

³⁶ М. А. Тиханова. Работы Днестровско-Волянской экспедиции 1960—1961 гг., стр. 50.

И. К. ФРОЛОВ

ФИБУЛЫ-БРОШИ С ВЫЕМЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ

Фибулы-броши, для которых характерно наличие на обратной стороне иглы и держателя, являются широко распространенными украшениями. Исследуемая подгруппа, украшенная выемчатой эмалью, распространена на узкой локальной территории, охватывающей в основном Эстонскую ССР и северо-восточную часть Латвийской ССР. Единичные экземпляры встречены в Среднем и Верхнем Поднепровье, в верховьях Волги и области Мазурских озер (рис. 1). Можно назвать несколько работ, в которых решаются вопросы, связанные с производством фибул-брошей с эмалью¹. В этих исследованиях, охватывающих большое количество материала и посвященных темам более широким, чем фибулы-броши с эмалью, авторами не ставилась задача детальной разработки всех вопросов, связанных с рассматриваемыми украшениями, но зато имелась возможность сопоставить эту небольшую подгруппу вещей с материалом основной массы предметов. А. М. Тальгрэн на археологическом материале Эстонии сделал попытку проследить эволюцию фибул-брошей. Он считал, что в основе эволюции лежит путь от простого к сложному. По его мнению, начальными формами были фибулы в виде колеса с четырьмя спицами, которые исследователь датировал временем около 200 г. н. э. Затем на фибулах появляются второе кольцо и серединное поле, часто с эмалью. Все последующие этапы характеризуются удвоением и повторением элементов орнамента. Эта редупликация характерна для всех позднейших фибул, относящихся ко второй половине V в. н. э. и позже. А. М. Тальгрэн, сопоставив большое количество вещей не только с территории Эстонии, но и соседних областей, совершенно правильно выделил редупликацию как основу развития фибул-брошей, хотя в его характеристике отдельных экземпляров и можно найти отклонения от общей схемы.

Х. Моора в работе, посвященной вещам с эмалью, принимая в целом схему А. М. Тальгрэна, внес некоторые поправки, касающиеся отдельных этапов развития. Так, он поставил вопрос о провинциально-римских прототипах фибул-брошей с эмалью и соответствующей корректировке хронологии этих вещей. Основываясь на находке из римского лагеря около Заальбурга, он отнес начальные экземпляры фибул к IV в. н. э. В работе о железном веке Латвии Х. Моора уточнил это положение, согласившись с выводами Р. Хаусмана о провинциально-римском происхождении почти всех типов фибул-брошей², и подчеркнул закономерность усложнения орнамента на вещах, встреченных на территории римских провинций.

¹ А. М. Tallgren. Zur Archäologie Estis, t. I. Dorpat, 1922, стр. 100—102; H. Moora. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks SMYA, XL. Helsinki, 1934, стр. 83—85; он же. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. chr., t. II. Tartu, 1938, стр. 100—116.

² H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland. . . , стр. 100.

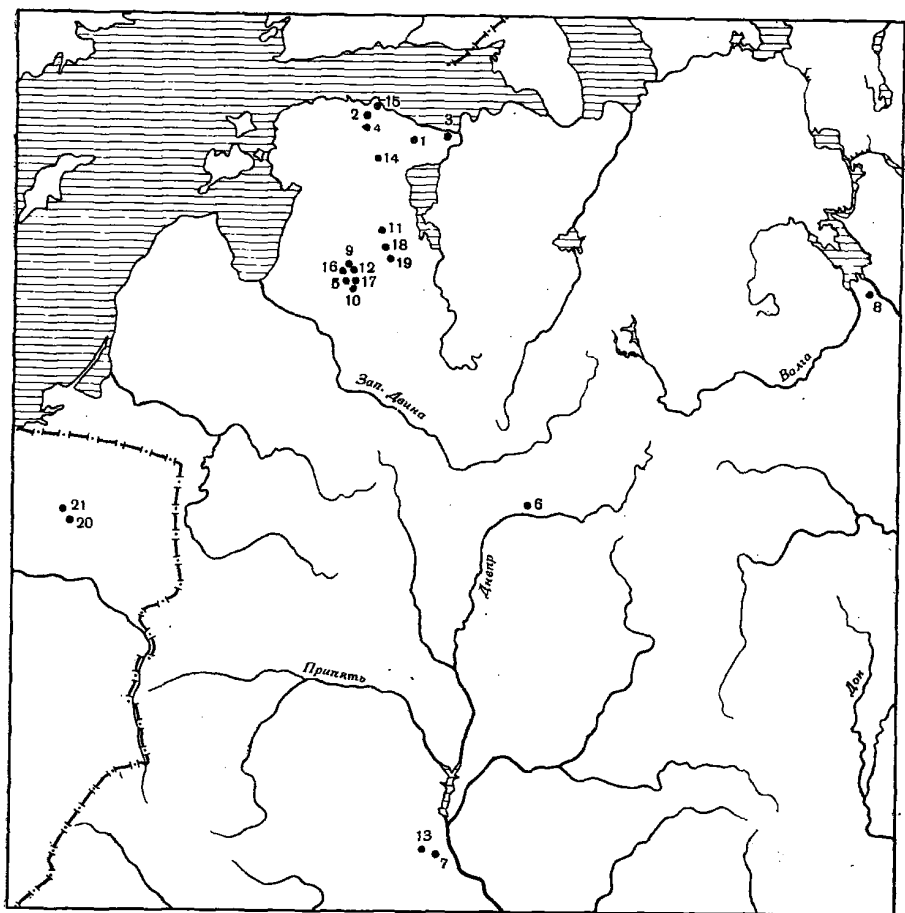

Рис. 1. Распространение фибул-брошей с эмалью

1 — Пайда; 2 — Ябара; 3 — Тюрсамя; 4 — Тырма; 5, 16 — Триката; 6 — Колодня; 7 — Черняхов; 8 — Березняки; 9, 12 — Каугар II; 10 — Велла Краванде; 11 — Пиккарве; 13 — Михайловка; 14 — Кярде; 15 — Кальви; 17 — Дунтевенен; 18, 19 — Вируука; 20 — Махары; 21 — Яново (Хайриксдорф)

Общность процесса развития дает возможность создания относительной хронологической схемы, но не дает права ставить образование каждого типа в зависимость от провинциально-римских образцов. Римские импортные фибулы, найденные на восточном побережье Балтийского моря³, резко отличны от рассматриваемой подгруппы фибул-брошей, и, несмотря на отдельные аналогии, приведенные Х. Моора, нельзя все сводить к их эволюции. Кроме того, нужно иметь в виду, что в районе Балтийского моря встречены фибулы очень простой конструкции и относящиеся к позднему времени⁴. Возможно, что некоторые экземпляры не входят в систему редупликации, характерную для большинства вещей.

³ V. Ginters. Romas imports Latviya. «Senatne un Māksla», 2. Rīga, 1936; U. Michelbertas. Romas imperijos ītakos baltu genēiū kultūrai klausimu. «Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai», serija A, 1965, N 1; J. Antoniewicz. O kilku importach prowincjonalnorzymskich, znalezionych na obszarach plemiennych Jacywiezy. «Światowit», t. XXIV. Warszawa, 1962, str. 312—328.

⁴ H. Rydh. De arheologiska undersökningarne på Adelsö sommaren 1916. «Fornvännen», 1917, str. 93, 96, рис. 6.

Для решения вопросов, связанных с производством фибул-брошей, украшенных выемчатой эмалью и найденных в восточной части Балтийского моря, необходима более точная разработка типологических основ с созданием корреляционных таблиц и карт.

Фибулы-броши состоят из плоского щитка и прикрепленных к его оборотной стороне иглы и приемника. Крепление иглы шарнирное, без пружины. Щиток подразделяется на эмалевое и орнаментальное поля. Первое состоит из выемов с эмалью и помещенных между ними бронзовых декорирующих элементов. В орнаментальное поле входят различные бронзовые элементы, находящиеся за пределами эмалевого поля. Размеры эмалевого и орнаментального полей изменяются относительно друг друга, и это необходимо учитывать при типологии данной группы вещей. Соотношения диаметров или максимальных размеров орнаментального поля и соответствующих параметров эмалевого определяет величину M . При M больше или равным 1,5 эмалевое поле считается малым, а при M меньше 1,5 — большим. Общая форма вещей, характер эмалевого поля и соотношение размеров полей (M) послужили основой для выделения типов, а формы и структуры орнаментального поля — для вариантов.

По форме фибулы делятся на крестообразные и круглые. Эмалевое поле характеризуется формой и рисунком. Форма эмалевого поля бывает ромбическая, крестообразная и круглая. Дополнительно выделяется ажурная форма. Рисунок на этом поле включает следующие элементы: ромбический центр, крестообразное изображение, кольцо, сегнерово колесо. В случае крестообразного изображения необходимо учитывать форму лопастей: секировидную, овальную, крестообразную и подтреугольную.

Орнаментальное поле характеризуется формой и декорирующими элементами. Форма встречена крестообразная, кольцеобразная и кольцеобразно-ажурная. В случае крестообразной формы необходимо учитывать форму лопастей: трехлепестковые, в виде двойных колец, подтреугольные и треугольные. При кольцеобразной и кольцеобразно-ажурной формах орнаментального поля следует принять во внимание следующие декорирующие элементы: контурная пластина, ажурные ушки или кольца по краю поля, кольца-накладки, бордюры из пластин, арок или ромбических щитков, кольцевой валик, круг из слившихся колец или подтреугольных лопастей и щитки-гребни, закрепленные перпендикулярно к поверхности поля. На основании вышеперечисленных характеристик было выделено семь типов с вариантами внутри них (табл. 1).

Тип I характеризуется круглой общей формой и большим крестообразным эмалевым полем с ромбическим центром и секировидными лопастями. Варианту А свойственно кольцеобразное орнаментальное поле, состоящее из контурной пластины, иногда с кольцами по краю. К этому же типу относится находка без эмалевого декора (подтип 1), но орнаментальное поле ее повторяет форму эмалевого поля вещей этого типа (рис. 2, 1—3).

Тип II имеет общую круглую форму и большое круглое ажурное эмалевое поле с крестообразными эмалевыми рисунками. Лопастей креста подтреугольные. Вариант А характеризуется кольцеобразным орнаментальным полем, внешний край которого состоит из слившихся подтреугольных лопастей. Лопастей отделены от остальной части кольцевым валиком. Вариант Б имеет кольцеобразное орнаментальное поле, состоящее из контурной пластины, иногда с ажурными ушками по краю. К этому же типу относится фибула с крестообразными лопастями в эмалевом рисунке (подтип 1). По всем остальным данным она сходна с предметами варианта А (рис. 2, 4—7).

Тип III имеет круглую общую форму и малое эмалевое поле с ромбическим центром. Варианту А свойственно кольцеобразное орнаментальное поле с подтреугольными лопастями. К этому же типу относится фибула с малым ромбическим эмалевым полем (подтип 1) (рис. 2, 8—10).

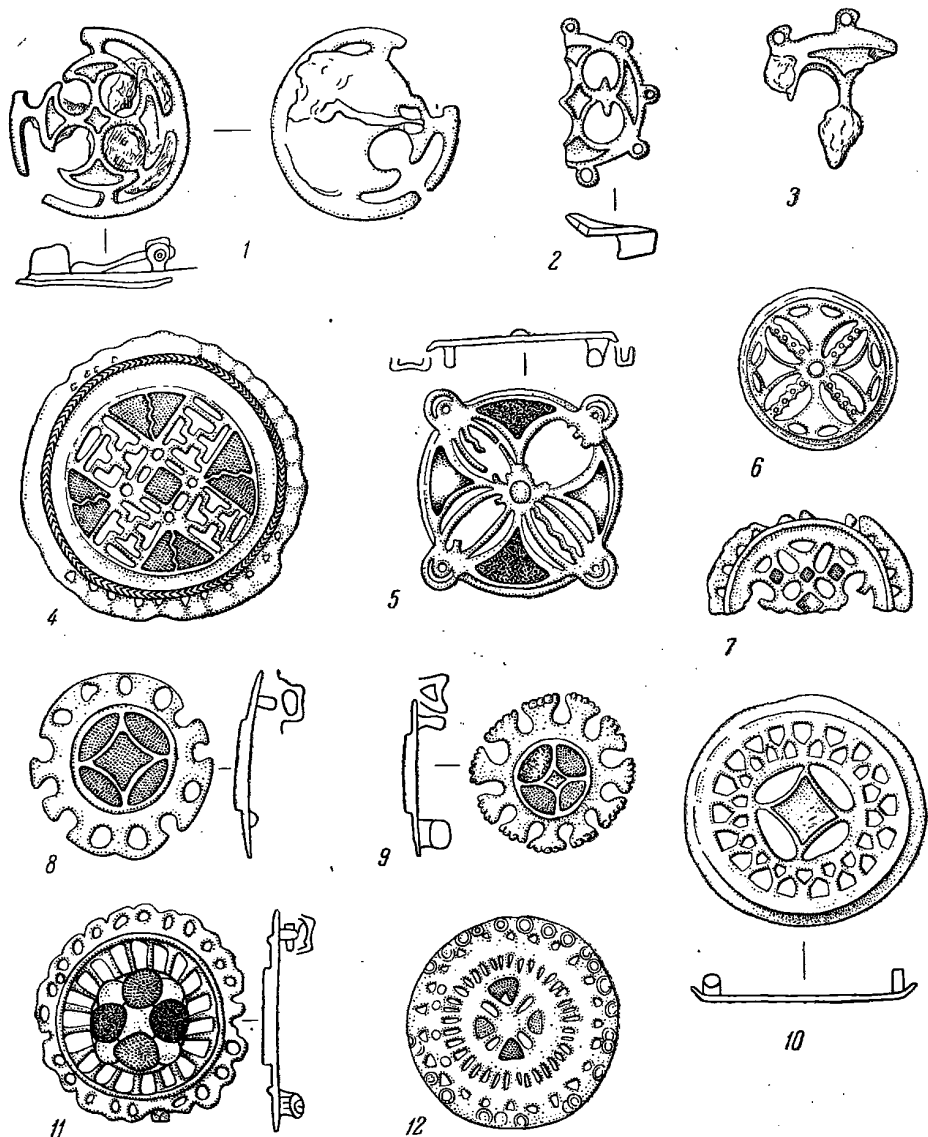

Рис. 2. Фибулы-броши типов I—IV

1 — Пада; 2 — Ябара; 3 — Тюрсамья; 4 — Триката; 5 — Колодия; 6 — Черняхов; 7 — Березники; 8, 11 — Каугар II; 9 — Велла Краванде; 10 — Пикярве; 12 — место находки неизвестно

Тип IV характеризуется круглой общей формой и малым круглым эмалевым полем, соединенным с эмалевым центром бордюром из тонких пластин. К этому же типу следует отнести фибулу с ажурным эмалевым полем (подтип 1) (рис. 2, 11, 12).

Тип V имеет круглую общую форму и малое круглое эмалевое поле с рисунком в виде сегнера колеса. Внутри типа выделяются два варианта. Вариант А имеет кольцеобразное орнаментальное поле из подтреугольных пластин с кольцевым валиком и ажурного бордюра. Вариант Б имеет кольцеобразное орнаментальное поле из подтреугольных пластин

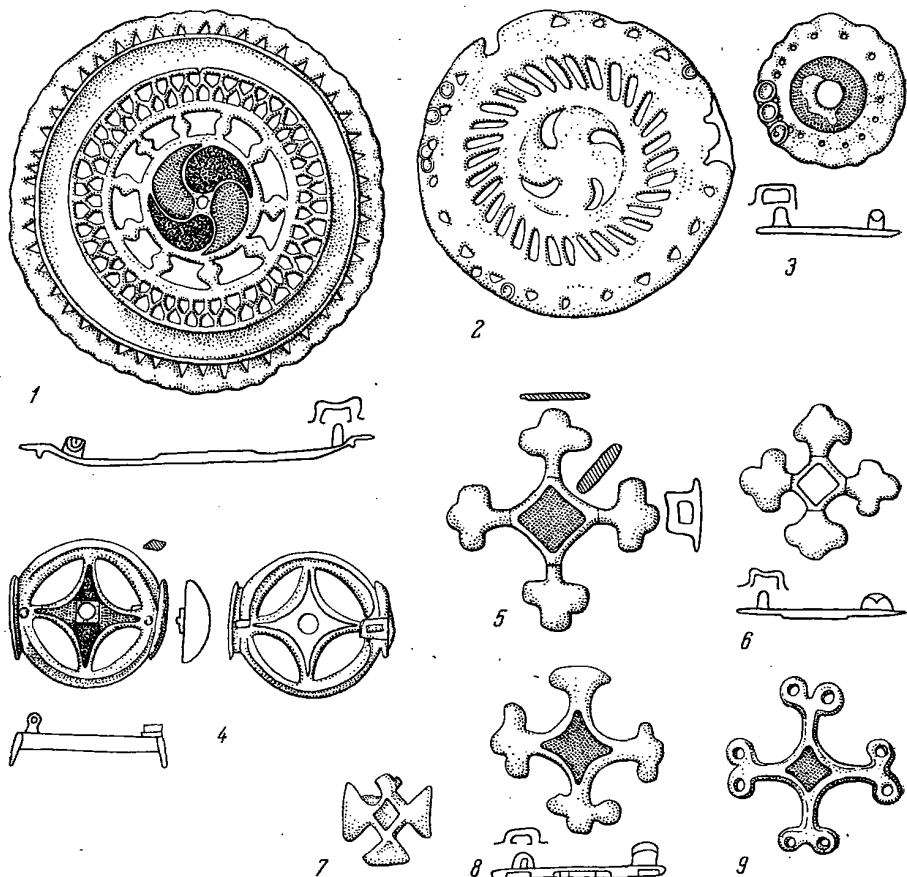

Рис. 3. Фибулы-броши типов V—VII

1 — место находки неизвестно; 2 — Михайловка; 3 — Керде; 4 — Каалы; 5 — Триката; 6 — Яунтеневи; 7 — Махары; 8, 9 — Вирнука

с кольцами-накладками по поверхности и ажурного бордюра. К этому же типу относится фибула с эмалевым рисунком в виде кольца (подтип 1) (рис. 3, 1—3).

Тип VI — круглая общая форма и большое ромбическое эмалевое поле. Орнаментальное поле кольцеобразное, в виде контурной пластины со щитками-гребнями (рис. 3, 4).

Тип VII характеризуется общей крестообразной формой и имеет малое ромбическое эмалевое поле. Он состоит из трех вариантов. Варианту А свойственно крестообразное орнаментальное поле с трехлепестковыми лопастями креста. Вариант Б отличается лопастями в виде двойных колец. Вариант В имеет треугольные лопасти⁵ (рис. 3, 5—9).

Всего на небольшой территории, занимаемой балтскими и западнофинскими племенами, найдено 23 фибулы-броши с выемчатой эмалью. Ни одной находки не обнаружено в комплексе, который позволил бы определить

⁵ В этот вариант включены экземпляры из Махар и Хейнриксдорфа (Яново, ПНР). В литературе имеются расхождения по определению категории этого предмета. В. Герте относит вещь из Махар к фибулам и приводит ей аналогии (*W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, рис. 170 q, 170 c, 170 h, стр. 225*); Х. Моора считает эти находки подвесками (*H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland... стр. 118*).

абсолютную дату. Фибулы обнаружены либо в могильниках с каменными оградями, в которых трудно точно датировать отдельные вещи, либо это случайные находки без сопутствующего инвентаря.

Таблица корреляции признаков (табл. 2) выявляет взаимосвязь типов и отдельных вещей. Одни признаки присутствуют в различных типах, связывая их, другие принадлежат лишь определенным типам, являясь отличительной особенностью. Вся подгруппа рассматриваемых вещей делится на две части по наличию большого или малого эмалевого поля. К одной части принадлежат типы I и II, а к другой — остальные. При этом ряд признаков объединяет эти типы, а другие подчеркивают создавшееся разделение (крестообразное эмальевое поле, секировидные лопасти и др.).

Необходимо определить характер этой системы относительной взаимосвязи. Имеется несколько доводов, позволяющих говорить о хронологической последовательности типов, расположенных на табл. 2. Во-первых, малое эмальевое поле связано в основном с довольно большим и разнообразным орнаментальным полем, в котором наиболее ярко выражена система дубликации, свидетельствующая о более позднем характере вещи. Во-вторых, тип I, помещенный в верхней части таблицы, относится исследователями к концу римского периода⁶, а тип VII, находящийся в конце таблицы, имеет признаки, встреченные на значительно более поздних вещах⁷. Поэтому на основании корреляционной таблицы можно говорить о двух стадиях развития фибул-брошей.

К стадии B⁸ принадлежат типы I и II. Определяющие признаки: большое крестообразное эмальевое поле, секировидные (подтреугольные) лопасти, ромбический центр, крестообразный эмальевый рисунок, контурная пластина и волнистая пластина. В этой стадии можно выделить два периода: B₁ и B₂. Определяющим признаком является волнистая пластина, характерная для восточнолитовского эмалевого центра, изделия которого стали появляться, вероятно, в самом конце римского периода или даже после него⁹. Большинство фибул-брошей периода B₂ имеет волнистую пластину и принадлежит типу II. Кроме того, тип II, как видно из табл. 2, имеет ряд отличительных признаков от типа I, которые продолжают существовать и в стадии B. Все это дает основание считать тип II более поздним, чем тип I, и принадлежащим периоду B₂.

Стадия B (типы III—VII) имеет ряд признаков, общих со стадией B, — кольцеобразное орнаментальное поле, круглая общая форма, — и отличительных, присущих только ей, — малое эмальевое поле, бордюр из пластин, арок и щитков, кольца-накладки, ромбическое эмальевое поле, крестообразная общая форма. Отдельные признаки стадии B встречены в единичных случаях и в стадии B, но это не влияет на общую схему. Вероятно, мы имеем дело с переживанием некоторых элементов.

Стадия B также делится на два периода: B₁ и B₂. Разделяющими признаками являются ромбическое эмальевое поле и крестообразная общая форма. Период B₁ типологически связан со стадией B. Период B₂ не имеет подобных связующих признаков. К периоду B₁ принадлежат типы III, IV, V, к периоду B₂ — VI и VII. Тип VI, представленный уникальным экземпляром из Кальви (рис. 3, 4), имеет большое эмальевое поле, не

⁶ Н. Мога. Zur Frage nach der Herkunft... стр. 83—85; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 100.

⁷ Сюда можно отнести плоские трехлепестковые лопасти, встреченные на фибулах V в. н. э. (М. Х. Шмидехельм. Указ. соч., стр. 105).

⁸ К стадии A могут принадлежать экземпляры, бытовавшие в III и начале IV в. н. э. и не встреченные в рассматриваемой подгруппе.

⁹ И. К. Фролов. Подвеска из Дмитровского могильника. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 271—274.

встреченное больше ни на одном экземпляре стадии В. У него есть признак (ромбическое эмалевое поле), связывающий его с поздним типом VII, и, кроме того, он типологически близок к поздним вариантам скандинавских фибул-брошей¹⁰. Это дает основание отнести кальвийскую находку к периоду В₂.

В тип II, принадлежащий стадии Б, входит экземпляр из Березняков (подтип 1) (рис. 2, 7). Эту вещь, вероятно, следует считать более поздней, поскольку на ней имеются явные признаки редупликации (в таблице она условно помещена в стадии Б). Она имеет не только крестообразный эмалевый рисунок, но и сами лопасти носят крестообразную форму. Подобного элемента не встречено в типе II и стадии Б, но зато он характерен для лунниц с эмалью последней стадии.

Наиболее ранний тип фибул-брошей с эмалью (тип I) встречен в Северо-Восточной Эстонии и захватывает очень небольшой участок побережья Балтийского моря (рис. 1). Близкий ему тип II встречен на более широкой территории: Северная Латвия, Поднепровье и верховья Волги. Типы III, IV, V и VI захватывают области Северной Латвии, изредка Эстонии и Поднепровья. Наиболее поздний тип VII имеет очень узкий ареал: Северная Латвия, Южная Эстония.

Как тип I, так и VII представляют узкое локальное производство, мастерские которого функционировали в разное время и на разной территории, изготавливая вещи типологически разные, но являющиеся дальними «родственниками». Если для типа I было характерно крестообразное эмалевое поле с ромбическим центром, то для типа VII — крестообразная общая форма с ромбическим эмалевым полем.

Выделить центры производства для остальных типов очень затруднительно, хотя основная масса тяготеет к северолатвийским областям. Здесь необходимо учитывать влияние центров производства, находящихся в Восточной Литве, может быть, в Помазурье, а также влияние других категорий вещей с эмалью (например, подковообразных застёжек Северо-Восточной Эстонии). На некоторых экземплярах сказывается пережиточное влияние провинциально-римских фибул (фибулы с орнаментацией сегнерова колеса, кольцеобразные, возможно имеющие прототипы в фибулах с тутули)¹¹. Но основная масса фибул сделана в местных мастерских по оригинальным образцам, характерным для северо-восточной части Балтийского моря.

Этот вывод подчеркивается самобытностью цветовой гаммы, применяемой в эмалевых вставках. Наибольшего разнообразия она достигает в периоды Б₂ и В₁. Если в начале стадии Б и в конце стадии В встречен в основном красный цвет эмали, то в периодах Б₂ и В₁ можно отметить сочетание красного и зеленого, красного и белого, красного и синего цветов. Расположение контрастирующих тонов обычно крестообразное. Необходимо отметить применение дополнительного цвета в сочетании с основным, при этом по закону контраста цвет достигает максимальной интенсивности¹². Подобное сопоставление имеется в типе II и IV (соответственно периоды Б₂ и В₁), где основной красный цвет подчеркивается дополнительным зеленым. Это явление встречено в основном на вещах балтского производства в различных категориях и особенно характерно для Северо-восточной Литвы в районе р. Швентойи¹³. Подобное сочетание цветной эмали говорит не только о высоком художественном вкусе балтских мастеров, но и подчеркивает местный характер производства этих вещей.

¹⁰ H. Rydh. Указ. соч., рис. 6.

¹¹ J. Antoniowicz. Указ. соч., стр. 324, рис. 3b.

¹² Д. Ревалд. Постимпрессионизм. М., 1962, стр. 56.

¹³ «Lietuvių Liaudies menas». «Senovės lietuvių papuošalai», I knyga. Vilnis, 1958, рис. 150, 151.

В. П. ДАРКЕВИЧ

КОВШ ИЗ ХАЗАРИИ
И ТЮРКСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

В 1866 г. в «Коцком городке» хантов Кодского края около с. Кондинского в низовьях р. Оби (быв. Березовский у. Тобольской губ., ныне Тюменская обл.) был найден серебряный ковш, хранящийся в Отделе Востока Эрмитажа (рис. 1).

Согласно А. А. Спицыну, сосуд исполнен не ранее VIII в.¹ Я. И. Смирнов отметил, что «характерные деревья на ободке ковша... находят себе аналогии и хронологическое определение во множестве бляшек, относимых к VIII—X веку»². Действительно, тождество стилизованных «деревьев» из трех пальметок на разветвляющемся стволе с поясными бляшками салтовского типа (вторая половина VIII—IX в.)³ определяет дату и происхождение вещи.

Диаметр ковша 26,5 см, высота 6,5 см. Его стенки плавно переходят в округлое дно. Ручка, обломанная в верхней части, была прикреплена четырьмя заклепками. На отогнутом горизонтальном бортике ковша расположены по кругу сцены охоты и единоборства богатырей. Фигуры, выполненные в низком и плоском рельефе, детализированы гравировкой, фон позолочен. Слегка приподнятый край гладкого низу бортика имеет фигурный контур, часто встречаемый на салтовских поясных накладках. На гладкой внутренней поверхности сосуда прочерчены восемь антропоморфных нагих фигур с саблями в руках, в головных уборах, завершаемых тремя островерхими выступами. Подобные изображения шаманов в позе священного танца на серебряных блюдах из Верхнего Прикамья и Западной Сибири относятся к IX—X вв. (сабли появились в Верхнем Прикамье около IX в.). Они связаны с охотничьей магией угорского населения Зауралья раннего этапа родановской культуры⁴.

На сохранившейся части ручки представлена борьба двух спешившихся всадников (рис. 2, 1). На них костюмы, приспособленные для верховой езды: подпоясанные кафтаны с узкими рукавами и разрезом на груди сверху донизу (полы кафтана перед поединком заправлены за пояс), штаны и невысокие мягкие сапоги без каблуков со слегка загнутым кверху носком. Борющиеся различаются типом лица и прической. Один из них с длинными усами, волосы повязаны развевающейся лентой. Головной убор в виде повязки носила тюркская кочевая аристократия, что

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, 1906, стр. 45.

² Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 8, табл. LVIII, 92.

³ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 31, 39, 44, 47.

⁴ В. Ю. Лещенко. Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореферат канд. дисс. Л., 1971, стр. 13, 14. Подобные обряды существовали и у тюркских народов. Моисей Каганкатвади сообщает, что савиры устраивали коллективные камлания — пляски и «битвы на мечах в нагом состоянии» (Моисей Каганкатвади. История агван. СПб., 1861, стр. 193 и сл.).

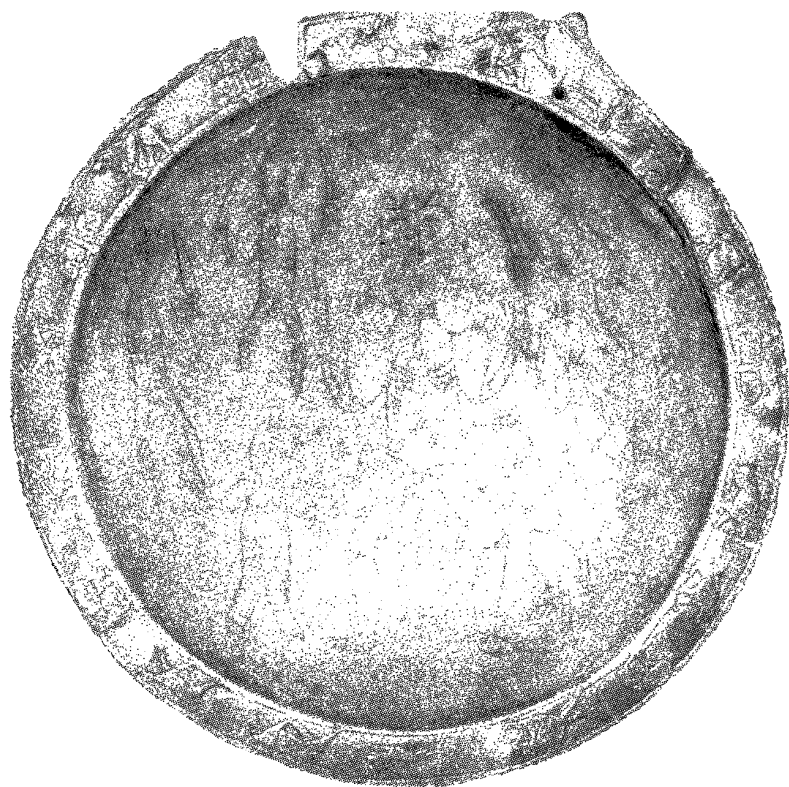

Рис. 1. Ковш из Коцкого городка. Общий вид

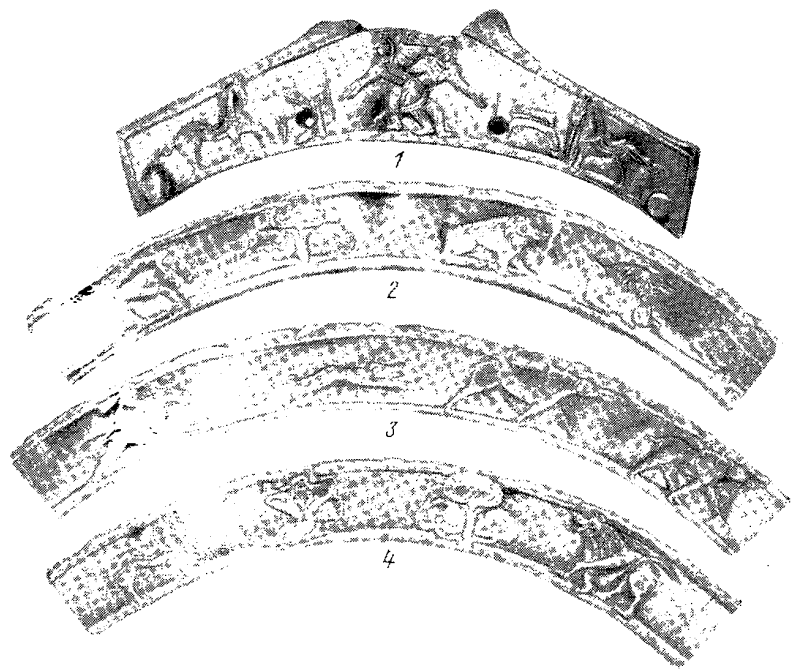

Рис. 2. Ковш из Коцкого городка. Детали

отмечали китайские источники, например Сюань Цзан при описании владетелей Кучи⁵. Всадник в похожей шапочке с лентой начерчен на камне Маяцкого городища⁶, ее носит один из персонажей на поясных накладках клада, найденного в 1908 г. близ с. Редикора Пермской обл.⁷ У второго участника поединка волосы заплетены в длинные косы. Хотя у тюркоязычных народов косы носили и мужчины (один из этнических признаков тюрков на огромной территории от юго-востока Европы до Центральной Азии), более вероятно, что здесь изображена девушка (лицо безбородое и безусое). Рядом с каждым из борцов сложено его оружие: кинжал, колчан со стрелами и налучье с луком (аналогично расположенные колчаны и луки в футлярах находим около спешившихся всадников в сцене коленопреклонения на «изваянии» — валуне погребения 16 могильника Кудыргэ на Алтае, VII в.)⁸. Около богатырей стоят их заседланные кони, привязанные к колышкам. Кони степные, монгольской группы. При небольшом росте у них длинное туловище, широкая грудь, короткие шея и ноги. Грива подстрижена, хвост завязан в узел. Узда с носовым ремнем и ремнем оголовья. Твердые седла близки древнетюркским седлам VIII—X вв. (отличие заключается в отсутствии выреза в нижней передней части полок). Они состоят из деревянных передней и задней луки и двух полок ленчика. Полки имеют небольшой овальный вырез в задней части, в результате чего образовалась широкая лопасть (в Китае такие седла известны уже в 30-х годах VII в.)⁹. Под седлами изображены чепраки.

По ободку ковша размещена серия разделенных деревьями сцен богатырских охот (происходят в лесистой местности?). Они идут в такой последовательности (по часовой стрелке): кабан, два медведя (рис. 2, 2), всадник с арканом в правой руке в сопровождении борзой преследует двух оленей-маралов (рис. 2, 3). Далее тот же спешившийся охотник, стоя на одном колене и обернувшись назад, посылает стрелу в выходящего из-за дерева льва (рис. 2, 4). Последний эпизод, далекий от реальности, придает и всем остальным сюжетам сказочно-эпический колорит. Богатырь стреляет из сложного з-образно изогнутого лука (на Алтае начал применяться в VII—IX вв.)¹⁰. У кафтана вместо воротника показаны отвороты. За спиной героя показан его конь. От передней части седла на ремнях свешиваются стремени. Наиболее ранние датированные находки стремени или их изображений относятся ко второй половине VI в. Их появление на обширных пространствах евразийских степей от Китая до Венгрии связывают с распространением древнетюркской культуры. Возникновение стремени, которые в конце VI в. вместе с аварами проникли в Европу, непосредственно связано с изобретением седла с твердым остовом¹¹.

Сюжетные параллели героической охоте находим в искусстве тюркоязычных племен Саяно-Алтая. Таковы сцены охоты конных лучников, вырезанные на двух роговых накладках от луки седла из Кудыргэ (VI—VII вв.). Среди преследуемых животных видим тигров, медведя, двух маралов (самца и самку), кулана, горного барана, косулю, зайца¹². Накладки сближаются с ковшем реалистической манерой рисунка, сходством фигур оленей и собаки, деталями костюма и вооружения всадников (бах-

⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 148.

⁶ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, рис. на стр. 289.

⁷ ОАК за 1909 и 1910 гг., 1913, рис. 278.

⁸ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 21, табл. VI, 2.

⁹ С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). СЭ, 1966, № 3, стр. 69, рис. 7.

¹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 511, 512.

¹¹ С. И. Вайнштейн. Указ. соч., стр. 65—67.

¹² А. А. Гаврилова. Указ. соч., стр. 35, 36, табл. XVI, I.

рома, ниспадающая с головного убора, шаровары, лук и налучье). Теме героической охоты посвящены бронзовые рельефы от луки седла из шестого кургана Копенского чаатаса на Енисее (VII—VIII вв.). Скачущие конники, обернувшись, стреляют из лука в нападающих на них тигров; от всадников убегают снежные барсы, дикие кабаны, лани, горные козлы. Рядом с хозяином зверей преследует степная собака. На охотниках полудлинные кафтаны, перетянутые поясом, мягкие сапоги без каблуков. На правом боку расширяющиеся книзу колчаны. Низкорослые кони с завязанными узлом хвостами близки коням на ковше¹³.

М. И. Ростовцев усматривал в сцене борьбы на сосуде ритуальное сражение за царскую власть — эпизод иранского эпоса. В «Шахнаме» герои неоднократно прибегают к борьбе, когда другие способы боя не приносят решительного успеха¹⁴. С героическим эпосом южносибирских народов связал сюжеты на ковше М. П. Грязнов, но не конкретизировал свои наблюдения. Он справедливо отметил, что усатый персонаж в шапочке с лентой повторяется во всех трех сценах — он главный герой повествования. По мнению М. П. Грязнова, здесь представлена целая эпопея: охотничьи подвиги богатыря и его поединок с другим богатырем¹⁵.

Анализ изображений на ковше приводит к выводу, что перед нами эпизоды эпического сказания об Алпамыше, бытование которого засвидетельствовано на всем пространстве степей от предгорий Алтая до западных границ передвижения тюркоязычных племен огузов и кипчаков — средней Волги (Казань), Южного Урала (Башкирия), Закавказья (Азербайджан) и Малой Азии (Анатолия)¹⁶. Древняя форма эпоса об Алпамыше, сюжетно совпадающая с ним (огузская версия), представлена «Рассказом о Бамси-Бейреке, сыне Кам-бури», который входит в состав средневекового эпического цикла «Книга моего деда Коркута», и современными анатолийскими сказками о Бейреке. В. М. Жирмунский полагает, что значительная часть эпических сказаний цикла Коркута сложилась в первоначальной форме еще в IX—X вв. на более древней родине огузов — в низовьях Сырдарьи (перенесены на Ближний Восток в XI в. в период сельджукского завоевания). Отдельные элементы сказаний в форме богатырской сказки (типологически наиболее древнем эпическом жанре) у огузов восходили к поре их жизни на Алтае в составе так называемого Тюркского каганата VI—VIII вв.¹⁷

Как свидетельствуют сцены на ковше, мотивы огузской версии эпоса уже в IX в. были известны на территории Хазарского каганата, возможно, в смешанной хазаро-огузской среде. Хазары считали себя родственными по происхождению с кочевниками зауральской равнины — огузами (гузами), которые в X в. продвинулись на запад вплоть до Волги. Огузские племена, находившиеся под политическим влиянием Хазарии, служили военной опорой хазарских царей. Им (или печепегам) была поручена охрана Саркела; по временам вся Хазария покрывалась их кочевьями¹⁸. В этих условиях легко происходило усвоение пришлых эпических мотивов, их распространение вместе с кочующими тюркскими племенами. Возможно, у хазар существовали близкие версии сказания.

Одним из обязательных эпизодов «Рассказа о Бамси-Бейреке» является состязание героя-жениха с невестой — богатырской девой. Однажды во время охоты, преследуя дикую козу, Бамси-Бейрек заметил красный

¹³ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 622, табл. LVII, 1—4; LVIII, 1—2.

¹⁴ M. Rostovtzeff. Some new aspects of Iranian Art. «Seminarium Kondakovianum», VI, Praha, 1933, стр. 166.

¹⁵ М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 3, Л., 1961, стр. 10, 17.

¹⁶ В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960, стр. 10.

¹⁷ Там же, стр. 9, 63—66.

¹⁸ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 114, 239, 327, 328, 419.

шатер, поставленный на зеленом лугу. Это был шатер Бану-Чечек, уже с колыбели обрученной с Бейреком. Решив испытать мужество своего жениха, девушка послала ему навстречу свою подругу Кысырча-Нике. Назвавшись ее служанкой, Бану-Чечек предложила Бейреку три испытания: «Давай выедем вместе на охоту: если твой конь обгонит моего коня, ты обгонишь и ее коня. Выпустим тоже вместе стрелы: если ты меня превзойдешь, то превзойдешь и ее; потом поборемся с тобой: если ты меня одолеешь, ты одолеешь и ее». Бейрек побеждает во всех трех состязаниях. После того как он с трудом пересиливает ее в борьбе, девушка называет герою свое имя¹⁹. Богатырские состязания, сопровождающие сватовство, — обязательная часть эпоса об Алпамыше, а образ его невесты, сохранивший древние черты амазонки, прочно сохранился во всех версиях сказания. Богатырь, побеждая воинственную деву, становится ее мужем, а побежденная лишается богатырской силы. В башкирской сказке Алпамыш борется с ней семь дней и семь ночей; в окинском эпосе героини — «девы небес», вооруженные луками, стрелами и копьями²⁰. Эта борьба между женихом и невестой — наиболее архаическая, восходящая к матриархату форма брачных состязаний — и представлена на ручке ковша.

Сцены охоты также связаны с темой героического сватовства. В тюркских и монгольских богатырских сказках полное опасностей брачное путешествие героя сохраняет сказочно-фантастические подробности. На пути к своей «суженой» он сражается с хищниками (в том числе с медведями) и сказочными чудовищами (на ковше их представляет лев). В алтайской сказке «Ак-би» герою поручают из трех медведей, что за горой Темир-тайга, привести самого младшего. В другой алтайской сказке отец невесты подвергает жениха нескольким испытаниям: он должен победить и привести в его ставку одного из трех медведей и одного из трех сивых быков, тигра, «желтого» жеребца, пасущегося у Желтого моря, а также одолеть неведомого зверя Андалма²¹. В анатолийских сказках героя заманивает в плен олень, которого он преследует во время охоты²². В эпосе степных кочевников исключительную роль играет богатырский конь, без которого не обошлась ни одна сцена, изображенная на ковше. Он — неразлучный и верный товарищ витязя, его чудесный помощник и советчик.

Так как все сюжеты объединены темой героического сватовства, можно предположить, что ковш был заказан как свадебный подарок. По-видимому, сцены «читаются» в такой последовательности: 1) Поимка оленя (имеется в виду чудесный «златорогий» олень, которого нельзя убить, а можно только заарканить) — одно из брачных испытаний героя. За всадником идут кабан и два медведя, с которыми ему предстоит вступить в единоборство. 2) Второе испытание жениха — победа над грозным львом. 3) Единоборство героя с богатырской девой, за которым последует счастливая свадьба. Есть и другой вариант объяснения: приключения героя-охотника на пути к шатру «суженой».

Ковш из Коцкого городка — одно из немногих уцелевших произведений торевтов, работавших в пределах Хазарского каганата. Возникновение оседлости и земледелия в Хазарии (в VIII в.) сопровождалось ростом городов и развитием ремесла, в том числе и художественного. По-видимому, хазарская школа торевтики характеризовалась, с одной стороны, чертами, общими для древнетюркского искусства на всей территории евразийских степей, с другой стороны, она подвергалась шедшему через Хорезм влиянию среднеазиатского художественного ремесла²³.

¹⁹ В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 67, 68.

²⁰ Там же, стр. 70, 71, 74, 86, 221, 258.

²¹ Там же, стр. 226—228.

²² Там же, стр. 80.

²³ Это влияние заметно в орнаменте серебряной кружки из Томызскогоклада с изображением павлинов. Ее ручку украшает типичный «салтовский» орнамент из трех пальметок (Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. LXVII, 116).

Р. Ф. ВОРОНИНА

О НЕКОТОРЫХ ДЕТАЛЯХ ОДЕЖДЫ
СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ VIII—XI ВВ.

Одежда, как и головной убор, в древности была показателем племенной, половозрастной и социальной принадлежности. В первую очередь это относится к женской одежде, которая особенно разнообразна, причем наибольшее различие наблюдается между девичьим костюмом и замужней женщины, что связано с переходом девушки после замужества в другой род. Далее у многих угро-финских народов переход из одного возрастного состояния в другое также связан с обрядом перемены головного убора и одежды. Так, В. Н. Майков приводит очень интересную деталь обряда, известную в прошлом веке у мордвы. После рождения первого ребенка молодая впервые надевает костюм замужней женщины (до этого она носит особый костюм, отличающий ее и от девушек и от замужних женщин). Для этого она должна влезть на крышу своего дома, а свекровь через печную трубу «хайлу» передает ей новый женский головной убор и одежду¹. Примеров подобной смены одежды после замужества много и у других народностей.

К сожалению, восстановить полностью костюм среднецнинской мордвы VIII—XI вв. можно лишь предположительно, так как ткань в силу органического происхождения волокна в древних могильниках обычно разрушается, сохраняясь лишь в сравнительно редких случаях. Однако обычай украшать одежду различными металлическими привесками и вышивать ее оловянным бисером дает возможность восстановить отдельные детали женского костюма.

Оловянный бисер представлял собой мелкие (диаметром 1—1,5 мм) бусины цилиндрической формы с узким отверстием. Они нашивались на ткань в соответствии с рисунком вышивки. Подобные вышивки встречены в Крюково-Кужновском могильнике. Но обычай вышивать одежду бисером был распространен и в более древнее время (VI в.) в среднем течении Суры. Фрагмент ткани, вышитый оловянным бисером, обнаружен автором в 1972 г. в женском погребении 55 при раскопках Ивановского могильника.

Верхняя женская одежда среднецнинской мордвы VIII—XI вв. изготавливалась в большинстве случаев из шерстяной ткани, на что указывают весьма частые находки в погребениях остатков шерстяной ткани на иглах кольцевидных застежек, под бронзовыми шейными украшениями или на браслетах.

Л. В. Ефимова, изучавшая ткани из погребений Крюково-Кужновского могильника (раскопки П. П. Иванова)², разделила ткани «из шер-

¹ В. Н. Майков. Иногородцы Среднего Поволжья. «Живописная Россия», СПб., 1901, т. 8, ч. 1, стр. 88.

² Коллекция хранится в Моршанском краеведческом музее.

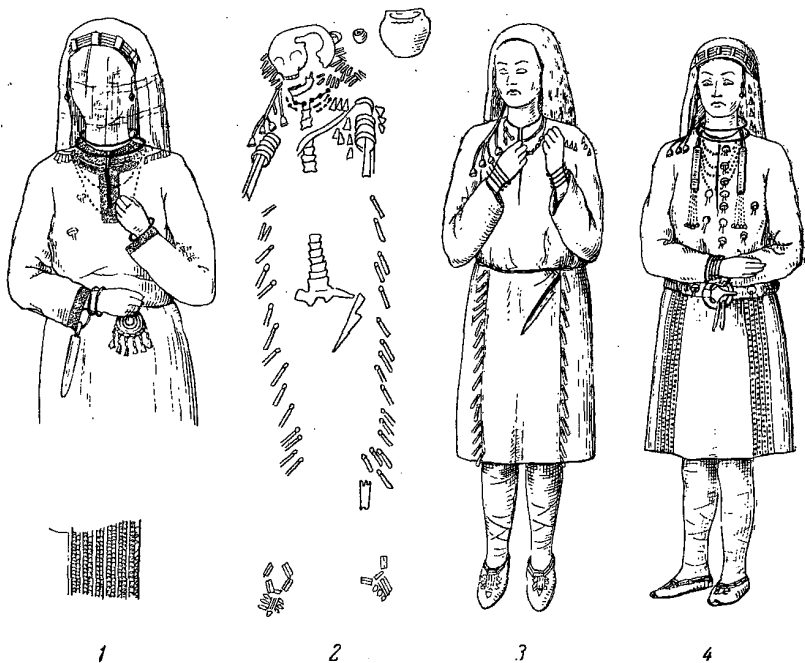

Рис. 1. Остатки женской одежды средневождинской мордвы (предварительные реконструкции)

1 — погребение 5 (591) Крюково-Кужновского могильника, раскопки 1958 г.; 2, 3 — погребение 115 Пановского могильника (чертеж и реконструкция); 4 — погребение 417 Крюково-Кужновского могильника

стяной пряжи» на две группы: полотняного и саржевого плетения³. Она различает их также по толщине и окраске и делит шерстяные ткани полотняного плетения на тонкие плотные и на грубые. Ткани, по ее мнению, либо ткались из окрашенной шерсти, либо красились после тканья. Исследователь отмечает также среди изученных образцов ткани с набивным рисунком (погребение 184). Среди образцов ткани полотняного плетения Л. В. Ефимова выделяет шерстяную ткань типа рогожки, которая характерна именно для Крюково-Кужновского могильника.

Для изготовления одежды в I тысячелетии н. э. употреблялись чаще всего саржи простейшего переплетения.

Ткани из растительного волокна — льняные, конопляные и полушерстяные с конопляной основой — среди средневождинских составляют незначительное меньшинство.

Одежда средневождинской мордвы, как уже говорилось, была украшена вышивками, сделанными рубленным оловянным бисером или бляшками и бронзовыми литыми пуговками. Именно остатки этих вышивок дают возможность реконструировать некоторые детали костюма: длину рукавов и самой рубашки, форму ворота и расположение боковых швов. Все это относится к верхней одежде, так как вряд ли нательную одежду вышивали металлическим бисером и привесками.

Как правило, женская верхняя рубашка имела округлый вырез по шее с небольшим разрезом спереди. Для застегивания разреза на груди употреблялись кольцевидные застежки с длинными усами и иглой. Они

³ Л. В. Ефимова. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э. КСИИМК, вып. 107, 1966, стр. 127, 128.

Рис. 2. Остатки женской и мужской одежды средневековой мордвы VIII—XI вв. Крюково-Кужновский могильник

1 — погребение 213 (чертеж); 2 — погребение 213 (реконструкция); 3 — погребение 405 (реконструкция); 4 — погребение 564 (реконструкция); 5 — погребение 18 (604), раскопки 1968 г. (реконструкция)

обычно располагались по борту одежды в один или два ряда (погребения, 39, 84, 156, 468, 566 и др. Крюково-Кужновского могильника). Довольно часто одежда по шейному разрезу бывает вышита оловянным бисером, как, например, в погребении 5 (591) раскопок 1968 г. (рис. 1, 1). Здесь полоса вышивки, сделанная рубленным бисером, имела ширину 4 см. Рисунок вышивки довольно прост: парные параллельные горизонтальные линии оловянного бисера располагались равномерно через небольшой промежуток. Спереди, у ворота, имелся разрез, также вышитый оловянным бисером. Ширина вышивки здесь 1 см, рисунок тот же.

Вероятно, женская одежда имела длинные узкие рукава. На это указывают довольно частые находки остатков ткани на браслетах в женских погребениях Крюково-Кужновского могильника например, в 433). Иногда края рукавов глухой верхней рубашки бывают вышиты сплошь широкой (до 1 см) полосой оловянного бисера. Подобная вышивка рукавов обнаружена в 1968 г. в вышеописанном пятом погребении Крюково-Кужновского могильника, а также в погребениях 160, 433 и других из раскопок П. П. Иванова⁴. Аналогичные длинные рукава характерны для туникообразных женских рубашек мордвы-мокши поздней поры (XVIII—XIX вв.).

Скорей всего средневековые замужние женщины носили одежду нескольких типов. Один из типов этой одежды, по всей вероятности, напоминал женские мордовские туникообразные рубашки XVIII—XIX вв. (панар эрзи, щам мокши). Мокшанские рубашки делались из куска ткани, перегнутого пополам, и пришитых к нему двух боковых полотнищ (пере-

⁴ «Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.». Моршанск, 1952, стр. 55, 138.

гнутых вдоль). Рубаха украшалась вышивкой на плечах, рукавах, по продольным швам и особенно богато по подолу. Отличается мокшанская и эрзянская одежда расположением швов, формой ворота, длиной рукавов (рукава эрзянских рубашек доходят до локтя), мокшанских — до кистей. Мокшанские рубашки XVIII—XX вв. несколько длиннее эрзянских. И те, и другие носились с напуском — «пазухой» и подпоясывались поясом⁵.

Среднеэтническая женская верхняя глухая рубашка, по всей вероятности, была сделана из четырех полотнищ, что обусловлено шириной ткани, изготовленной на ручном ткацком стане. Как установила Л. В. Ефимова на материалах Крюково-Кужновского могильника, ширина ткани равнялась 33 см. Подобная ширина (33—34 см), по словам В. Н. Белицер, характерна и для многих современных ручных станов. Расположение швов на верхних женских среднеэтнических рубашках, вероятно, было ближе к мокшанским. Судя по чертежам и описаниям П. П. Иванова, они чаще всего имели центральное полотнище, к которому с боков пришивались перегнутые пополам два боковых (погребение 115 Пановского могильника, рис. 1, 2, 3).

Боковые швы среднеэтнической женской одежды украшались вышивкой красным и черным сутажом, мелкими литыми оловянными пуговками наподобие вышивок поздних мордовских панаров. Судя по дневнику П. П. Иванова, остатки подобной рубашки были расчищены в погребении 417 Крюково-Кужновского могильника (рис. 1, 4). Вот как они описываются: «Вдоль бедренных костей сохранились остатки одежды, в 4 ряда расположены оловянные пуговицы, по сторонам обшитые сутажом, как это встречается на мордовских рубахах XVIII—XIX вв.»⁶ Таковы же, вероятно, по своему покрою и рубашки, обшитые двумя линиями оловянных пуговок и сутажом, в погребениях 344, 433, 474, 559, 566, 570, 579 того же могильника. Нередко этими пуговками обшивали не только боковые швы, но и подол одежды, что дает нам возможность установить ее длину (рис. 2, 1).

Судя по остаткам оловянных пуговок, длина глухих верхних рубах достигала нижнего конца бедренных костей скелета. Панары XVIII—XIX вв., подвязанные поясом, также доходили до середины колена. Однако вместе с тем в Крюково-Кужновском могильнике встречена одежда того же покроя, длина которой, судя по остаткам обшивки подола, доходила только до середины берцовых костей (рис. 2, 1, 2).

Эти типы одежды в основном, вероятно, носили замужние женщины, о чем свидетельствуют остатки подобной одежды (с вышивкой по вертикальным швам и подолу), положенной вдовами в мужские погребения (570, 579). Что-либо сказать о девичьей одежде не представляется возможным, так как погребения девушек выделить нельзя.

Иногда вместо оловянных пуговок по подолу или боковым швам рубаха обшивалась трубчатými привесками. Таковыми были остатки одежды из погребений 512 Крюково-Кужновского и 115 Пановского могильников (раскопки П. П. Иванова) (рис. 1, 2, 3). Вместе с тем существовал, вероятно, обычай вышивать всю поверхность одежды, начиная от пояса, параллельными горизонтальными рядами из трапециевидных плоских привесок с колечками для подвешивания. Остатки подобной поясной одежды, напоминающей «поневу»⁷ (термин П. И. Иванова), обнаружены в женском погребении 564 Крюково-Кужновского могильника (рис. 2, 4). Еще один случай обшивки одежды трапециевидными привесками отмечен

⁵ Иллюстративный материал Мордовской экспедиции 1955, 1957, 1958 гг. Архив Ин-та этнографии, ф. 41, д. 184, 214, 281.

⁶ «Материалы по истории мордвы»... стр. 134.

⁷ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях Муромы 1910 г. «Древности», т. XXIV, М., 1914, стр. 140, рис. 65.

В. А. Городцовым в погребении 253 Подболотьевского могильника, принадлежащем муроме. Не исключено, что одежда, вышитая трапециевидными привесками из погребения 564 Крюково-Кужновского могильника, возникла под влиянием соседних муромских племен.

Взаимное проникновение отдельных элементов одежды в пограничных областях расселения различных народов неоднократно отмечалось этнографами⁸. Не исключено, однако, и другое предположение — в погребении 564 Крюково-Кужновского могильника погребена муромка, выданная замуж в соседнее племя.

Может быть, часть женской одежды среднеэцнинской мордвы VIII—XI вв. н. э. имела разрез спереди. Полы и подол подобной одежды бывали обшиты оловянными литыми пуговками или трубчатыми привесками. Таковы остатки одежды из погребений 299, 360, 405 Крюково-Кужновского могильника (раскопки П. П. Иванова). Распашная одежда туникообразного покроя весьма типична для ряда угро-финских народов: мари, удмурты, мордва. Особенно пышно была украшена одежда старых женщин-литейщиц. Она, по-видимому, шилась и вышивалась самой литейщицей задолго до смерти. Об этом свидетельствуют находки в погребениях женщин-литейщиц тех литейных форм, в которых были отлиты бисер и пуговики, нашитые на костюм погребенной (погребение 7 Крюково-Кужновского могильника).

Вышивки оловянным бисером широко применялись не только для украшения женской, но и мужской одежды. Обычно полосы вышивки шли по вороту мужской рубашки. Она, как и женская, имела спереди разрез, порой тоже украшенный полосой вышивки. Борта так же, как и у женской, скрепляли кольцевидные застежки с длинными усами и иглами, которые шли в один или два ряда по полю одежды.

Рукава мужских рубашек, так же как и женских, достигали запястья, но отличались большей шириной и были покрыты по краю вышивкой оловянным бисером (шириной до 1—1,5 см). Рубашка доходила по длине до середины бедра и также была покрыта полосой вышивки оловянным бисером (шириной 1—1,5 см). Такова, в частности, рубашка из погребения 18 (604) Крюково-Кужновского могильника (раскопки автора 1968 г.). Сверху рубашки была надет меховая одежда (мехом вверх) с разрезом посредине и прекрасным кожаным поясом, обложенным металлическими бляшками. Вероятно, для того чтобы была видна вышивка рукавов рубашки, рукава верхней меховой одежды были несколько короче. Судя по инвентарю, это погребение принадлежало богатому конному воину.

Находки вышивок и остатков меха одежды не единичны в мужских погребениях Крюково-Кужновского могильника. Такие захоронения, как правило, имеют более богатый погребальный инвентарь.

Обувь среднеэцнинских мордовских женщин, вероятно, очень часто была сделана из кожи. Остатки кожаной обуви или металлические украшения ее неоднократно встречены в погребениях Крюково-Кужновского, Елизавет-Михайловского и Пановского могильников. Это — мягкие туфли типа поршней. Они характеризуются свободным покроем и пришитой мягкой и тонкой подошвой. Острый носок туфель слегка приподнят. По шву, соединяющему подошву с верхом, туфли украшались бронзовыми спиральными пронизками. Центральная часть головки обуви была украшена нашитыми бронзовыми бляшками (рис. 1, 2): вдоль середины головки туфли располагались четыре переллельные спаянные вместе бронзовые пронизки, с боков под прямым углом к ним примыкали по три или четыре сложные бронзовые бляшки. Последние состояли из двух частей: первая — прямоугольная пластинка с четырьмя отверстиями для при-

⁸ В. Н. Белицер. Народная женская одежда мордвы. КСИЭ, вып. XXXII, 1952, стр. 98, 99.

крепления (одна сторона скруглена), вторая — подтреугольная со скругленными углами пластинка с нарезным орнаментом и отверстием для ушка. Подтреугольные пластинки были подвижны и, вероятно, при ходьбе издавали звон. Вокруг щиколоток имелись два ремешка с нанизанными на них бронзовыми пронизками. Такие туфли расчищены в погребении 4 (590) Крюково-Кужновского могильника (раскопки 1968 г.). Остатки их вместе с одеждой, головным убором и женскими украшениями лежали на груди мужского костюма.

Обычай украшать головки обуви металлическими бляшками и пронизками широко известен среди муромских племен. Однако там употреблялись бляшки другой формы, расположения их на обуви были отличны от мордовских. Бляшки, аналогичные описанным, обнаружены в Кулеватовском, Перемчалкинском, Томниковском и Лядинском могильниках⁹. Интересно, что указаний на их расположение в области ног нигде нет.

Порой к заднику туфель прикреплялись два узких кожаных ремня, обложенных бронзовыми обоймицами (оборы), которые обматывали ногу от щиколотки до колена. Эта деталь костюма была широко распространена у муромских племен и отличалась большим разнообразием. По всей вероятности, в мордовскую среду оборы проникают от муромы. В VIII—XI вв. они еще встречаются у мордвы сравнительно редко. Погребения с оборями в Крюково-Кужновском могильнике составляют 1,5%, в Елизавет-Михайловском — 1,2, в Пановском — 1,03%. В последующие же века оборы становятся широко распространенной деталью мордовского костюма как мокшанского, так и эрзянского. Обычай украшать ноги мордовских женщин оборями отмечал во время своего путешествия 1792 г. Паллас.

В заключение следует отметить, что все описанные типы одежды встречаются в погребениях с типично среднеэтническими головными username¹⁰. Это, по-видимому, дает основание говорить об устойчивости типов одежды на протяжении VIII—XI вв. В то же время некоторые детали женского костюма (например, длина рукавов) сближают среднеэтническую одежду с более поздней (XVIII—XIX в.) мокшанской, что не удивительно, учитывая ближайшее соседство этих племен.

Среднеэтническая мордва находилась в постоянных контактах как с угро-финскими племенами (с мокшей и муромой), так и с южными, степными. В результате этих контактов у среднеэтнической мордвы распространяются некоторые чуждые ей детали костюма. Таковыми, вероятно, были оборы, являвшиеся характерной чертой женского муромского костюма. Возможно, под влиянием степных образцов возникает остроносость среднеэтнической мордовской мягкой женской обуви. Хотя последнее предположение можно высказать лишь как гипотезу, ибо обувь с острым загнутым вверх носком известна не только у кочевников, но и в Новгороде в XI—XV вв.¹¹

⁹ В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, № 10, 1893, стр. 26, рис. 11 и табл. VII, 19; «Археологический сборник», т. I. Саранск, 1948.

¹⁰ Р. Ф. Воронина. Женские головные уборы среднеэтнической мордвы. КСИА, вып. 136, 1973.

¹¹ С. А. Изюмова. Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого. МИА, № 65, ч. II, 1959, стр. 200, 204, рис. 2—6; 7; 4, 2.

В. А. НАЗАРЕНКО

О ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ
ПРИЛАДОЖСКИХ КУРГАНОВ С ОЧАГАМИ

В археологии погребальный обряд понимается как комплекс взаимосвязанных признаков, характеризующих устройство погребального сооружения, состояние и положение останков умершего, состав и размещение сопровождавшего захоронение инвентаря. В то же время погребальный обряд — это ритуал, ряд последовательных действий, отражающих причудливые сочетания бытовых и религиозных представлений в сознании людей его совершавших. Основой для таких сочетаний служит общая анимистическая идея о природе человеческой души. Если создавая типологию и хронологию погребального обряда, мы вправе основываться на его археологическом понимании, то приступая к решению вопросов, связанных с происхождением и этнической принадлежностью обряда, изучая и характеризуя основные этапы его развития, мы прежде всего должны попытаться выяснить, какой ритуал представлен остатками, обнаруженными при раскопках.

Специфической особенностью погребального обряда приладожских курганов IX—XI вв., приписываемых обычно летописной Веси, являются очаги и размещение мужских захоронений к востоку, а женских к западу от них. Всеми археологами, производившими раскопки курганов с очагами, отмечалось отсутствие каких-либо следов, позволивших бы предположить использование очагов для кремации умерших. Еще А. А. Спицын, первый отметивший помещение мужских и женских погребений в разных частях насыпи, высказал предположение об имитации Приладожскими курганами «жилищ-юрт» с очагом в центре и делением на мужскую и женскую половины¹. В. И. Равдоникас и Я. В. Станкевич прямо связывали устройство курганов Приладожья со старолдожскими большими домами с очагом в центре². Н. Е. Бранденбург, отмечая случаи находок возле очагов костей животных, считал очаги следами тризн³. Последнюю точку зрения в своей специальной статье, посвященной ритуальным очагам курганов Приладожья, развила Н. В. Тухтина⁴. Не останавливаясь подробно на попытке Н. В. Тухтиной объяснить приладожские очаги аналогиями в «шведском могильнике Шоонен», во многом спорной, отметим лишь, что использование их для тризн не противоречит объяснению, предложенному А. А. Спицыным. Находки же на очагах или рядом с ними лопат, сковород, сковородников и горшков, а также размещение погребений свидетель-

¹ А. А. Спицын. Дополнительные замечания. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 146.

² W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogarebiet. Stockholm, 1934, стр. 95—96; Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация курганов IX—XII вв. юго-восточного Приладожья. Рукопись дисс., стр. 52.

³ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 8.

⁴ Н. В. Тухтина. Ритуальные очаги в курганах Южного Приладожья. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 242—244.

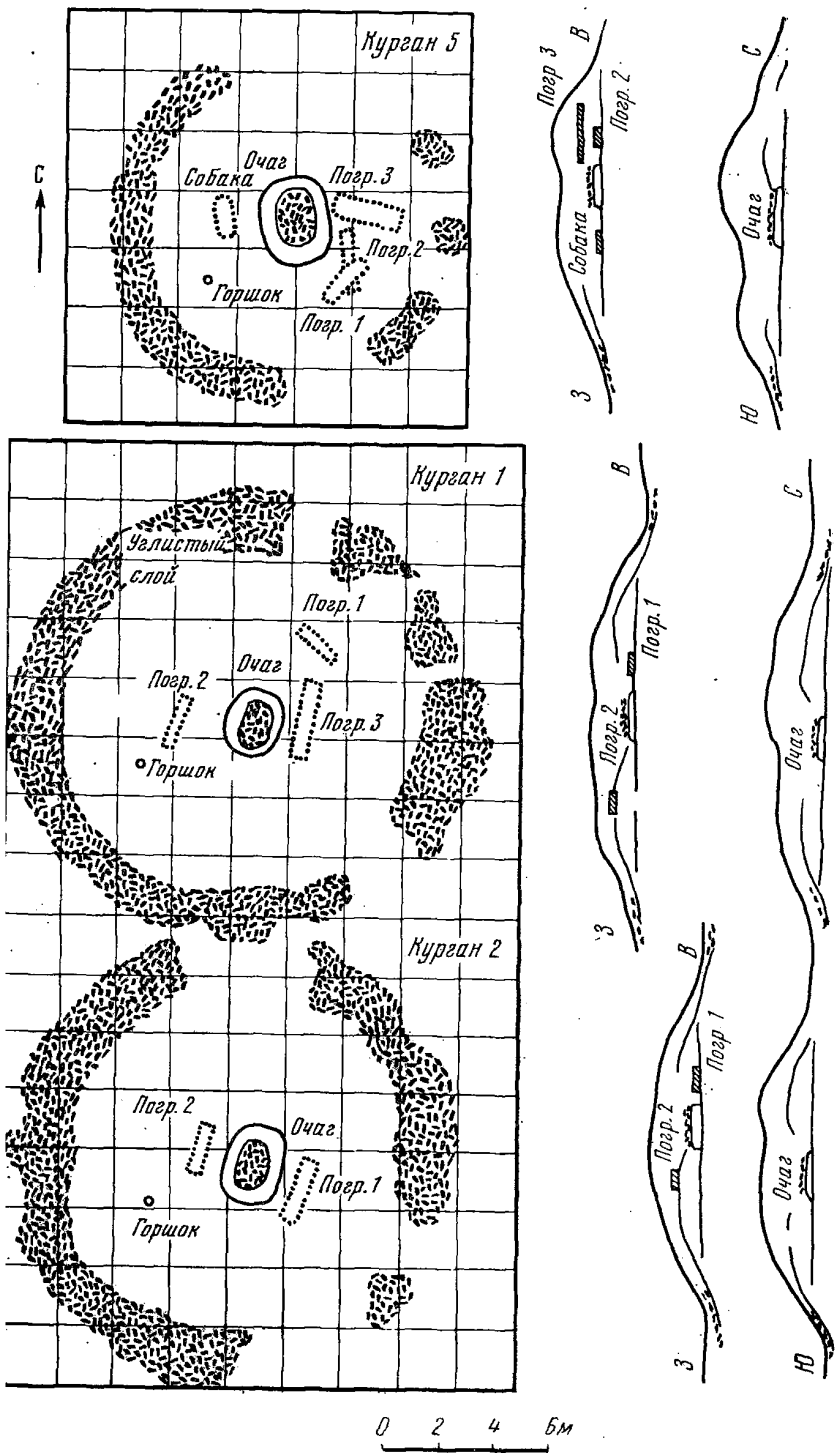
ствуют как будто в пользу мнения о подражании курганов Приладожья жилищам. Вместе с тем с погребальным обрядом Приладожских курганов связано еще много нерешенных вопросов. Одновременны ли мужские и женские захоронения, находимые в насыпи на одном и разных уровнях? С чем связаны находки в курганах отдельно лежащих костей, в частности человеческих черепов, и вещей? Наконец, каков был погребальный ритуал, включавший указанные выше элементы? Выяснение этих вопросов затруднялось тем, что значительная часть курганов с очагами была исследована еще в конце XIX в. Раскопки последних лет, произведенные С. И. Кочкуркиной в нижнем течении р. Паши и на р. Сязниге, не затронули подобного рода насыпи⁵.

На основе применения статистико-комбинаторных методов нами был выявлен ряд признаков, характеризующих внешний вид курганов с очагами⁶. Исходя из этого, были выбраны и в 1970—1971 гг. раскопаны три кургана на р. Сязинге. Во всех трех исследованных курганных насыпях мужские захоронения открыты в восточной, а женские — в западной половине кургана, в центре которого, чуть выше основания, был расположен очаг (рис. 1).

Курган 5 расположен на левом берегу р. Сязниги, несколько в стороне от группы, состоящей из четырех насыпей. Высота 2,5 м, диаметр около 12 м. Вершина повреждена ямами. Насыпь состояла из чистого желтого песка. Следы ям, хорошо видные на поверхности кургана, в насыпи почти не прослеживались. Раскопками обнаружены три мужских погребения и захоронение собаки. Два труположения (погребения 1 и 2), найденные в восточной части насыпи на глубине 1,5—1,6 м, характеризуют верхний ярус захоронений. Оба костяка разрушены ямами. В заполнении ямы, разрушившей погребение 1, найдены большая часть костей черепа, кости левой руки, грудной клетки и левая тазовая кость, а также фрагменты кружального горшка, стоявшего, по-видимому, слева от погребенного, нож, стрела и бронзовая оковка ножен. Судя по положению костей в ненарушенной ямой части погребения, костяк имел ориентировку, близкую к южной. При погребенном обнаружены: на поясе — бронзовый наконечник ножен ножа, на правой берцовой кости, чуть ниже колена, — топор. Другой мужской костяк верхнего яруса захоронения лежал в гробу, головой ориентирован на восток (погребение 2). В заполнении ямы, разрушившей его, были найдены кости таза и ног, а также топор. При зачистке нетронутой ямой части погребения были обнаружены бронзовое колечко с завязанными концами, вероятно с правой кисти руки, и нож с костяной рукоятью у пояса. В западной части гроба, длина которого достигала 2,5 м, лежал наконечник копья. Захоронения нижнего яруса были обнаружены на основании насыпи, на глубине 1,8—1,9 м. На погребальной почве, к востоку от центра кургана, расчистили погребение 3. Мужской костяк хорошей сохранности лежал головой на юго-восток. При погребенном у костей левой ступни лежала стрела — лопаточковидный срезень со следами дерева на черенке, у пояса — железный нож с остатками деревянной рукояти. В северо-западном секторе обнаружены кости собаки, лежащие в анатомическом порядке и ориентированные на юго-восток. В центре кургана, на 0,30—0,35 м выше его основания, — очаг из крупных горелых плах на подсыпке из гравия. Длина его 2 м, ширина 1,2 м. У западного края очага находились остатки двух раздавленных сосудов, лопата, обломок челюсти и несколько костей свињи. В юго-западном секторе, чуть выше основания насыпи, найден вертикально стоящий сосуд, сделанный

⁵ С. И. Кочкуркина. Курганы на реке Паше. СА, 1967, № 4, стр. 308—312; она же. Раскопки курганов на р. Сязнига и разведки в Приладожье. АО, 1970. М., 1971, стр. 28—29.

⁶ В. А. Назаренко. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 191—194.

1. Планы и разрезы курганов, раскопанных на р. Сязьме в 1970–1971 гг.

на круге, бронзовый бубенчик и бусина-лимонка. В разрезах кургана, ближе к его полам, прослежены прослойки гумусированного песка, сходные по цвету и структуре со слоем погребенной почвы в основании насыпи. Вокруг кургана — зольно-угольный слой. При небольшой мощности он окружал насыпь кольцом шириной до 1 м.

Два других кургана раскопаны на левом берегу р. Сязниги в 5 км от места ее впадения в р. Пашу. Насыпи стояли рядом, сливаясь полами, и образовывали группу, ориентированную по оси север—юг.

Курган 1 — северный. Высотой 1,6 м, диаметром 12 м. На поверхности насыпи, сплошь задернованной, хорошо видны контуры ям: одной — к западу от центра кургана, двух других — к востоку и югу от него. Насыпь состояла из светло-желтого песка и содержала три захоронения: два мужских и одно женское, расположенных в два яруса. Верхний ярус погребенный характеризуют мужское и женское захоронения, обнаруженные на глубине 1,0—1,1 м. Мужской костяк (погребение 1), открытый в северо-восточном секторе, был ориентирован головой на северо-запад. При погребенном, у тазовых костей, найдены калачевидное кресало и осколок кремня. Женское захоронение (погребение 2), расположенное в западной части насыпи, было разрушено ямой, уничтожившей часть костяка. В заполнении ямы, на разных уровнях обнаружены кости черепа, левая плечевая, обломок правой бедренной и обе тазовые кости. Здесь же найдены фрагменты бронзового, по-видимому височного, колечка и монеты-подвески, а также две стеклянных бусины. Судя по положению двух берцовых и левой бедренной костей, ненарушенной ямой части погребения, костяк имел ориентировку, близкую к южной. В ногах погребенной, слева от нее, стоял кружальный горшок, горло которого было стянуто железным обручем. В основании насыпи, на слое погребенной почвы, на глубине 1,55 м, в восточной половине кургана обнаружено погребение 3. Мужской костяк лежал на правом боку, головой ориентирован был на юг, в гробу, занимая его южную часть. Длина гроба 2,8 м, ширина 0,5—0,6 м. На костях сохранились остатки кожи и ткани. У пояса найдены серебряные сердцевидная бляшка и наконечник пояса. В области грудной клетки расчищены остатки кожаного ремня с тремя отверстиями, в одном из которых сохранился бронзовый шпенец от некогда прикрепленной к ремню бляшки. Рядом с шейными позвонками найдена серебряная литая пуговка. В северной части гроба лежал раздавленный кружальный горшок и справа от него — наконечник копья, длина древка которого определила размеры гробовища. В ногах погребенного обнаружены остатки деревянной чаши, окованной по краю серебряными пластинками, и обломок обгорелого дерева. Южнее центра кургана, чуть выше его основания, расчищен отдельно лежащий человеческий череп. Он был положен в яму прямоугольных очертаний размером 1,0 × 0,6 м, вырытую в насыпи и затем прикрытую кусками дерна. В юго-западном секторе на погребенной почве найден раздавленный кружальный сосуд. Остатки полностью сжогого с ним горшка были обнаружены в этом же секторе в самом поле кургана. В центре основания насыпи, на возвышении из кусков дерна и песка, достигавшем в высоту 0,3 м и вымощенном гравием, расчищен очаг из обгоревших плах. Очаг имел прямоугольную форму, длина его 1,8 м, ширина 1,0 м. У основания возвышения под очагом, также имевшего прямоугольные очертания, но со скругленными углами, с его восточной стороны прослежены остатки негорелой доски длиной 1 м, шириной 0,05—0,07 м. На очаге, ближе к его западному краю, обнаружены раздавленный кружальный горшок, а рядом с ним обломок железной сковородки. У юго-западного угла очага найден сковородник, а у северного края — лопата. Под очагом отмечены следы прокаленности почвы. При зачистке пола кургана выявлен опоясывающий его слой угля и золы шириной 1,5—2,0 м. На погребальной почве, в основании насыпи, имевшей ярко-зеленую

окраску, повсеместно встречались вкрапления мелких угольков. Интересной деталью явились хорошо прослеживаемые в разрезах на глубине 1,0—1,5 м зеленые прослойки, делящие насыпь на две части. Над центром кургана они резко понижались к очагу. Зольно-угольный слой, окружающий насыпь, краем, обращенным к центру кургана, лежал на этих зеленых прослойках.

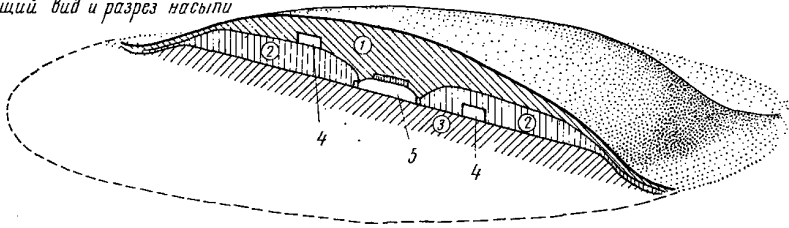
Курган 2 — южный, высота 1,8 м, диаметр 11—12 м. Поверхность кургана повреждена ямами: двумя — к востоку и югу от центра, двумя — в северной и юго-восточной его полах. Насыпь состояла из светло-желтого песка. При ее раскопках обнаружены два погребения, мужское и женское, расположенные на разных уровнях. Захоронение мужчины (погребение 1) было открыто в восточной половине кургана на слое погребенной почвы. Костяк лежал головой на юго-юго-запад, в гробовище из досок, скрепленных по углам гвоздями. Длина гроба 2,0, ширина 0,8 м. Череп и часть грудной клетки уничтожены ямой. При погребенном найдены два топора. Один из них, больших размеров, лежал справа у головы, повернутый к ней лезвием. Другой, меньший, возможно боевой, обнаружен около левой бедренной кости. У тазовых костей собраны 15 целых и обломки еще нескольких литых бронзовых бляшек, а также два наконечника пояса. Около шейных позвонков найдена полая бронзовая пуговка. В ногах погребенного, внутри гробовища, стоял небольшой кружальный горшок. Погребение 2 расчистили в западной половине кургана на глубине 1,1 м. Женский костяк лежал головой на юго-юго-запад, по-видимому, и в этом случае в гробу, от которого сохранились лишь гвозди. В области грудной клетки, кости которой почти полностью отсутствовали, собран рубчатый бисер синего цвета в количестве 227 штук. Здесь же найден нож с длинной костяной рукояткой. У правой плечевой кости в кожаном кошельке, окованном по краю бронзовыми пластинками, обнаружен костяной гребень в футляре. Рядом с ним лежал маленький нож в кожаных ножнах, сохранивших по краю бронзовую оковку. Чуть ниже этой группы были найдены полая усеченно-коническая пронизка из низкопробного серебра, несколько бронзовых спиралек и обрывки цепочки. На костях прослежены остатки тканей двух видов: грубой шерстяной и тонкой, похожей на полотно. В ногах погребенной, слева, стоял небольшой кружальный сосуд. Между погребениями, в центре основания насыпи, на возвышении, аналогичном открытому в соседнем кургане, обнаружен очаг из обгоревших плах со следами прокаленности почвы под ним. У северо-восточного угла очага лежала лопата. Посредине его, ближе к западному краю, стоял, несколько наклонившись к югу, большой кружальный горшок со стянутым железным обручем горлом. С юго-восточной стороны горшка лежала сегментовидная сковорода, первоначально, по-видимому, накрывавшая сосуд. В юго-западном секторе кургана, на слое погребенной почвы, обнаружен одиноко стоящий кружальный горшок. Северо-восточнее его выявлены бронзовые витой браслет и бубенчик с обрывком цепочки. Основание насыпи окружал слой угля и золы шириной до 1,5 м. В разрезе насыпи прослежены зеленые прослойки, делящие ее на две части.

Пола кургана 1 перекрывает полу кургана 2, что дает основание считать последний более ранним.

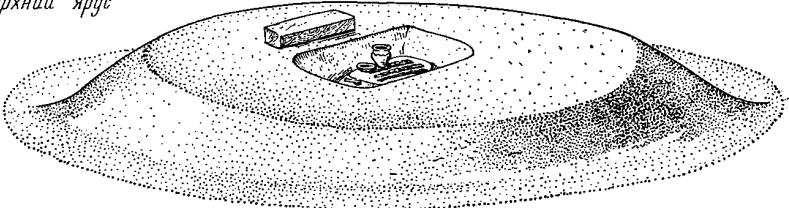
Раскопками 1970—1971 г. исследованы все основные ранее известные элементы погребального обряда Приладожских курганов и выявлен ряд новых. Некоторые из новых элементов обряда (зольно-угольный слой вокруг насыпи, прослойки внутри ее) имеют принципиальное значение для его реконструкции. Погребальный ритуал, представленный остатками, обнаруженными в раскопанных курганах, по-видимому, был следующим (рис. 2).

Для захоронений чаще всего выбирали небольшое всхолмление, которое очищали огнем от мелкой растительности. Следами выжигания по-

Общий вид и разрез насыпи

Верхний ярус

Нижний ярус

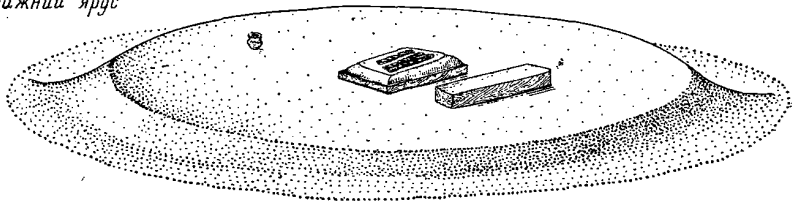

Рис. 2. Реконструкция основных этапов погребального ритуала Приладожских курганов с очагами

1 — досыпанная часть кургана; 2 — первоначальная насыпь; 3 — материк; 4 — места расположения погребений; 5 — подсыпка под очаг

гребальной площадки можно считать повсеместно встречавшиеся при зачистке основания насыпи мелкие угольки. В центре основания будущей курганной насыпи из дерна и песка, добытого при обработке склонов: всхолмления с целью придать ему правильную круглую форму, делали возвышение под очаг. Основание его могло быть ограничено деревянной обкладкой. На верхней площадке возвышения, усыпанной гравием, принесенным с берега реки, разжигали огонь, поддерживаемый до конца похорон. К востоку от очага, обычно в 1,5—2,0 м, прямо на основании кургана ставили гроб с остатками умершего мужчины. В западной половине основания насыпи место женского захоронения обозначал поставленный на поверхность погребальной площадки горшок. Иногда здесь же клали женские украшения. При возведении кургана очаг продолжал гореть. В результате в центре насыпи, по завершении ее сооружения, образовывалась яма. Насыпь и склоны ямы обкладывали дерном. Только этим могут быть объяснены гумусные и зеленые прослойки в разрезе кургана, а также их резкое понижение к очагу. Первоначальная насыпь имела уплотненную вершину и достигала в высоту 0,5—0,6 м. По завершении похорон угли и зола с очага разбрасывались лопатой вокруг основания кургана. Доказательством этому служит то, что зольно-угольный слой в полах насыпи найден лежащим на зеленых прослойках — дерне первоначального кургана. Крупные головни заливались водой на месте, так как ни один из исследованных нами очагов не прогорел до конца. На очаге расставляли кухонные принадлежности: горшки, сковороду, сковородник и лопату, а также пищу, о чем свидетельствуют находки костей животных. Судя по

прослеженным отдельным зеленым пятнам над очагом, по завершении всего ритуала его прикрывали дерном. Спустя некоторое время, со смертью жены погребенного, захоронение ее останков производили уже на поверхности существующей курганной насыпи, к западу от очага. При похоронах на нем опять разводили огонь. Угли и золу, образовавшиеся в результате горения, разбрасывали вокруг основания кургана. Этот вывод делается на основе того, что в западной доле кургана 2 отчетливо прослежены два зольно-угольных слоя, лежащих один над другим. Затем насыпь возводилась до высоты, близкой к зафиксированной нами.

Наряду с общими элементами погребального обряда, отмеченными в каждой из раскопанных насыпей, выявлен ряд специфических черт, характеризующих один или два кургана. В кургане 5, к западу от очага, на погребенной почве обнаружено захоронение собаки, положенной мордой на юго-восток, параллельно мужскому костяку, открытому в восточной половине основания насыпи. Женское погребение в этом кургане отсутствовало. По-видимому, это связано с тем, что погребенный к востоку от очага мужчина был холост. В верхнем ярусе захоронений, в восточных частях курганов 1 и 5 найдены костяки мужчин, возможно домочадцев погребенного, в основании насыпи. Раскопки дают все основания утверждать, что случаи находок неполных костяков и отдельных костей в курганах, как правило, связаны с нарушением насыпи ямами. Никакого отношения к погребальному ритуалу, расчленению умерших, они не имеют. Исключения составляют лишь отдельно лежащие человеческие черепа. В кургане 1 человеческий череп был положен в прямоугольную яму, вырытую в первоначальной насыпи. Отражением каких религиозных представлений является эта черта, обряда, решить трудно. Возможно, это следы кровной мести. Особого внимания заслуживает то, что во всех трех исследованных насыпях первыми были погребены мужчины. Вопрос о том, следует ли видеть в этом обычай насыпать курган, имитирующий жилище, только для мужчин — владельцев дома, требует специального изучения. Пока можно лишь отметить, что курганы с очагами, где первым совершено захоронение женщины или оно было бы единственным, очень малочисленны. Такие случаи должны рассматриваться особо. В то же время почти половина всех Приладожских курганов не имеет очагов. Какая-то часть их, несомненно, относится к более позднему времени — второй половине XI—первой половине XII в. Однако есть насыпи и одновременные курганам с очагами. Возможно, среди них и следует искать курганы с погребениями мужчин и женщин, не имевших права на захоронение в «кургане-жилище». Наконец, ряд этнографических параллелей позволяет предположить для них вообще некурганый способ погребения. Все эти вопросы должны быть предметом специального исследования.

Предложенная выше попытка представить открываемые при раскопках остатки как результат ряда последовательных действий — определенного погребального ритуала — дает широкие возможности для изучения и характеристики верований, социально-экономического и бытового укладов населения, оставившего Приладожские курганы.

С. Е. МИХАЛЬЧЕНКО

СФЕРОКОНУСЫ ПОВОЛЖЬЯ

На городищах X—XIV вв., расположенных в Среднем и Нижнем Поволжье, среди огромного количества керамики археологи нередко находят целые сфероконусы или их фрагменты. История изучения этих загадочных сосудов подробно освещена в статье Р. М. Джанполадян, посвященной находкам из Двина и Ани¹. Затем появились две работы, связавшие вопрос о назначении сфероконусов с историческими документами². В трактате XII в. сфероконусы упомянуты в качестве колб для производства химических опытов с ртутью. О. Л. Вильчевский считает, что в дальнейшем сфероконусы служили тарой для транспортировки ртутных препаратов. На одном из листов рукописи XVI в. дано изображение трех закупоренных сфероконусов. Это изображение сопутствует определенной части текста, а именно той, где повествуется о различных способах применения ртути в медицине. Б. В. Лунин предполагает не только применение ртути в медицине, но и возможное многообразное использование ее в технических целях (амальгамирование и т. д.).

Две последние статьи, на мой взгляд, довольно убедительно подкрепляют мнение сторонников ртутной теории в вопросе о функциональном назначении сфероконусов.

Эти сосуды появляются в Поволжье в X в. Их находки зафиксированы на таких домонгольских городищах, как Биляр, Большая Тояба, Хулаш³. В золотоордынский период количество сфероконусов значительно возрастает. В Болгарах и на Увекке найдены горны для производства сфероконусов⁴. Поволжские сфероконические сосуды прежде всего различаются по цвету черепка. В основном эти сосуды имеют в изломе черепок кирпично-красного цвета с различными оттенками, доходящими до желтого и желто-серого. От этих сфероконусов резко отличаются по цвету и обжигу (более высокого качества) сосуды, черепок которых темно-серого или серо-белого, с зеленоватым отливом цвета. Последние сфероконусы

¹ Р. М. Джанполадян. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. СА, 1958, № 1, стр. 204—213.

² О. Л. Вильчевский. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. СА, 1961, № 2, стр. 210—212; Б. В. Лунин. К вопросу о функциональном назначении сфероконусов в связи с одним рукописным источником XVI в. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 254—268.

³ Е. П. Казаков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Биляр. АО, 1967. М., 1968, стр. 133; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки городища у с. Большая Тояба. Чувашской АССР. «Вопросы истории и археологии Чувашии», вып. XIX. Чебоксары, 1960, стр. 93; Альбом к отчету о работах Поволжской археологической экспедиции (раскопки городища Хулаш) 1962 г. Архив ИА, Р-1, № 2457а.

⁴ А. А. Кротков. Сфероконические сосуды из археологического отдела Саратовского гос. обл. музея. «Труды Нижне-Волжского областного научного об-ва», вып. 35, ч. 1, Саратов, 1926, стр. 56; О. С. Хованская. Гончарное дело г. Болгара. МИА, № 42, 1954, стр. 359.

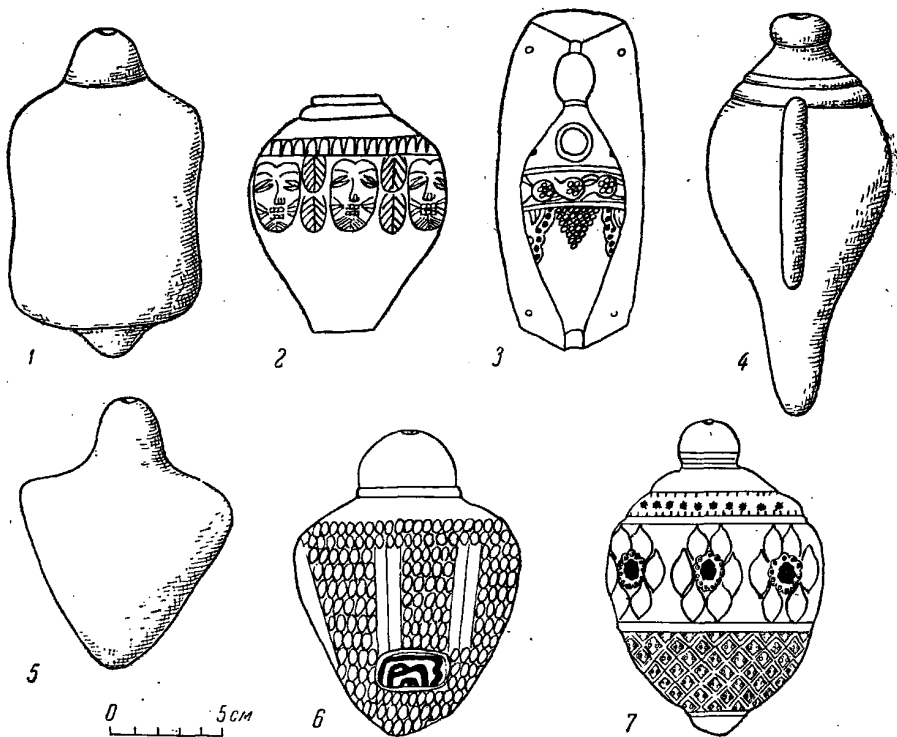

Рис. 1. Сфероконусы и каменная форма для их производства

1 — Биляр; 2, 5 — Увек; 3, 6, 7 — Царевское городище; 4 — Селитренное городище (4 — поливной, остальные — неполивные)

обычно богато орнаментированы. Основная масса сфероконусов не имеет поливы; случаи находок поливных — единичны.

Сфероконусы различаются по форме. Найдено несколько экземпляров сфероконусов с сильно удлиненным конусом (рис. 1, 4). Все они покрыты бирюзовой поливой. Такие сосуды встречаются также в ряде областей Средней Азии и в Кара-Коруме⁵. На городище Увек обнаружены своеобразные сосуды почти треугольной формы (рис. 1, 5). Иногда встречаются сфероконусы обычной формы, но с усеченным конусом (рис. 1, 2). Этот тип сосудов обычно имеет елочный орнамент. В Увек найден сфероконус, украшенный четырьмя вдавленными лицевыми штампами, которые отделены друг от друга двойным елочным орнаментом. Сфероконусы с усеченным конусом встречаются в Термезе⁶. Среди билярских сфероконусов есть сосуды с удлиненной средней частью тулова (рис. 1, 1). Наиболее распространены сфероконусы классической формы (рис. 1, 6, 7). Обычно богато орнаментированы сосуды светлого, с зеленоватым отливом цвета (рис. 1, 7).

На сфероконусе, изображенном на рис. 1, 1, помимо обычного штампа,

⁵ Н. Н. Вактурсия. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1959, рис. 44, 110; М. И. Альбаум. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XII вв. «Афрасиаб», вып. 1, Ташкент, 1969, рис. 2; Л. А. Евтюхова. Керамика Кара-Корума. «Древнемонгольские города», М., 1965, рис. 132, 1.

⁶ Ю. Б. Генс. Сфероконический сосуд из Термеза. СА, 1969, № 2, стр. 271.

применена техника накладки квадратных орнаментированных кусочков, отрезанных от глиняной тесьмы. Та же техника применена на сферо-конусе серо-зеленого цвета, фрагмент которого найден в Болгарах. Рельеф выполнен отдельно и наклеен затем на сосуд. Изображен всадник, с лицом монгольского типа, в высоком головном уборе, с небольшим натянутым луком в руках⁷. Эти сосуды подражают штампованной керамике Передней и Средней Азии⁸, а по цвету их можно отнести к среднеазиатским изделиям.

Привозными по цвету черепка и особенностям орнамента можно считать сфероконысы темно-серого цвета с кольчужным или чешуйчатым орнаментом. На одном из таких сфероконовусов до обжига отгиснута надпись арабским шрифтом «Ас-Салих», что означает «Благочестивый» (рис. 1, б)⁹. Такие сосуды встречены среди керамических изделий средневекового сирийского города Баальбека¹⁰.

Сфероконысы, имеющие кирпично-красный цвет черепка или различные его оттенки, доходящие до желтого, по форме обычно не отличаются от классических сфероконовусов (за исключением увекских сосудов). Их можно рассматривать как местный продукт. Это становится очевидным, если сравнить их по цвету с местной неполивной керамикой. Как правило, эти сосуды не орнаментированы. Тенденция к исчезновению орнамента наблюдается на всей поволжской средневековой керамике. Некоторые из сфероконовусов, которые рассматриваются как местные, имеют процарапанные по обожженной глине надписи или различные знаки. В Биляре на более чем 50 экземплярах зафиксированы знаки, выбитые по обожженной глине. Большинство из них имеет форму сильно исписанной стилизованной арабской надписи, читаемой «Биляр»¹¹. Нечитаемые знаки скорее всего были искаженными надписями или имитацией арабских надписей, как это имело место на двинских и анийских сфероконовусах¹². Знаки, прочерченные на сфероконовусах из Поволжья, совпадают со знаками на двинских сфероконовусах¹³.

В 1953 г. в Болгарах в подполье одного из раскопанных домов найдено 27 сфероконовусов кирпично-красного цвета, 13 из них совсем целые. Высота сохранившихся сосудов от 11,5 до 15,5 см. Внутренний объем — от 27 до 29 см³. Из 13 целых сосудов лишь 2 имели желобчатый орнамент, расположенный в средней части тулова. 11 сфероконовусов были покрыты полосчатым лощением. 2 сосуда не имели ни орнамента, ни лощения¹⁴.

Кроме самих сосудов, в Сарай-Берке найдена каменная форма для их изготовления (рис. 1, з)¹⁵. Она состоит из четырех частей, скрепляющихся между собой, по-видимому, проволокой. Такие же формы находили в Баальбеке и в средневековых слоях Милета. В литературе высказано два мнения об их использовании. Ф. Сарре рассматривает эти формы в качестве штампов для оттиска глиняных сфероконовусов. Р. М. Джанполадян пишет о каменной форме из Биляра, датируя ее XIV—XV вв. и

⁷ Н. В. Трубникова. Обломок сфероконического сосуда из Булгар. «Труды ГИМ», вып. XI, 1940, стр. 137.

⁸ Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, табл. XVI; Н. Н. Вактурская. Указ. соч., рис. 24, 2, 5, 6, 8.

⁹ В. Виноградов. Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием. «Казанский музейный вестник». Казань, 1922, № 2, стр. 85.

¹⁰ «Keramik und andere Klienfundes der Aslamischenzeit von Baalbek von Friedrich Sarre». Leipzig, 1925, рис. 66, 1, 3.

¹¹ Е. П. Казаков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Указ. соч., стр. 133.

¹² Р. М. Джанполадян. Указ. соч., стр. 212.

¹³ Там же, рис. 10.

¹⁴ Отчет Куйбышевской археологической экспедиции за 1953 г. Архив ИА, д. Р-1, № 815.

¹⁵ Гос. Эрмитаж. Материалы А. В. Терещенко, инв. № Сар. 2.

полагая, что каменные формы служили для отливки металлических сфероконов¹⁶. Систематические исследования Биляра показали, что этот город прекратил свое существование в XIII в.¹⁷, поэтому билярскую находку следует датировать более ранним временем.

Обе гипотезы вызывают возражения. Мало вероятно, что в технике оттиска сфероконов использовались такие трудоемкие по изготовлению каменные формы, в то время как при производстве штампованной керамики на мусульманском Востоке повсеместно применялась хорошо разработанная система нанесения орнамента специальными глиняными формами-кальпами. Трудно согласиться и с предположением Р. М. Джанполадян. Если такую форму залить металлом, то получится металлическая болванка, лишенная внутренней полости. И даже в том случае, если технологически было бы возможно сделать эту полость, трудно представить себе факт производства металлических сфероконов. Нахождение в разных пунктах, значительно удаленных друг от друга, каменных форм предполагает довольно большое распространение металлических сфероконов, а между тем подобные находки отсутствуют. В то же время до нас дошли сфероконы из такого хрупкого материала, как стекло¹⁸.

Вполне возможным кажется предположение, что каменные формы служили для выдувания стеклянных сфероконов. Техника выдувания стекла известна еще в Древнем Египте. Она производилась в разъемных формах. Обратимся к одному из положений в статье О. Л. Вильчевского. В трактате, написанном в XII в. Тифлиси, говорится, что необходимо взять склянку с коническим дном и узким горлом и наполнить ее ртутью. В примечании О. Л. Вильчевский пишет, что, очевидно, Тифлиси называет склянкой не стеклянный сосуд, а просто колбу, безотносительно к материалу, из которого она изготовлена¹⁹. О. Л. Вильчевский пытается объяснить факт отсутствия значительного количества стеклянных сфероконов и наличия массы керамических.

Однако в данном случае речь идет все же, очевидно, о стеклянном сосуде. Так, в опыте с получением той же киновари у арабского химика IX в. Джабара ибн-Хасана фигурирует круглый стеклянный сосуд, наполненный ртутью²⁰. В своих опытах с ртутью восточные химики использовали стеклянные сосуды, вероятно, сфероконовидной формы. Незначительное количество находимых стеклянных сфероконов можно объяснить хрупкостью материала и сравнительно небольшим спросом на них (лаборатории алхимиков). Весьма интересным является указание Тифлиси, что эти склянки тщательно обмазывались «крепкой» глиной и лишь затем ставились в печь²¹. Кажется, что в этих «склянках», обмазанных глиной, можно видеть прообраз широко распространившихся затем на мусульманском Востоке ртутных сосудов — керамических сфероконов. Интенсивность этого распространения объясняется широким использованием ртути в средние века. Общеизвестно ее использование в медицине, в косметике, для производства художественных красок, для амальгамирования. Арабские химики считали ртуть составной частью всех металлов; по их мнению, от ртути зависят такие свойства металла, как блеск, ковкость, плавкость²².

В Биляре в 1967 г. в центре городища между двумя горнами, медеплавильным и железоделательным, обнаружен склад из 28 сфероконов-

¹⁶ Р. М. Джанполадян. Указ. соч., стр. 202.

¹⁷ В. П. Казаков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Указ. соч., стр. 134.

¹⁸ Р. М. Джанполадян. Указ. соч., стр. 210.

¹⁹ О. Л. Вильчевский. Указ. соч., стр. 210.

²⁰ Ю. С. Мусабеков. Химия у арабов и ее истоки. «Из истории науки и техники в странах Востока», вып. 1. М., 1960, стр. 445.

²¹ О. Л. Вильчевский. Указ. соч., стр. 210.

²² Ю. С. Мусабеков. Указ. соч., стр. 445.

сов²³. Часть сосудов расколота пополам, у некоторых сферококусов отбито горлышко, у иных выбита средняя часть тулова. Всего же в раскопе найдено 100 сферококусов. Еще большее количество сферококусов (915 целых и фрагментов) обнаружено при раскопках 1949 г. в Болгарах²⁴. Основная масса находок сферококусов здесь приходится на пятый слой (XIV в.). Все они концентрируются вблизи остатков медеплавильных горнов, которые работали в XIV в. На одном из раскопов 1969 г., на Водянском городище (Бельджамен?), в культурном слое толщиной 30—40 см обнаружено большое количество железного шлака и 27 фрагментов различных сферококусов.

Эти примеры показывают, что в сферококусах содержалось какое-то вещество, применение которого было необходимо в металлургии. Для выплавки металла никакого жидкого топлива не требуется. Установлено, что в качестве топлива в металлургии болгар применялся древесный уголь²⁵. Если допустить, что сферококусы содержали ртуть, то вблизи медеплавильных горнов ртуть могла использоваться в процессе амальгамирования, так как медные руды часто имеют примесь других металлов, таких, как молибден, никель, свинец, золото и серебро²⁶. Амальгама является сплавом, в состав которого в качестве одного из компонентов входит ртуть. Процесс образования амальгамы состоит в смачивании ртутью, после чего они взаимно проникают друг в друга. В зависимости от соотношения ртути и другого металла амальгама может быть при комнатной температуре жидкой, полужидкой или твердой. Из жидкой амальгамы ртуть можно легко удалить при помощи фильтрации (остатки ее испаряются при нагревании). Таким образом, находки ртутных сосудов около медеплавильных горнов вполне объяснимы.

Железные руды, которые использовались в металлургии болгар (а это в основном болотные руды), никаких примесей благородных металлов не содержат, поэтому в процессе железоделательного производства ртуть практически была не нужна. Но если предположить, что в сферококусах содержалась жидкая амальгама никеля, то тогда будет вполне оправдан факт нахождения ртутных сосудов вблизи железоделательного горна. Анализы железных изделий болгарских ремесленников показывают, что в них искусственно добавлен никель²⁷. Сейчас трудно сказать достаточно определенно, была ли жидкая амальгама никеля привозной или ее получали на месте, или имели место оба варианта ее получения.

²³ Е. П. Казаков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Указ. соч., стр. 133.

²⁴ Отчет о Болгарской археологической экспедиции А. П. Смирнова в 1949 г. Архив ИА, д. Р-1, № 335.

МИА, № 80, 1960, стр. 160.

²⁵ А. В. Королев, Т. А. Хлебникова. О черной металлургии у волжских болгар.

²⁶ А. Г. Бехтин, А. С. Голиков и др. Курс месторождений полезных ископаемых. М., 1964, стр. 180.

²⁷ А. В. Королев, Т. А. Хлебникова. Указ. соч., стр. 166.

ПУБЛИКАЦИИ

В. В. КРОПОТКИН

ПШЕВОРСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ I В. Н. Э.
ИЗ С. ЗВЕНИГОРОД
(Львовская область)

В послевоенные годы польские археологи уделили много внимания изучению пшеворской культуры, но восточные районы пшеворского ареала в междуречье Вислы и Западного Буга изучены еще совершенно недостаточно. В бассейне Западного Буга, на Волини и в Верхнем Поднестровье пшеворские племена имели тесное соприкосновение с зарубинецкими и липицкими племенами, а в более позднее время, с конца II в. н. э., — с поморско-мазовецкими и черняховскими группами. Взаимоотношения и генетические связи этих культур еще далеко не ясны¹.

Пшеворские могильники и поселения в зоне контакта с соседними археологическими культурами имеют своеобразный характер и содержат элементы разных культур, что можно легко объяснить смешением пшеворских групп, продвинувшихся из более западных районов на Волинь и в Верхнее Поднестровье, с липицкими и поморско-мазовецкими племенами. Эти процессы были неоднократно отмечены при описании конкретных археологических памятников Волини и Поднестровья в работах М. Ю. Смишко, М. А. Тихановой, М. Ю. Брайчевского, Г. И. Смирновой, В. Д. Барана, В. Н. Цыгилика, Л. И. Крушельницкой и других археологов².

¹ М. Смишко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. «Археологія», т. II. Київ, 1948, стр. 98—129; М. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce wschodniej. Lwów, 1932, стр. 69 и сл.; К. Godłowski. Niektóre węzłowe problemy badań nad kulturą przeworską w okresie rzymskim. «Prace archeologiczne», т. 8. Kraków, 1966, стр. 73—92; он же. The Cronology of the Late Roman and early migration periods in Central Europe. Там же, т. 11, 1970; он же. Ukraina w okresie późnolateńskim i wpływów rzymskich. «Prace historyczne», т. CCXLVII. Kraków, 1971, стр. 187—205; Т. Dąbrowska, К. Godłowski. Grób kultury przeworskiej z Hromówki na Ukrainie. «Prace archeologiczne», т. 12, 1970, стр. 77—102; Т. Dąbrowska. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie wpływów rzymskich. «Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne», т. II, 1973, стр. 127—253.

² В последнее время в украинской археологической литературе прослеживается явная тенденция преуменьшать значение пшеворской культуры в формировании черняховской культурной общности. М. Ю. Смишко и В. Д. Баран утверждают, что небольшие вооруженные пшеворские группы, не задерживаясь в западноукраинских областях, сравнительно быстро уходят на юг и юго-восток, в Закарпатье, Побужье и Поднепровье. По их мнению, на Волини и Верхнем Поднестровье нет поселений пшеворской культуры, а известны только отдельные погребения и небольшие могиль-

Исследованиями польских и советских ученых намечена юго-восточная граница пшеворской культуры, достигавшая верховий Прута и Збруча (левый приток Днестра). Отдельные пшеворские памятники обнаружены в бассейне Горыни (Громовка), в Закарпатье, Румынии, Восточной Словакии и Венгрии³. В свете новых материалов, собранных на Украине в послевоенные годы, становится все более очевидным, что липицкие и пшеворские племена в Верхнем Поднестровье обитали в тесном контакте и часто хоронили своих покойников на одном и том же кладбище (Гринев, Звенигород). На многих поселениях липицкой культуры встречается типичная пшеворская керамика, оружие, костяные гребни, кресала и другие вещи (Верхняя Липица, Залиски, Ремезовцы, Майдан Гологирский и др.). На поселении у с. Незвиска Обертинского р-на Ивано-Франковской обл. Г. И. Смирновой удалось стратиграфически выделить липицкие и пшеворские жилища, причем пшеворские комплексы перекрывали более ранние липицкие сооружения⁴. Хронологическое соотношение особенно хорошо можно проследить на материалах могильников, в закрытых комплексах. Несколько погребений раннеримского времени было исследовано И. К. Свешниковым в 1953—1955 гг. близ сел. Звенигород и Болотное Перемышьянского р-на Львовской обл.⁵ Эти интересные материалы были кратко опубликованы автором в 1957 г. в обзорной статье без детального описания каждого погребения, но одно захоронение⁸ по обряду трупосожжения заслуживает отдельной публикации.

В урочище «Гоева гора» близ с. Звенигород на поле И. Гудза, на глубине 0,5 м от современной поверхности, обнаружено типичное пшеворское погребение с ритуально согнутым мечом. На дне ямки лежали обломки пшеворской чернолощеной урны с кальцинированными человеческими костями. Урна была накрыта и обложена обломками трех лепных сосудов. Кальцинированные кости тщательно очищены от остатков погребального костра. Внутри урны находились согнутый меч, нож, две шпоры, наконечник копья и обломки фибулы. Вещи и сосуды повреждены в огне, размеры ямы проследить не удалось⁶. Рассмотрим погребальный инвентарь этого интересного трупосожжения:

1. Обломки чернолощеного биконического сосуда с горизонтальным валиком и желобком на плечиках, дно и верхняя часть тулова не сохранились. Урна разбита на мелкие фрагменты, реставрации не поддается. Глина с примесью песка. Наибольший диаметр 30 см, сохранившаяся высота 12 см (рис. 1, 1)⁷.

ники. В связи с этим типичную пшеворскую керамику на поселениях I—III вв. теперь стали называть зарубинецкой и связывать с предполагаемой юго-западной группой зарубинецкой культуры, что особенно отчетливо проявилось в статьях и кандидатской диссертации В. Н. Цыгилика (В. Н. Цылик. Поселение возле села Ремезовцы Львовской области (I в. до н. э.—III в. н. э.). СА, 1971, № 2, стр. 157—165; он же. Население Верхнего Надднестровья первых веков нашей эры (племена липицкой культуры). Автореферат канд. дисс. Киев, 1971, стр. 18—19; В. Д. Баран. Етнокультурні процеси у межиріччї Дніпра і Вісли в першій половині I тис. н. е. у світлі археологічних досліджень. «Український історичний журнал». 1970, № 10, стр. 44—52).

³ К. Godłowski, Niektóre węzłowe..., стр. 82; он же. Przeworska kultura. «Słownik starożytności słowiańskich», IV, 1970, стр. 390—393, рис. 212.

⁴ Г. И. Смирнова. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры. МИА, № 116, 1964, стр. 196—212.

⁵ И. К. Свешников. Могильники липицкой культуры в Львовской области (раскопки у сс. Звенигород и Болотное). КСИА, вып. 68, 1957, стр. 63—74.

⁶ И. К. Свешников. Указ. соч., стр. 65, рис. 21, 10—13. Подробные сведения о погребении 8 и рисунки вещей любезно приславы И. К. Свешниковым. Автор использовал также неопубликованный отчет И. К. Свешникова об археологических раскопках в с. Звенигород в 1955 г. (Архив ИА АН УССР, д. 1955/18 б. лл. 1—2). За разрешение использовать неизданные материалы автор сердечно благодарит И. К. Свешникова.

⁷ Вещи хранятся в фондах Львовского исторического музея, инв. № А 6266—6274.

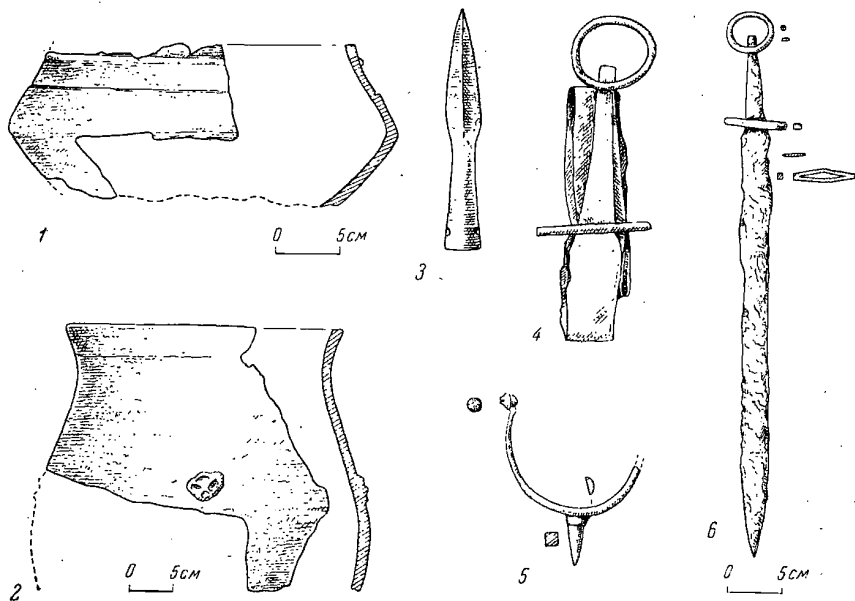

Рис. 1. Вещи из погребения 8 в могильнике Гова Гора у с. Звенигород

1 — обломок шеворского чернолощеного сосуда; 2 — верхняя часть лепного горшка; 3 — наконечник копья; 4 — железный меч; 5 — шпора; 6 — меч в развернутом виде

2. Обломки верхней части лепной липицкой чаши на круглой в сечении ножке, глина отмучена, цвет серо-кирпичный.

3. Обломки липицкого сосуда с двумя вертикальными ручками (прикреплены к венчику и тулову на месте максимального расширения, в сечении прямоугольные). Внешняя поверхность светло-серая, внутренняя — черная, заглаженная, местами подлощенная.

4. Обломки верхней части большого лепного сосуда серо-кирпичного цвета с черными пятнами. Тулово выпуклое, венчик отогнут, край срезан ровно. В верхней части сосуд украшен четырьмя выпуклыми шишечками с пальцевыми защипами. Глина с примесью песка и шамота. Диаметр венчика 31,3 см, сохранившаяся высота 29 см (рис. 1, 2).

5. Железный наконечник копья с узким ребристым пером и втулкой с двумя отверстиями. Длина копья 12,3 см, диаметр втулки 1,9 см (рис. 1, 3).

6. Ножка бронзовой остропрофилированной фибулы лежала внутри втулки копья.

7. Железный нож с узким лезвием, длина 11,5 см.

8. Две железные шпоры с коротким прямоугольным шипом и полукруглыми шишечками на концах дуги, на внешней стороне дуги следы медной инкрустации, пострадавшей в огне, на шишечках — два желобка крест-накрест. Длина шпор 8,8 см (рис. 1, 5).

9. Согнутый вчетверо железный обоюдоострый меч с кольцевым навершием и прямым перекрестьем. Длина меча 53 см, длина рукояти 9 см, ширина лезвия 3 см, длина перекрестья 6,2 см (рис. 1, 4, 6).

Характерной особенностью звенигородского погребения 8, как и некоторых других захоронений этого могильника, является сочетание шеворских и липицких сосудов в одной могиле. Чернолощеноый биконический сосуд аналогичен сосуду из шеворского погребения у г. Червоноград (бывш. Кристинополь) Сокальского р-на Львовской обл.⁸ Гончарные и

⁸ М. Smiszko. Указ. соч., стр. 17, табл. 1, 5.

лешные чаши на высокой ножке, кувшинообразные сосуды с двумя вертикальными ручками, большие горшки с шишечками в верхней части типичны для керамического комплекса липицких поселений и могильников⁹. Наконечник копья и шпоры, как и ритуально изогнутый меч, являются типичными находками в пшеворских могильниках на территории Польши и Западной Украины¹⁰. По классификации М. Яна, шпоры относятся к группе раннеримских шпор (тип 46) и датируются 40—70 гг. н. э. (стадия В)¹¹. Аналогичные шпоры найдены в пшеворском погребении у с. Хотимир Тлумачского р-на Ивано-Франковской области в 1908 г.¹²

Наконечник копья из Звенигородского погребения очень близок к наконечникам копий из могильника в Гриневе¹³. Звенигородский меч К. Домбровский и Е. Колендо отнесли к группе провинциально-римских мечей с кольцевым навершием, которые изредка встречаются в погребениях римского времени в Центральной и Северной Европе, но с большей вероятностью меч можно сопоставить с короткими сарматскими мечами с кольцевым навершием I—II вв. н. э.¹⁴ Аналогичные мечи обнаружены на Боспоре и в сарматских погребениях, например, в с. Михайловском Рыбницкого р-на, в с. Олонешты Каушанского р-на¹⁵. В пшеворских погребениях мечи с кольцевым навершием неизвестны. Обломок бронзовой фибулы Звенигородского погребения позволяет отнести ее к группе сильно профилированных фибул западных типов (группа 10, по А. К. Амброзу) и датировать ее также I в. н. э.¹⁶

Пшеворские погребения с ритуально изогнутым оружием I—III вв. н. э. в большей или меньшей мере характерны для всех областей распространения этой культуры. В западных районах Украины они обнаружены в бассейнах Сана и Западного Буга, в Верхнем Поднестровье, на Волыни и в Закарпатье (табл. 1). Изредка погребения с ритуально изогнутым оружием встречаются на могильниках черняховской культуры III—IV вв., например, согнутый в два оборота длинный меч найден в богатом погребении воина (№ 86) на могильнике у хут. Компанийцы Кобелякского р-на Полтавской обл.¹⁷ Остатки трупосожжения были сложены в лепном горшке с округлым туловом и немного отогнутым венчиком, с ошершавленной поверхностью. Рядом с урной лежали согнутый длинный меч, наконечник копья с осевым ребром и граненой втулкой, наконечник дротика с обломанным острием, клиновидный боевой топор, наконечник стрелы, обломки железного умбона и ручка от щита, железные обручи и дужка от деревянного ведерка, мелкие обломки гончарных черняховских сосудов и бронзовая двущитковая фибула с ромбической ножкой и полукруглой головкой. Погребение хорошо датируется умбоном и фибулой второй половины IV в. Обломок клинка ритуально изогнутого меча найден в разрушенном черняховском погребении у с. Августиновка Запорожской обл. при разведочных работах А. В. Бодянского в 1941 г. Длина обломка 17 см, ширина лезвия 4,2 см¹⁸. По всей вероятности, эти погребения

⁹ М. Smiszko. Указ. соч., стр. 116 и сл.; табл. VIII, 1, 3; IX, 1—7, 9, 11; X, 8—10.

¹⁰ Там же, стр. 78 и сл.; табл. II—V.

¹¹ М. Jahn. Der Reitersporn, seine Entstehung und Früheste Entwicklung. Leipzig, 1921; Т. Liana. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim. «Wiadomości Archeologiczne», XXXV, z. 4. Warszawa, 1970, стр. 450, табл. IV, 10.

¹² М. Smiszko. Указ. соч., стр. 4, табл. V, 3, 4.

¹³ Там же, стр. 8, табл. IV, 12, 13, 15.

¹⁴ К. Dąbrowski, J. Kolendo. Z badań nad mieczami rzymskimi w Europie środkowej i północnej. «Archeologia Polski», т. 12, з. 2, 1967, стр. 383—428.

¹⁵ А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 71, табл. II—V.

¹⁶ А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э.—IV в. н. э. САИ, вып. Д1—30, 1966, стр. 36 и сл., рис. 2, 1, табл. 7; И. К. Свешников. Указ. соч., рис. 21, 16, 18.

¹⁷ Е. В. Махно. Типи поховань та планування Компаніївського могильника. «Середні віки на Україні», вып. 1. Київ, 1971, стр. 89, рис. 5, 1—10.

¹⁸ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА,

Таблица 1
Находки ритуально изонутного оружия в пшеворских и черняховских погребениях на Украине

Место находки	Район	Номер погребения	Дата	Оружие					Литература
				мечи	копья	боевые топоры	умбоны	шпоры	
1 Арданово	Ирщавский		Конец II—III в.	+	+		+	+	<i>J. Eisner, Slovensko v pravěku, 1933, стр. 213—214.</i>
2 Сокаль	Сокальский		—	+	+		+	+	<i>M. Śmiszko, 1932, стр. 25—26.</i>
3 Червоноград	Сокальский		Конец II—III в.				+	+	Там же, стр. 17—18.
4 Добростаны	Городокский		"	+	+		+	+	Там же, стр. 6.
5 Гринев	Перемышлянский		Начало I в.	+	+				Там же, стр. 8—13.
6 Звенигород	Перемышлянский	8	I в.	+	+			+	<i>И. К. Свешников, 1957, стр. 65, рис. 2, 10—13.</i>
7 Звенигород	Перемышлянский	15	I в.	+	+				Там же, рис. 22, 2—3.
8 Звенигород	Перемышлянский	16	I в.	+	+				Там же, рис. 23, 18.
9 Перечельники	Золочевский		I в.	+	+			+	<i>M. Śmiszko, 1932, стр. 20—21.</i>
10 Рудки	Самборский			+	+		+	+	Там же, стр. 24—25.
11 Капустинцы	Борщовский		Конец II—III в.	+	+		+	+	Там же, стр. 16—17.
12 Лучка	Тернопольский		I в.	+	+			+	Там же, стр. 18—20.
13 Петрилов	Тлумачский		Вторая половина III в.	+	+			+	Там же, стр. 21.
14 Слободка	Гвоздецкий		—	+	+		+	+	Там же, стр. 25.
15 Великая Тернава	Новоушицкий		Конец II—III в.	+	+				ИАК, вып. 12. СПб., 1904, стр. 78, рис. 40—44.
16 Громовка	Староконстантиновский		Вторая половина III в.	+	+		+	+	<i>T. Dąbrowska, K. Godłowski, 1970, стр. 71—102.</i>
17 Компанийды	Кобеляцкий		Вторая половина IV в.	+	+		+	+	<i>Е. В. Махно, 1971, стр. 89, рис. 5.</i>
18 Августиновка	Запорожский		III—IV вв.	+	+				<i>Е. В. Махно, 1960, стр. 28.</i>

с ритуально изогнутым мечом свидетельствуют о проникновении пшеворских отрядов не только на Волинь, Поднестровье и Закарпатье, но и в Поднепровье¹⁹. Хронологически это продвижение относится ко второй половине III и к IV вв. Конечно, находка ритуально изогнутого оружия не может быть решающим основанием для отнесения погребения к пшеворской культуре, но если оружие сочетается с характерным пшеворским обрядом погребения, с пшеворской керамикой и другими типичными для этой культуры вещами, то принадлежность к пшеворской культуре не вызывает сомнений. Анализ Звенигородского погребения 8 позволяет с полной уверенностью отнести его к группе пшеворских захоронений раннеримского времени и датировать I в. н. э.

№ 82, 1960, стр. 28. По сведениям Е. В. Махно, обломок меча найден в 1941 г. в разрушенных погребениях в балке Сухенькой у с. Ново-Александровка (А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, № 82, 1960, стр. 173).

¹⁹ Явные следы проникновения западных, пшеворских и поморско-мазовецких элементов мы наблюдаем не только по всему ареалу черняховской культуры, что теперь уже не вызывает сомнений, но и в Приазовье и Причерноморье (Танаис, Керчь, Бакла, Харакс, Озерное III, могильники в районе Инкермана, Бельбек III и др.). Мы имеем в виду находки типичных пшеворских умбонов и ручек от щитов, боевых топоров, костяных гребней и пирамидальных подвесок, золотых и железных ведеркообразных подвесок, янтарных грибовидных подвесок, черняховских фибул и пряжек, проволочных височных колец с бусинами, подвесок в виде молоточка Тора, стеклянных и глиняных жетонов, широкое распространение лепной и гончарной черняховской керамики. Знаменательно, что все эти вещи появляются в Причерноморье не ранее 40-х годов III в. н. э. Отмечу недавние находки двух железных умбонов в Танаисе, умбоны из Керчи и Южно-Донузлавского городища, обломки железного умбона и ручку от щита с расширяющимися концами из Харакса (погр. 11).

А. С. СКРИПКИН

ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
ИЗ ЧЕРНОЯРСКОГО РАЙОНА АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1970 г. Черноярским отрядом Астраханской археологической экспедиции, возглавляемым А. Н. Малентьевым и Е. В. Шнайдштейн, на правом берегу Волги у с. Барановки в кургане 3 открыто позднесарматское погребение, совершенное в катакомбе¹. Катакомба как конструкция погребального сооружения не характерна для поднесарматских могил. В настоящее время в Нижнем Поволжье известно более четырехсот позднесарматских погребений, из них в катакомбе пока единственное. Ввиду исключительности этого погребения подробно приведу его описание².

Диаметр кургана около 28 м, высота 1,3 м. Во время раскопок установлено, что центральная часть кургана прокопана грабительской воронкой диаметра 3 м. В кургане находилось одно погребение. Его входная яма располагалась несколько к востоку от центра, она имела форму вытянутого прямоугольника с сильно округленными углами, ориентированного длинной осью по линии север—юг. С южной стороны в яму вели три ступеньки. Первая ступенька начиналась на глубине 1,1 м, ширина ее 0,75 м; вторая — на глубине 2,1 м, ширина 0,47 м и третья — на глубине 2,5 м, ширина 0,25 м. Общая глубина входной ямы от уровня погребенной почвы 2,9 м (рис. 1, 3).

В узкой северной стенке ямы находился вход в катакомбу, он был несколько уже входной ямы, высота его 0,6 м. Над входом в могильной засыпи отмечен слой угольков. У входа, завалившись в катакомбу, лежало несколько сгнивших плах, которыми, вероятно, катакомба отделялась от дромоса.

Катакомба расширялась в западную сторону от входа. Она имела овальную форму, вытянутую с севера на юг. Длина ее 2,4 м, ширина 1,5 м. Потолок сводчатый, наибольшая его высота 0,85 м. В катакомбе по углам три небольшие ниши. В северо-восточном углу находилась ниша глубиной 0,2 м, шириной 0,55 м и высотой 0,6 м; в северо-западном — глубиной 0,5 м, шириной 0,5 м, высотой 0,6 м; в юго-западном — глубиной 0,45 м, шириной 0,5 м, высотой 0,6 м.

В катакомбе по ее длинной оси лежал скелет молодой женщины вытянуто на спине, головой на север. Руки покоились вдоль туловища, ноги слегка отведены к западной стенке катакомбы. Череп погребенной искусственно деформирован (рис. 1, 2).

Рядом с костяком найдены следующие вещи:

1. Между правой рукой и поясничными позвонками лежало бронзовое зеркало с центральной петелькой диаметром 6 см. Диск плоский, сильно окислившийся (рис. 2, 3).

¹ Е. В. Шнайдштейн. Раскопки курганов на Нижней Волге. АО, 1970, стр. 167.

² Искренне благодарен авторам раскопок за предоставление в мое распоряжение публикуемого материала.

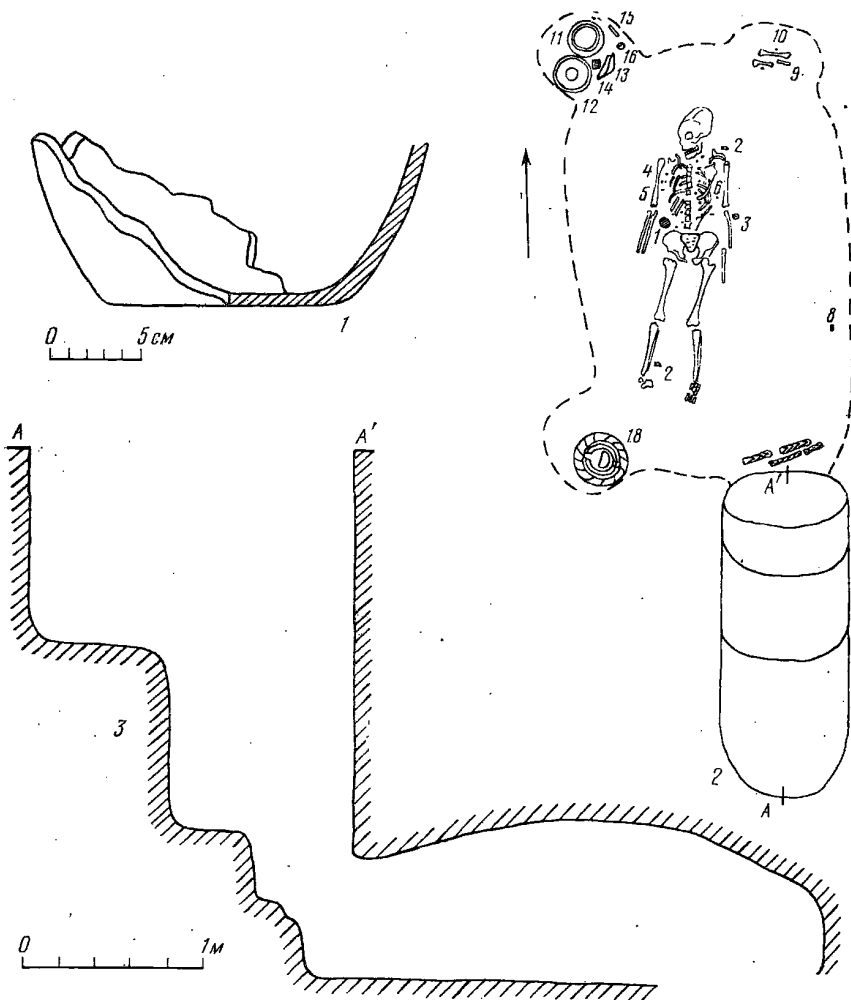

Рис. 1. План погребения у с. Барановки

2. Две сильно профилированные небольшие фибулы с бусинкой на головке и с нижней тетивой, изготовленные из белого металла. Одна из них, двучленная, с плавно прогнутой спинкой, лежала у левого плеча (рис. 2, 2), вторая, одночленная, с коленоизогнутой спинкой, обнаружена у голени правой ноги (рис. 2, 1).

3. Ниже локтя левой руки находилась круглая бусина диаметром 2 мм, из опала, уплощенная с боков.

4. Между плечевой костью правой руки и ребрами найдены три янтарные подвески, длина большей из них 1,9 см (рис. 2, 7).

5. Здесь же находилась продолговатая уплощенная бусина из темно-синего стекла (рис. 2, 9).

6. С левой стороны на ребрах лежали три агатовые 14-гранные бусины (рис. 2, 11), одна такой же формы, но поменьше, из сердолика (рис. 2, 12) и три в виде плоских кружков из янтаря (рис. 2, 13).

7. Справа выше тазовых костей обнаружены три рифленые бусины из голубой египетской пасты (рис. 2, 14, 20), агатовая 14-гранная бусина (рис. 2, 15), аналогичной формы из сердолика (рис. 2, 16), сердолика

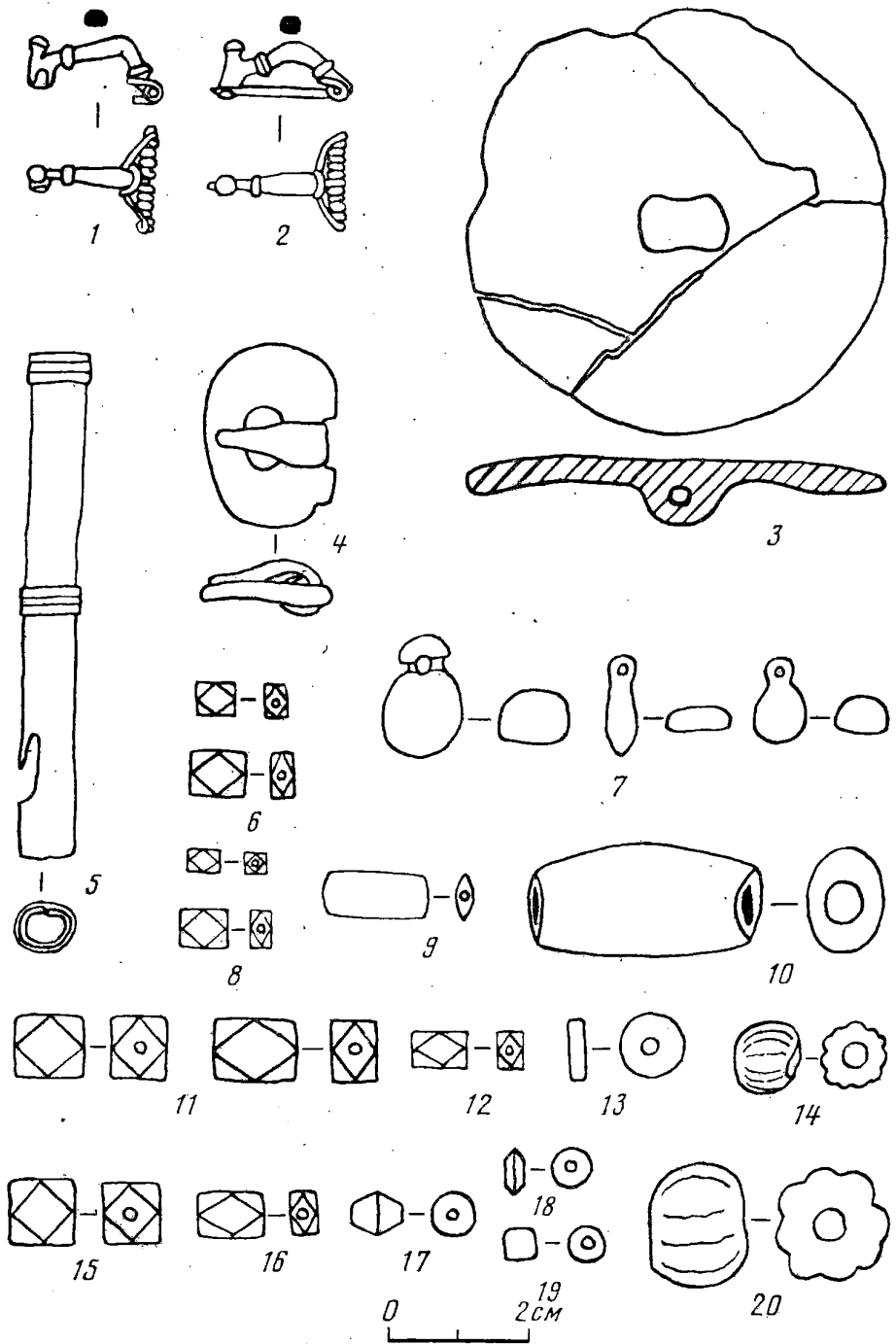

Рис. 2. Бусы и отдельные вещи из погребения у с. Барановки

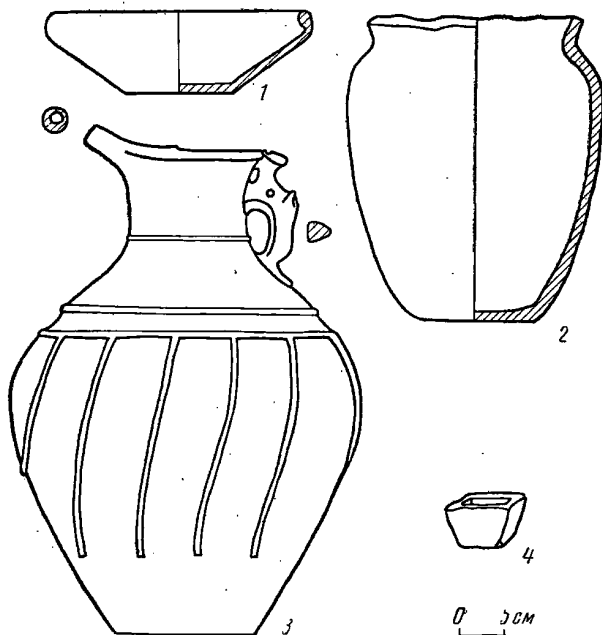

Рис. 3. Керамика из погребения у с. Барановки

ковая биконическая (рис. 2, 17), одна цилиндрическая и одна уплощенная из сильно патирированного стекла (рис. 2, 18, 19).

8. Около восточной стенки найдена крупная перламутровая бусина длиной 3,3 см (рис. 2, 10).

В северо-восточной нише находились:

9. Кости ноги барана.

10. По обе стороны от костей лежало по одной граненой бусине, одна из сердолика, другая из синего стекла (рис. 2, 6).

В северо-западной нише обнаружены:

11. Лепной широкогорлый горшок с вытянутым туловом, слегка сужающимся ко дну. Дно уплощенное, венчик слабо отогнут, край срезан наружу. Высота горшка 25 см, диаметр горла 16 см, диаметр дна около 10 см (рис. 3, 2).

12. Сероглиняная миска с плоским дном и загнутым внутрь краем, изготовленная на гончарном круге. Высота ее 7 см, диаметр по верху 21 см, дна — 9 см (рис. 3, 1).

13. Обломок дна лепного горшка. Поверхность светло-коричневого цвета, тесто грубое с примесью песка. На дне прочерчены две пересекающиеся линии, образующие крест. Диаметр дна 13,5 см (рис. 1, 1).

14. Четырехгранная лепная курильница. На доньшке две линии из ногтевых насечек, перекрещивающихся по диагонали. Высота курильницы 3,3 см (рис. 3, 4).

15. Серебряная трубочка длиной 7,2 см и диаметром 0,9 см. Трубка свернута из листа концами впритык. Посредине и с одного конца она имеет накладные желобчатые пояски (рис. 2, 5).

16. Пряжка из щитка раковины с бронзовым язычком, размером 2,5 × 2 см (рис. 2, 4).

17. Две граненые бусины: одна из сердолика, вторая из синего стекла (рис. 2, 8).

В юго-западной нише:

18. Прекрасной работы серолощенный кувшин, изготовленный на гончарном круге. Горло кувшина, наполовину закрытое, оканчивается носиком-сливом. К горлу прикреплена ручка в виде фигурки кабана. На широком его пяточке нанесены девять наколов, внизу два ряда по четыре и один сверху. Глаза обозначены вдавлением, отчетливо выделены уши. Ручка-туловище в сечении треугольная. По горлу кувшина проходит поясок в виде небольшого валикообразного утолщения. По плечикам идут два пояса из валиков покрупнее. От нижнего вниз отходят 13 валикообразных полос, чуть скошенных влево. Высота кувшина 40 см, больший диаметр тулова 28 см, диаметр горла 13 см, дна 11,5 см (рис. 3, 3).

Погребение в кургане 3 около с. Барановки представляет интерес как в отношении обряда погребения, так и сопровождающих вещей. Северная ориентировка, искусственная деформация черепа — определяющие черты позднесарматской культуры Поволжья. Более точную дату погребения позволяет установить анализ вещей.

Две найденные маленькие сильно профилированные фибулы с бусинкой на головке и нижней тетивой отнесены А. К. Амброзом в его классификации к третьему варианту этой серии³. Фибулы появляются у сарматов Поволжья с сусловского этапа и особенно широкое распространение получают в II—III вв. н. э. В позднесарматское время в различном соотношении бытуют разные типы фибул. Описываемые же фибулы в Нижнем Поволжье встречены впервые. Основным районом их распространения являются Северная Осетия (могильники у сел. Кумбульта, Галиат и др.)⁴. Несколько таких же экземпляров известно из находок в Пантикапее, в одном случае аналогичная фибула якобы найдена в комплексе с оттиском монеты Рискупорида III (211—228 гг. н. э.)⁵. Учитывая особенность конструкции, А. К. Амброз склонен датировать фибулы этого рода всем III в. н. э.⁶

Этой дате не противоречит небольшое зеркало с центральной петелькой. Такая форма зеркал появляется в сарматских памятниках Поволжья в конце II в. н. э., в III в. они известны уже в достаточном количестве и постепенно вытесняют зеркальца с боковым ушком⁷.

Керамика в погребении представлена лепными сосудами и изготовленными на гончарном круге. Четырехгранные курильницы — самая распространенная форма сосудиков этого типа в позднесарматское время. Широкогорлые горшки с вытянутым туловом также часто встречаются в сарматских погребениях II—III вв. н. э.⁸

Оригинален кувшин с ручкой в виде фигурки кабана. В сарматской керамике среди общего количества сосудов с зооморфными ручками, которые отличаются большей стилизацией, процент ручек с реалистическим изображением животных невелик. В большем числе они встречаются в Прикубанье, на Нижнем Дону и Северном Кавказе⁹. Мотив изображения ручек в виде фигурок кабана был широко распространен в местной керамике

³ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, 1966, стр. 42—43, табл. 8, 15, 16, 19—20.

⁴ П. С. Уваров. Могильники Северного Кавказа. МАК, т. VIII, 1900, табл. LXXIII, 2; LXXXI, 1, 2; CXX, 15.

⁵ В. Поста. Archeologische Studien auf russischen Boden, Bd. I. Budapest—Leipzig, 1905, стр. 434.

⁶ А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 42.

⁷ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 67—69.

⁸ Р. Рау. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 46—48, рис. 75; он же. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 27—31, рис. 21; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 393, рис. 64, 11.

⁹ М. П. Абрамова. О-керамике с зооморфными ручками. СА, 1969, № 2, стр. 69—84.

Восточного Крыма в I—II вв. н. э.¹⁰ Известны находки сосудов с фигуркой кабана на Северном Кавказе¹¹ и Прикубанье¹². В своей работе К. М. Скалон делает предположение, что этот художественный образ мог зародиться в среде населения, живущего поблизости к таманским и приазовским плавням¹³. Из перечисленных находок ближе всех к нашему стоит небольшая кувшинчик с ручкой в виде фигурки кабана из могильника у ст. Воронежской на Кубани; его тулово украшено сверху вниз наклонными пролощенными канавками. Найден он в комплексе с амфорой III в. н. э.¹⁴

Таким образом, вещи из кургана 3 позволяют датировать его III в. н. э. Показателен в этом отношении и набор бус, среди которых преобладают граненые, часто встречаемые в позднесарматских погребениях этого времени. Нам представляется, что эту дату можно уточнить. В погребении найдены сероглиняный кувшин и миска, изготовленные на гончарном круге. Керамика такого рода у сарматов Поволжья являлась привозной с Нижнего Дона или Прикубанья. После разгрома Танаиса в середине III в. н. э. и окружающих его поселений и прекращения жизни на городищах Кубани поступление гончарной сероглиняной керамики в Поволжье резко сокращается. После этих событий в сарматских погребениях встречается только лепная керамика. Вероятная дата погребения в кургане 3 у с. Барановки — середина или первая половина III в. н. э.

Сарматские катакомбные погребения известны в более раннее время на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Занимают они незначительное место в общем числе раскопанных сарматских погребений. В настоящее время, по далеко неполным данным, раскопано более двух тысяч сарматских погребений всех периодов, среди которых катакомб, по последним подсчетам, 35¹⁵. Из них подавляющее большинство относится к прохоровской культуре, четыре катакомбы могут быть датированы среднесарматским временем. Катакомбное погребение позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье открыто впервые. Обычай погребать в катакомбе был известен и у других народов, в раннем железном веке населявших Среднюю Азию, Кавказ, Кубань и находившихся в тесных сношениях с сарматами Поволжья. Попытки же решения генезиса катакомбных погребений пока не находят однозначного ответа. Поволжские катакомбы ни в одном из могильников не составляют большинства, они сильно разбросаны как территориально, так и хронологически, наблюдается их разногиппность. К среднесарматскому времени происходит постепенное затухание обычая погребать в катакомбе. Между последними известными катакомбами в районе с. Калмыково¹⁶ и вновь открытой у с. Барановки разрыв составляет по крайней мере триста лет. По конструкции катакомба из кургана у с. Барановки напоминает поволжско-уральские катакомбы II типа¹⁷. Но говорить об эволюции этого типа катакомб вплоть до III в. н. э. пока преждевременно.

¹⁰ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, 1954, стр. 90, рис. 3; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, XV, 1951, стр. 248; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 95, рис. 90, 1, 2.

¹¹ П. С. Уваров. Указ. соч., стр. 161, рис. 159; стр. 325, табл. СХХIX, 16.

¹² А. Н. Анфимов. Отчет об археологических разведках в северо-восточной части Приазовской низменности. Архив ИА, р. I, № 244.

¹³ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. «Труды ОИПК», т. I, 1941, стр. 173 сл.

¹⁴ А. Н. Анфимов. Указ. соч., лл. 8—23.

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, № 1, стр. 73.

¹⁶ И. В. Сидицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 148—155.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 75, рис. 1.

К. Ф. Смирнов предполагает, что для ранних катакомб Северного Кавказа основой послужили степные сарматские катакомбы¹⁸. Во II—III вв. н. э. катакомбы на Северном Кавказе получают широкое распространение. Не имеем ли мы в данном случае обратное явление, объясняющее наличие катакомбы у с. Барановки влиянием северокавказской традиции. О возможности такого суждения говорят хотя бы фибулы, найденные в этом же погребении, основной территорией распространения которых являются центральные районы Северного Кавказа и которые в Поволжье зафиксированы впервые.

¹⁸ Там же, стр. 78.

Е. К. МАКСИМОВ

РТИЩЕВСКИЕ КУРГАНЫ

В 1966 г. археологическая экспедиция Саратовского областного музея краеведения проводила раскопки и разведки в Ртищевском районе Саратовской области. Этот район расположен в лесостепной части северо-запада области, в пределах Приволжской возвышенности. Здесь преобладают луговые степи, почти все распахиваемые. Дубравы занимают отдельные участки, особенно в долине р. Хопёр.

В археологическом отношении Ртищевский район изучен слабо. Произведенными нами разведками близ сел Дивовки, Урусово, Таптулино, усадьбы совхоза «Темп», в окрестностях г. Ртищева на пахотных участках зарегистрированы по одному—трем курганам, высота которых достигает до 2 м. Более мелкие насыпи вследствие интенсивной распашки исчезли и местами прослеживаются лишь светлыми пятнами на пашне.

В одной такой распахиваемой группе, расположенной на северо-запад от с. Таптулино, были произведены раскопки курганов.

Наиболее древними из исследованных памятников являются погребения срубной культуры. Это обычные широкие прямоугольной формы могилы со скорченным костяком, лежащим на левом боку и ориентированным на северо-восток. Инвентарь состоит из глиняных сосудов остроресберной формы с гребенчатым орнаментом в верхней части, баночной формы с орнаментом из прочерченных и заполненных линиями углов. Все эти погребения по обряду захоронения и керамике имеют множество аналогий в одновременных памятниках Нижнего Поволжья.

Наибольший интерес представляют захоронения из кургана 1, насыпь которого была разрушена бульдозером. С поверхности насыпи при разрушении было извлечено каменное изваяние. Изваяние высечено из темного сливного песчаника и имеет высоту 1,02 м (рис. 1). Оно изображает женщину в остроконечном головном уборе. Голова изваяния, глаза, нос, рот, а также уши тщательно проработаны. Лицо имеет слегка монголоидные черты. На шее изображена витая из четырехгранного прута гривна. Обратная сторона изваяния гладкая.

Казалось бы, что рассматриваемое изваяние близко каменной бабе, найденной у с. Большая Глушица Куйбышевской области и относимой А. П. Смирновым к первым векам нашей эры¹. Однако отделка, трактовка подбородка, проходящий по груди и животу выступ, создающий впечатление некоторой округленности, отличают эту каменную бабу от таптулинской находки. Не имеет таптулинское изваяние деталей и черт, которые указывали бы на алаано-болгарскую струю и позволяли датировать его этим временем. Нет таких изваяний и в причерноморских степях. Скорее всего таптулинское изваяние примыкает к группе половецких изваяний, хотя по форме и трактовке отдельных деталей оно несколько отличается

¹ А. П. Смирнов. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 43.

от классических половецких каменных баб, у которых четко прорисована голова, украшенная косой, и фигура имеет высеченные руки, часто сложенные на животе, и ноги. Форма таптулинского изваяния в виде уплощенного столба, овал лица и его особенности: выпуклые губы, нос и брови, изображенные в едином рельефе, стилизация разреза глаз — напоминают в какой-то степени тюркские изваяния Казахстана и Семиречья². Весьма возможно, что это изваяние было поставлено восточнокыпчакскими племенами, часть которых продвинулась в XI в. в восточно-европейские степи и впоследствии обособилась от своих восточных родичей. Здесь, как указывает Г. А. Федоров-Давыдов³, они выработали новый стиль исполнения и облик каменных изваяний, сохранив, однако, и черты изваяний своих восточных родственников.

Витая гривна, изображенная на шее таптулинского изваяния, встречается на кочевнических каменных бабах. Отдельные кочевнические фигуры высечены с двумя витыми гривнами⁴. Гривны, витые из четырехгранного прута, редко, но имеются в инвентаре позднекочевнических погребений. Особенно хорошо известны такие гривны в древнерусских кладах второй половины XII—начала XIII в.⁵ К этому времени, вероятно, и следует отнести таптулинское изваяние.

Проведенными нами исследованиями кургана I выяснено, что бульдозером не только извлечено из насыпи каменное изваяние, но и уничтожено впускное погребение, от которого в отвале земли остались человеческие и конские кости, а на материковой почве обнаружены отдельные кости коня и железные удила с перегибом и большими подвижными круглыми в сечении кольцами. Такой тип удил хорошо известен в кочевническом мире начиная с IX в. и вплоть до конца XIV в.

Связано ли каменное изваяние с разрушенным погребением — осталось неизвестным. Если это единый комплекс, то он мог принадлежать кочевнику XII—XIII вв.

В северо-западном секторе кургана 1 обнаружена в грунте широкая прямоугольная могила, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Длина могильной ямы 2,40 м, ширина 1,10 м и глубина от древнего горизонта 1,50 м. На дне ямы лежал костяк мужчины в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад (рис. 2, 1). Кисть левой руки погребенного находилась под тазобедренным сочленением. Правая нога согнута в колене и немного откинута в сторону. Могильный инвентарь в основном состоял из керамики: три сосуда находились справа от черепа и две миски — с левой стороны.

² Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.

³ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 189.

⁴ С. А. Плетнева. Пененги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, рис. 38, 38, 60, 63, 67, 68.

⁵ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 131—132, табл. LIII, 1, LIV, 7.

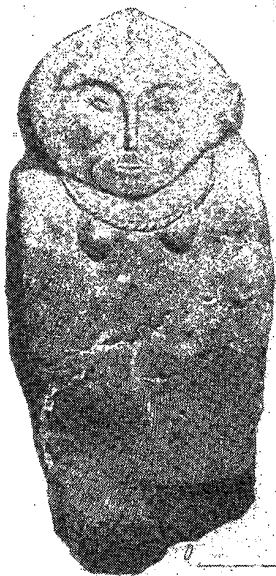

Рис. 1. Каменное изваяние из кургана у с. Таптулино

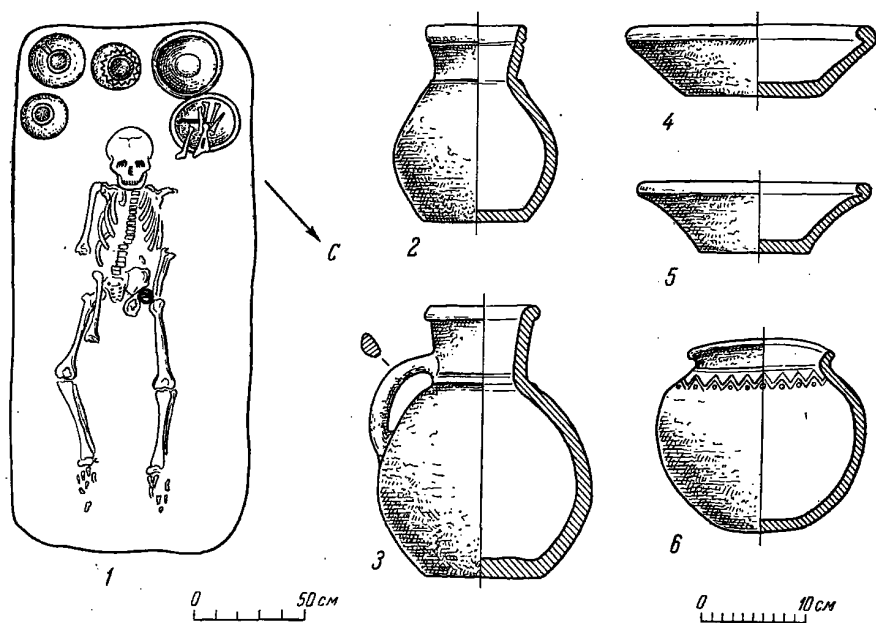

Рис. 2. Сарматское погребение из Таптулинского кургана

1 — план погребения 2—6—глиняные сосуды

Справа от черепа в самом углу могилы стоял серолощенный гончарной работы кувшин с округлым туловом, невысоким, слегка расширяющимся к венчику горлом и уплощенно-овальной ручкой, украшенной вертикальными короткими и глубокими насечками. По горлу ниже венчика проходит круговая резная линия, у основания — небольшой выпуклый поясок. Дно кувшина плоское (рис. 2, 3). Слева к кувшину был прислонен гончарной работы чернолощенный сосуд кувшинообразной формы, без ручки. Корпус сосуда округло-биконический. Горло невысокое, расширяющееся к венчику. Ниже венчика вокруг горла проходит бороздка, у основания — небольшой сглаженный валик-выступ. Дно сосуда плоское. Глина в изломе черная (рис. 2, 2). Справа от кувшина находился грубоглиняный лепной сосуд шаровидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком и округло-уплощенным дном. Поверхность сосуда серо-черного цвета, плечики и венчик покрыты слоем копоти. Глина в изломе черная. По плечикам тулова проходит круговая резная линия, ниже которой резная зигзагообразная. В примыкающих к прямой линии углах зигзага выдавлены точки (рис. 2, 6).

В западном углу находились две глиняные миски станковой работы. Одна из мисок сероглиняная, с лощением (рис. 2, 4), другая — чернолощенная (рис. 2, 5). В чернолощеную миску были положены куски мяса овцы и железный ножичек с прямой спинкой и обложенной деревом рукоятью.

Кроме керамики при погребенном на левой тазовой кости лежали маленькая железная пряжка из круглого в сечении прута и половинка кольца, возможно второй пряжки.

По обряду захоронения и могильному инвентарю погребение 2 из кургана 1 относится к сарматской культуре. Дату погребения устанавливает комплекс гончарной керамики, особенно лощеные миски, широко распространенные в памятниках сарматской культуры I—II вв. н. э. Нижнего Поволжья и Причерноморья.

Исследованное таптулинское погребение интересно для изучения рас-

пространения сарматских памятников на северной периферии этой культуры. До последнего времени северными сарматскими памятниками в лесостепной части Саратовского правобережья являлись погребения, раскопанные И. В. Синицыным еще в 1930 г. по течению р. Колышлей в Аткарском районе⁶. Сарматское погребение близ г. Ртищева отодвигает эту границу и является одним из самых северных сарматских памятников Волжского правобережья, которое по сравнению с левобережными и более южными поволжскими районами изучено еще мало, вследствие чего нам известны здесь лишь единичные сарматские памятники. Поэтому их дальнейшее исследование является очень важным.

⁶ И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. «Сборник Нижне-Волжского краевого музея». Саратов, 1932, стр. 56 и сл.

Е. А. ГОРЮНОВ

ДРЕВНОСТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. СНОВА

В 1970 г. Деснинским отрядом ИА АН СССР при обследовании правого притока Десны р. Снова в нижнем ее течении обнаружено четыре селища, относящихся к малоизученному для этих мест времени — первой половины и середине I тысячелетия н. э.

Наиболее ранним из них следует считать селище, открытое в 2 км к юго-востоку от с. Ключков Черниговского района, вблизи озера Змеевка. Оно расположено на краю низкой, подвергающейся распашке первой террасы р. Снова, у изгиба ее старицы, ограничивающей селище с юга. Поселение нарушено полевой дорогой, идущей по самому краю террасы, а в западной части — двумя силосными ямами. Его примерные размеры, судя по находкам керамики, попадающейся на поверхности пашни, около 200×80 м.

В целях выяснения стратиграфии селища и возможности его исследования заложено три шурфа, вскрывшие площадь 18 кв. м. Во всех шурфах прослежена одинаковая стратиграфия. Верхний слой — пахотный, гомогенный, толщиной 0,25—0,3 м. Ниже шел ненарушенный культурный слой, состоящий из черного гумуса, толщина которого не превышала 0,15 м. Перекрытый им материк представлял собой коричневатый лессовидный суглинок. В двух шурфах обнаружены округлые в плане ямы — погребя, одинаковые по форме, размерам и керамическому материалу. Стенки ям почти отвесные, дно ровное; их диаметр 1,5 м, глубина от уровня материка 0,4 м. В заполнении одной из ям помимо керамики найдены кости коровы и свиньи¹.

О времени селища говорит лепная керамика, встреченная в хозяйственных ямах и на поверхности пашни. По назначению она может быть разделена на кухонную и столовую. Численно преобладает первая, представленная слабопрофилированными небольшими горшками, украшенными по краю отогнутого наружу или невыделенного венчика косыми насечками или ямками, а по тулову в ряде случаев — расчесами, идущими сверху вниз. Тесто грубое с примесью дресвы. Поверхность шероховатая коричневого цвета. Диаметр венчиков колеблется между 18 и 24 см, толщина стенок 0,6—0,9 см (рис. 1, 1, 2, 5, 8, 9). Наиболее близкие аналогии этой керамике можно найти в ряде древностей I—II вв. н. э., относимых к зарубинецкой культуре². Появление расчетов на керамике связывают с влиянием культуры штрихованной керамики³, с чем нельзя не согласиться.

¹ Определение сотрудника ЛОИА Н. М. Ермоловой.

² Е. В. Максимов. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье. МИА, № 160, 1969, стр. 39—50, рис. 1; О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 157—159, рис. 61, 62.

³ О. Н. Мельниковская. Указ. соч., стр. 159.

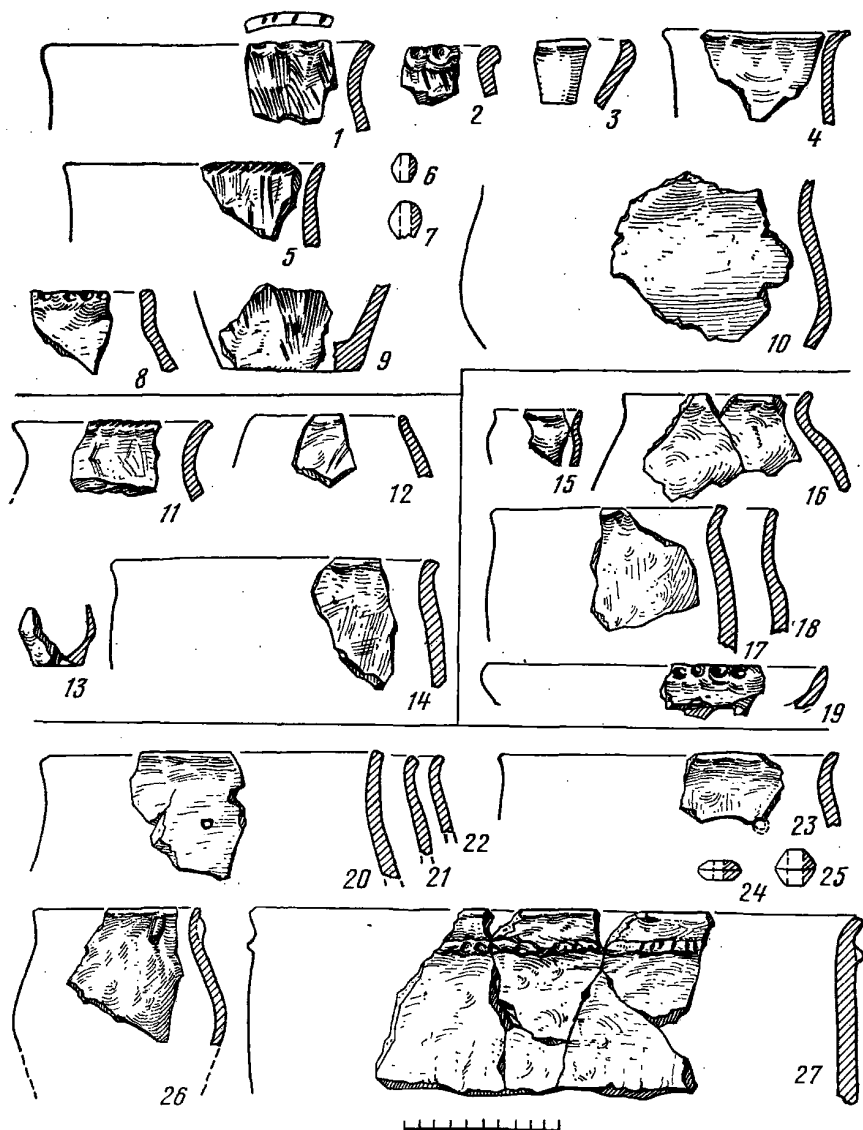

Рис. 1. Лепная керамика с поселений I тысячелетия поречья Снова

1–10 — селище Змеевка; 11–14 — селище Клочков; 15–19 — селище в 1, 2 км к югу от с. Макишин;
20–27 — селище Ровчан

Столовая посуда в отличие от кухонной содержит в тесте мелкий шпат и песок и имеет гладкую, зачастую лощеную поверхность черного цвета. Формы ее отличны от кухонной (рис. 1, 3, 4, 10). Сюда относится, в частности, реберчатая лощеная миска (рис. 1, 3).

Помимо посуды на селище найдены три глиняных пряслица обычной для зарубинецких древностей формы (рис. 1, 6, 7). Основываясь на типологических особенностях керамики, селище можно отнести к первым двум-трем векам I тысячелетия н. э.

Другое селище, относящееся, видимо, к несколько более позднему времени, обнаружено на восточной окраине с. Клочков Черниговского района. Как и первое селище, оно расположено на краю первой надпойменной тер-

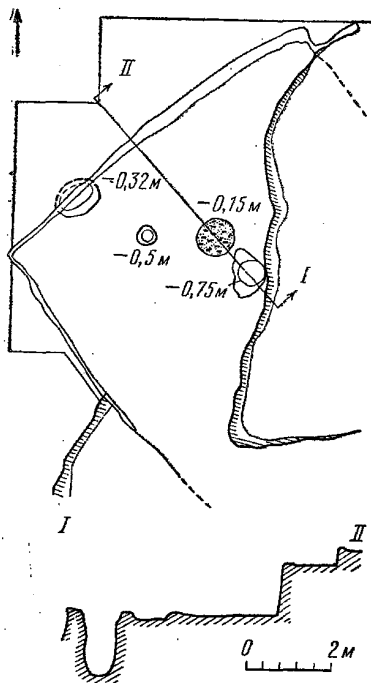

Рис. 2. Селище Ровчак. План и профиль жилища

расы правого берега Снова. Терраса круто обрывается к пойме, возвышаясь над ней на 5—6 м. Большая часть селища занята огородами и усадьбой. Доступная для исследований площадь подвергается расчистке и не превышает 200 кв. м. Ненарушенный культурный слой толщиной около 0,1—0,15 м залегает на глубине 0,3—0,35 м непосредственно под пахотным слоем. Шурфами вскрыты две хозяйственные ямы, в плане округлые, с почти отвесными стенами, ровным дном, одна диаметром 1,2 м и глубиной от уровня материка 0,5 м, вторая диаметром 1,5 м и глубиной 0,22 м. В гумусном заполнении первой ямы встречена грубая лепная керамика, кости коровы и свиньи, принадлежащие в том и другом случае одной особи; другая яма не дала находок.

При обследовании селища собрано около двух десятков фрагментов керамики. Она изготовлена от руки, содержит в тесте шмот и дресву, слабо обожжена, не орнаментирована (рис. 1, 12—14). Лишь один из венчиков, имеющий профиль, характерный для зарубинецкой керамики, украшен по краю косою насечкой (рис. 1, 11). Поверхность шероховатая и бугристая, плохо сглаженная. Толщина стенок 0,6—0,9 см.

Посуда представлена исключительно горшками, имеющими баночную или биконическую форму. Ребра последних скругленные. Обращает на себя внимание миниатюрный сосуд (рис. 1, 13). Подобная керамика встречена на ряде деснинских селищ, датируемых III—VI вв. н. э. В частности, такая посуда имеется в Лавриковом лесе⁴. Селище на восточной окраине Ключкова несомненно относится к этому же времени.

Серединой I тысячелетия можно датировать третье селище, которое находится на пологом распахиваемом склоне левого берега ручья Ровчак, в 1,2 км к западу от с. Макишин Городнянского района, вблизи грунтовой дороги, идущей из этого села к шоссе Чернигов—Щорс. Селище прорезано двумя молодыми оврагами, тянущимися в направлении с севера на юг, к узкой пойме ручья. В обнажении оврагов культурный слой не прослеживался, не сохранился он и в узкой полосе, разделяющей их, где открыто жилище-полуземлянка, вырытое в лессовидном суглинке. Оно оказалось нарушенным оврагом, край которого прошел через северный угол и примерно середину жилища (рис. 2). Жилище имело, видимо, четырехугольную, близкую к квадратной форму и было ориентировано углами по странам света. Полностью сохранилась лишь его материковая стенка — северо-западная, имевшая в длину 4,3 м. Глубина полуземлянки от уровня материка 0,6 м. Пол ровный, без следов обмазки глиной. В полу в центре жилища прослежена яма от опорного столба, имевшая диаметр 0,32 м, глубину 0,72 м. В 0,2 м от нее находился углубленный округлый в плане очаг. Диаметр очажной ямы 0,46 м, глубина 0,15 м. Ее дно и стенки, сильно обожженные, имели ярко-оранжевый

⁴ П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов. Отчет об археологических исследованиях в Новгороде-Северском и Сосницком районах Черниговской области УССР в 1969 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 1618.

цвет. Вторая из обнаруженных в полу столбовых ям, диаметром 0,2 м, глубиной 0,5 м, располагалась в 0,5 м к востоку от очага. Еще одна яма, представлявшая собой небольшой подбой в северо-западной материковой стенке жилища, имела размеры 0,6 × 0,4 × 0,32 м. О назначении этой ямы трудно что-либо сказать.

Заполнение полуземлянки состояло из темно-серого гумусного слоя с включениями желтоватого материкового суглинка. Найденная в нем керамика представлена лепными преимущественно слабопрофилированными горшками разных размеров — от небольших до очень крупных, диаметром до 40 см. Она изготовлена из плохо промешанного теста с примесью шамота, режее песка и дресвы; слабо обожжена. Поверхность шероховатая со следами грубого сглаживания (рис. 1, 20—23, 26, 27). Наибольший интерес представляют крупный с почти непрофилированным верхом горшок, украшенный по венчику налепным с насечками валиком (рис. 1, 27) — форма, характерная для керамики Колочинского городища середины I тысячелетия⁵, и небольшой биконический горшок со скругленным ребром на середине высоты, имеющий под венчиком продолговатый налеп (рис. 1, 26).

Как выяснилось в последнее время, жилища-полуземлянки с центральным опорным столбом и открытым очагом типичны для южной части Верхнего Поднепровья первой половины и середины I тысячелетия н. э.⁶ Из памятников, содержащих керамику, близкую, если не аналогичную описанной выше, лучше других датируется селище Лавриков Лес, в одном из жилищ которого, также имевшем в центре опорный столб, найдена железная проволочная фибула с подвязанной ножкой (вторая половина III (?)—IV в.)⁷.

Четвертое селище открыто в 1,2 км к югу от с. Макишин Городнянского района. Оно занимает обрывистый мыс правого коренного берега, образованный долиной р. Снова и двумя впадающими в него оврагами. Высота мыса над поймой достигает не менее 12 м, расстояние между оврагами — около 50 м. Обрывом селище ограничено с востока, оврагами — с севера и юга. Западная его граница проходит через пашенное поле, примерно в 80 м от обрыва.

На селище заложено пять шурфов общей площадью 15,25 кв. м. Прослеженный в них культурный слой не превышал 0,2 м. Он перекрыт дерновым гомогенным слоем, некогда подвергавшемся распашке. В западной части селища культурный слой полностью разрушен пахотой. Обнаружены три хозяйственные ямы, одна овальная в плане (2), остальные округлые (1 и 3). Яма 1 диаметром 1,5 м, глубиной 0,68 м была перекрыта ямой 2 размерами 1,9 × 1,1 × 0,62 м. В отличие от этих ям, имевших отвесные стенки, яма 3 расширялась книзу. Верхний ее диаметр 0,8 м, нижний 1 м, глубина от уровня материка 0,5 м. В заполнении ям встречена керамика несомненно одного времени. Она представлена лепными горшками с шероховатой поверхностью, примесью шамота в тесте, слабообожженными. Венчики короткие, слегка отогнутые наружу. Толщина стенок около 0,8 см (рис. 1, 15—19). Кроме горшков на селище найдены два обломка сковородок с хорошо выраженным бортиком, украшенным по

⁵ Э. А. Сымонович, Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 97—137, рис. 20, 1, 3.

⁶ Э. А. Сымонович. Указ. соч., стр. 118, рис. 16; он же. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 64—68, рис. 22; он же. Исследования черняховского поселения Воробьевка II. АО 1970. М., 1971, стр. 71; П. Н. Третьяков. Исследование древностей I тысячелетия н. э. в Среднем Подесенье. АО 1969. М., 1970, стр. 270, 271; он же. Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Среднем Подесенье. АО 1970. М., 1971, стр. 285—287.

⁷ П. Н. Третьяков. Исследование древностей I тысячелетия н. э., стр. 270; П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов. Отчет об археологических исследованиях. . .

краю пальцевыми вдавлениями, мелкий обломок гладкостенной амфоры, а также обломок железного ножа.

По керамике селище ближе всего стоит к поселению Целиков Бугор в устье р. Смяч под г. Новгород-Северским, датирующемуся с IV по VII в.⁸

Итак, разведочными работами впервые на р. Снове выявлены памятники, в целом аналогичные уже известным в Верхнем Поднепровье, в частности в поречье Средней и Верхней Десны. Происхождение и этническая принадлежность этих памятников остаются пока спорными.

⁸ Е. А. Горюнов. Селище Целиков Бугор на Средней Десне. КСИА, вып. 129, 1972, стр. 42—46.

М. Р. ПОЛЕССКИХ

ШЕМЫШЕЙСКИЙ МОГИЛЬНИК
СЕЛИКСЕНСКОГО ТИПА

Могильник находится на невысокой террасе левого берега р. Узы, притоке Верхней Суры, напротив с. Шемышейки Пензенской области. В 1971 г. раскопками отряда Сурской экспедиции ИА АН СССР и во время работ 1958 г. здесь вскрыто 19 погребений, в том числе 5 мужских, 8 женских, 1 детское, 5 неопределенных. Погребенные лежали в ямах прямоугольной формы глубиной около 1 м, вытянуто на спине головой на юг и юго-запад так, что ноги их обращены к реке.

Вещевой инвентарь захоронений позволяет отнести этот памятник к могильникам селиксенского типа¹.

Специфической особенностью этих могильников является височная подвеска со спиралькой и грузиком раннего типа (биконическим). Характерны также некоторые бронзовые украшения, в том числе круглые пластинчатые бляхи — нагрудные и наkosники, снабженные выдавленным концентрическим орнаментом и прорезью; вечник в виде продолговатых пластинок с рельефным орнаментом; браслеты с каннелюрами; перстни со щитком из спиралек (рис. 1, 1—3, 5, 8).

Вещевым комплексам селиксенских могильников свойственны и иные вещи, характерные для древних финно-угорских племен (кошибеевских, прикамских и др.) или заимствованные от сарматского культурного мира. Это бусы из красной стекловидной массы, золоченый звеньевой бисер, гривны круглопроволочные со свободными концами, ожерелья из спиралек (рис. 1, 6, 7). Уже в инвентаре Старшего Селиксенского могильника было отмечено влияние культуры Прикамья². В Шемышейском могильнике в погребении 11 найдена серебряная поясная кисть, составленная из двух зеркаловидных подвесок, спаренных полутрубчатых и сапожковидных подвесок. В погребениях 9 и 11 встречены и более мелкие серебряные подвески в виде кружков с центральным отверстием. В погребениях 8, 9, 11 и 13 обнаружены полусферические бляшки и бляшки с петелькой на внутренней стороне (рис. 1, 9, 10, 12, 13). Оригинальными являются серебряные подвесочка в форме мотыжки и треугольная подвеска с выпуклинами (рис. 1, 4, 11).

В мужских захоронениях Шемышейского могильника найдены кельты с незначительным изгибом на тыльной стороне, ножи, наборы для высекания огня, пряжки железные, и бронзовые, удила кольчатые железные (в погребении 3 кольца удила бронзовые), наконечники стрел с трехлопастным и листовидным пером. Интересны два железных инструмента из погребения 3: ложкарная стамеска и тесла в форме пещни. В погребении

¹ М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, № 4, стр. 202—211.

² А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 104.

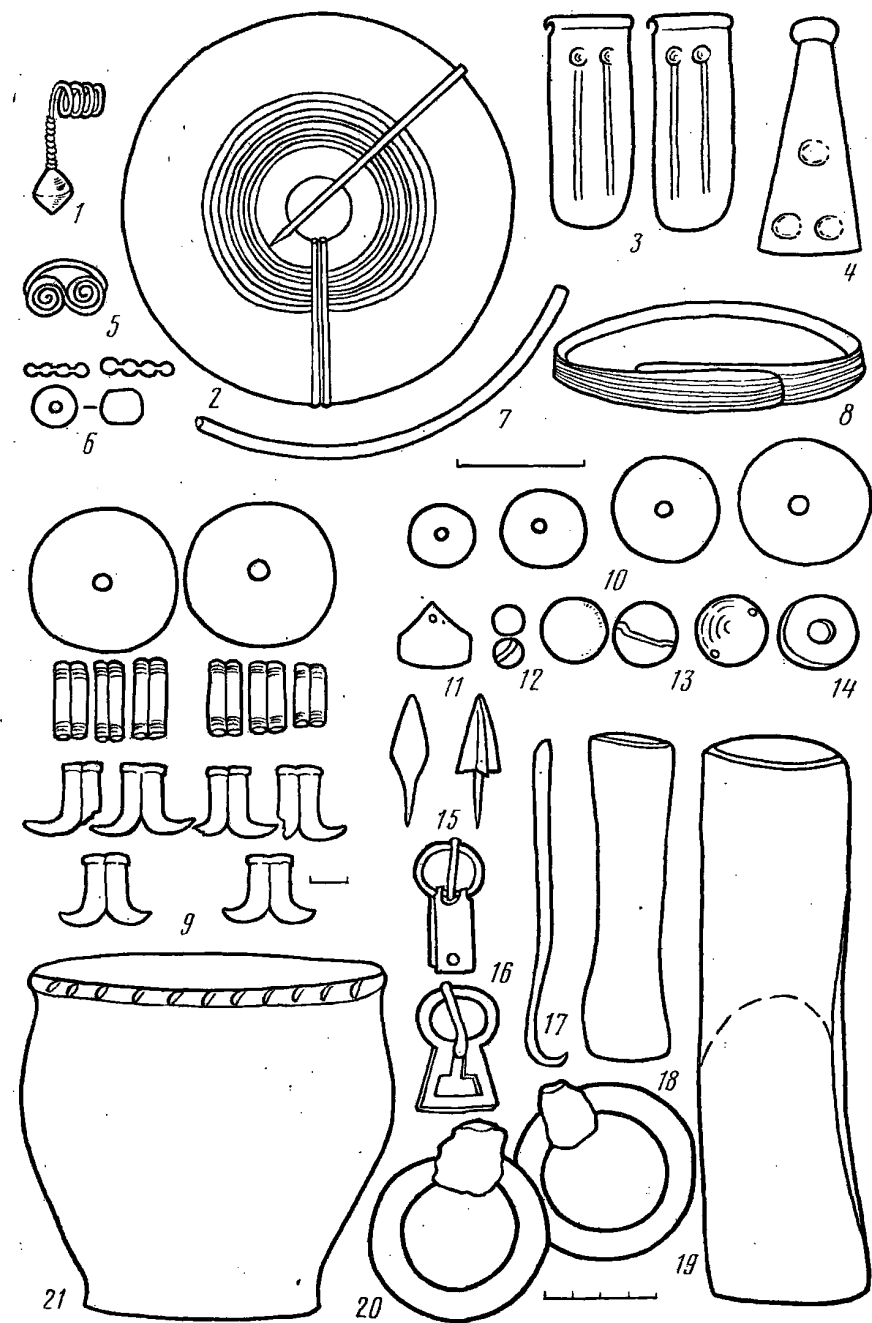

Рис. 1. Вещи из Шемышейского могильника

1 — височная подвеса;	7 — фрагмент гривны;	16 — пряжки;
2 — бляха-накошник;	8 — браслет;	17 — ложкарь;
3 — пластинка венчика;	9 — кисть пояса;	18 — тесло;
4, 11 — подвески;	10, 12, 13 — бляшки;	19 — топор;
5 — перстень;	14 — мисловый кружок;	20 — удила;
6 — бусы;	15 — наконечники стрел;	21 — сосуд

7 найдено каменное орудие из гальки, очевидно отбойник (рис. 1, 15—20).

Почти все погребения содержали глиняные сосуды одной формы — горшки с отогнутым краем, часто орнаментированным рубчиками. Сосуды ставились в различных местах могил.

Шемышейский могильник — самый южный из памятников селиксенского типа; судя по вещам и вещевым комплексам, он относится к III—IV вв.³ Принадлежат эти могильники той ветви древних финно-угорских племен, которая явилась субстратом при формировании мордвы-мокши⁴.

³ М. Р. Полесских. Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий. «Вопросы финно-угроведения», вып. V, Йошкар-Ола, 1970, стр. 273—278.

⁴ М. Р. Полесских. Этногенез мордвы по данным новых археологических памятников. «Congressus internationalis fenno-ugristarum. Thesen 2, Tallinn, 1970, стр. 21.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ПОСЕЛЕНИЕ ВОРОБЬЕВКА 2
В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Поселение Воробьевка, находящееся в Золотухинском районе Курской области, представляет интерес как наиболее северный черняховский памятник и, пожалуй, самое восточное селище типа Колочин—Тушемля—Акатово. Памятник расположен к северо-востоку от Курска, при слиянии речек Сновы и Моркости, принадлежащих бассейну Сейма. Достаточно мощный культурный слой (0,6—0,8 м) содержит напластования поздне-римского и раннесредневекового времени, материалы роменские и эпохи Киевской Руси. Раскопками 1970 г. были возобновлены исследования раннеславянских селищ в Посеймье, начатые несколько лет назад А. Е. Алиховой в д. Авдееве, возле устья р. Рагозны¹.

Поселение Воробьевка 2 открыто Ю. А. Липкингом и помечено на составленной им карте археологических памятников Курской области². В 1968 г. поселение шурфовали С. С. Ширинский и А. В. Куза³. В работах 1970 г. приняли участие Ю. А. Липкинг и студенты Курского педагогического института. Заложено 10 шурфов и два раскопа⁴. Общая вскрытая площадь составила примерно 400 кв. м.

Протяженность селища вдоль берега с северо-запада на юго-восток около 150 м, его ширина 50—60 м. Отдельные находки встречаются северо-восточнее селища на приусадебных участках с. Воробьевки. Основная часть поселения не распахивается. В юго-восточной части памятника культурный слой разрушен при строительстве водяной мельницы.

Характер напластований на селище следующий: под дерном лежит зольно-черный подзолистый слой, который на глубине около 0,6 м переходит в коричневатый предматериковый слой, а на глубине 0,7—0,8 м находится материковая глина светло-желтого цвета.

Стратиграфически слой не расчленим, поскольку никаких стерильных прослоек, отделяющих отложения одной эпохи от другой, нет, и можно думать, что жизнь на поселении протекала без существенных перерывов. Наибольшая концентрация находок установлена в некотором отделении от обрыва берега Сновы, на раскопах I и II и в шурфах 1—6, 8. В раскопе I, вытянутом в направлении восток—запад на 24 м (перпендикулярно берегу реки), из общего количества 1224 обломков керамики наибольшая густота наблюдалась в пределах восточного участка. Подобная картина прослежена и в раскопе II (1453 обломка керамики), расположенном неподалеку от первого и вытянутом в меридианальном направлении.

¹ А. Е. Алихова. Авдеевское селище. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 106—112; она же. Авдеевское селище и могильник. МИА, № 108, 1963, стр. 68—84.

² Ю. А. Липкинг. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, карта.

³ С. С. Ширинский. Разведки в Курской области. АО 1968. М., 1969, стр. 68.

⁴ Краткие сведения об этих исследованиях см.: АО 1970. М., 1971, стр. 70—72.

Во всех горизонтах культурного слоя превалирует лепная посуда. Она составляла от 70 до 90% всей керамики, в среднем около 75—85% (исключением является первый пласт раскопа II). Ее мелкие, а иногда и крупные обломки из-за однородного характера теста трудно распределить по эпохам. Серая грубоглиняная гончарная посуда относится к черняховской эпохе и культуре Киевской Руси. Ее больше всего в верхних двух пластах, где эта керамика составляет от 20 до 25% (кроме первого пласта раскопа II, где ее оказалось 45%). Гончарная сероглиняная лощеная посуда, свойственная исключительно черняховской культуре, представлена ничтожно малым количеством находок. Процент этой посуды несколько возрастает в нижних пластах, достигая на глубине 0,4—0,8 м 4,5—6%. Обломки позднеантичных рифленых амфор столь малы и редки, что даже в раскопе I, где они встречаются чаще, эта керамика составляет 2,5% (в пласте на глубине 0,6—0,8 м). В раскопе I на долю этой посуды приходится всего около 1—2%. Более детальное распределение разнотипных керамических фрагментов по раскопам и пластам дано на табл. 1.

Таблица 1
Распределение керамических обломков по пластам

Раскоп	Пласт	Типы керамики							
		лепная		грубая гончарная		лощенная гончарная		амфоры	
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
I	1	185	76	52	21	2	1	5	2
	2	425	77	112	20	12	2	6	1
	3	246	84	28	9	17	6	2	1
	4	110	83	13	10	6	4,5	3 (?)	2,5
	Всего	996	80	205	17	37	2	16	1
II	1	237	53,5	200	45	6	1,5	—	—
	2	579	70	216	26	34	4	1	—
	3	70	91	2	3	5	6	—	—
	4	81	79	15	14	6	6	1	1
	Всего	967	66,5	433	30	51	3,5	2	—

Раскопками выявлены две землянки, 38 ям, шесть очагов вне построек, развал глиняной обмазки и канава, пересекающая большую часть раскопа II (рис. 1).

К черняховской эпохе принадлежат четыре ямы (12, 14, 34 и 38) и очаг в квадрате 19. Под обожженной глиной хорошо сохранившегося очага (его размеры 1 × 0,8 м) залежали обломки лепной и гончарной посуды (рис. 2, 1—5; 3, 8, 9). Фрагменты лепной керамики из глины с примесью шамота имели шероховатую поверхность и принадлежали не менее чем трем сосудам (рис. 3, 8—10). Гончарный горшок сохранил профиль на большую часть своей высоты. Он сделан из глины с небольшой примесью песка, имел шероховатую поверхность, две параллельные врезные линии по плечикам и щербины в нижней части, типичные для черняховской кухонной керамики (рис. 2, 1).

К раннесредневековому времени относится землянка 1. Это почти квадратное в плане сооружение (3,8 × 3,4 м) с треугольным выступом для входа. Ориентирована постройка строго по сторонам света. Пол ровный, отделенный ступенькой от выступа входа, обращенного на запад, в сторону реки. Землянка была впущена в материк приблизительно на 0,35 м (рис. 1). По диагонали ее пересекала канава эпохи Киевской Руси.

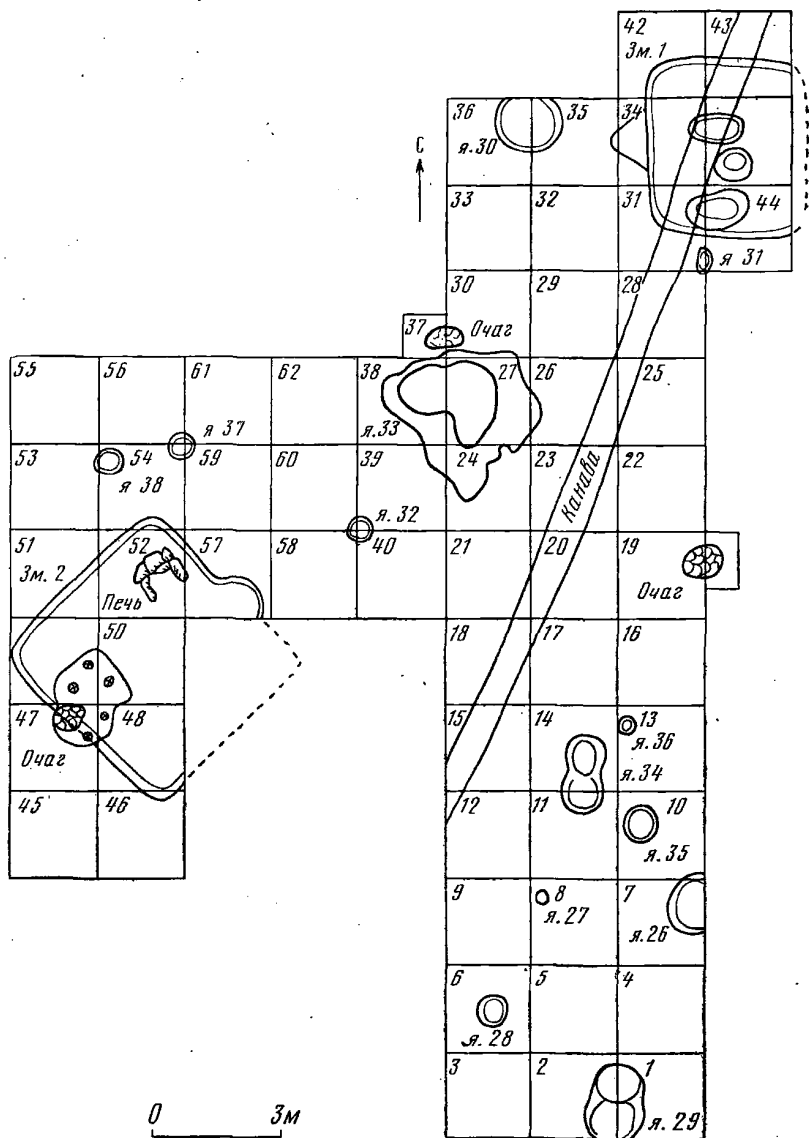

Рис. 1. План раскопа II (заштрихован развал обмазки; я — яма; зм — землянка)

В земляном утрамбованном полу землянки почти точно в центре находилась столбовая яма, заполненная черным углистым слоем. Севернее ее располагалась овальная предочажная яма, а восточнее — очажное углубление. Постройка обнаруживает большое сходство с полуземлянкой, открытой за валами Колочинского городища. Последняя также имела центральный опорный столб, несущий перекрытие, квадратную форму и очаг в центре⁵. По устройству и плану к этим землянкам близко и жилище поселения Левкин Бугор.

⁵ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 118, рис. 16.

Рис. 2. Поселение Воробьевка 2.
Гончарная и лепная керамика,
собранная под очагом черняховского времени

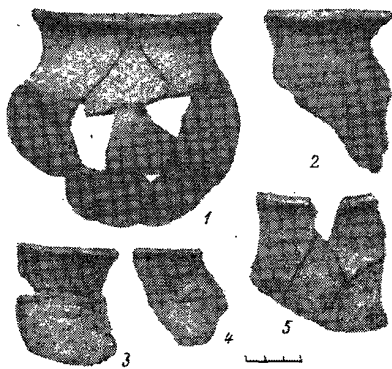
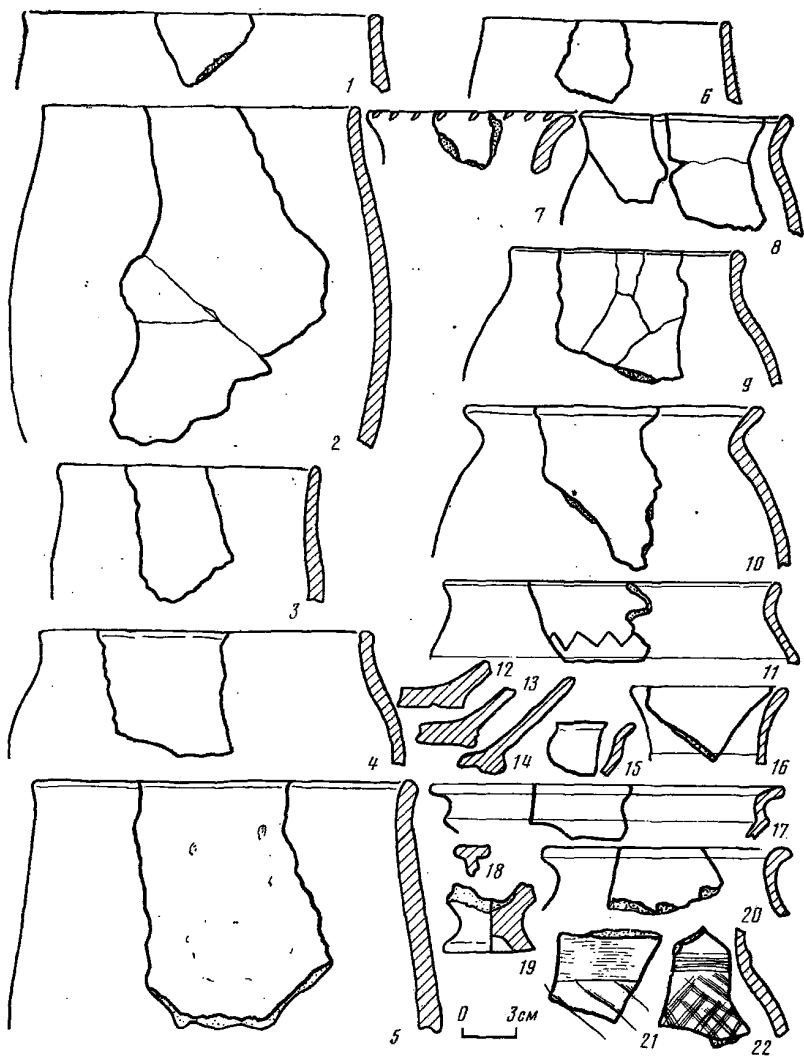

Рис. 3. Керамика черняховского
и раннесредневекового времени
из поселения Воробьевка 2

В заполнении исследованной землянки найдена лепная керамика желтоватого цвета с шамотом и песком. Кроме цилиндрических днищ с закраиной от заглаживания обработки нижней части сосуда вертикальными движениями встречены массивные днища со сглаженной гранью в месте перехода стенки в дно сосуда. Форма сосудов — баночные горшки с более или менее заметным отгибом венчиков (рис. 3, 1, 6, 7). Только один фрагмент принадлежал стенке сероглиняного сосуда, сделанного на круге и покрытого лощением. Возможно, что он попал в землянку случайно. Вместе с тем нужно отметить, что сочетание лепной керамики с гончарными обломками зафиксировано Ю. А. Липкиным при раскопках ранне-средневековых памятников под Курском⁶, а гончарная сероглиняная миска найдена при раскопках Демидовки Е. А. Шмидтом⁷.

Более выразительные керамические материалы с поселения Воробьевка 2 получены из ямы 30 и очага в квадратах 30 и 37. В первом случае на дне ямы среди обломков обожженной обмазки обнаружены фрагменты верхней половины горшка, так же как в землянке 1 желтоватого цвета, с примесью шамота, с бугристой шероховатой поверхностью (рис. 3, 5). Еще более яркие материалы оказались вмазанными в под очага. Последний был частично уничтожен в эпоху Киевской Руси. В сохранившейся части очага под слоем глиняной обмазки сплошь залегали черепки лепной посуды. Большую часть профиля одного из горшков удалось восстановить. Сосуд был изготовлен из глины с шамотом, цвет серый, поверхность шероховатая со следами заглаживания пальцами (рис. 3, 2). Возле очага найдены железный нож и стерженек. Однако эти находки, как и некоторые другие, могут принадлежать и к эпохе средневековья.

Землянка 2 относится к роменскому периоду. Это было большое углубленное в землю жилище, квадратное в плане (5 × 4,85 м), с полукруглым выступом на месте входа. Ровный утрамбованный пол постройки залегал на глубине 1,15 м от современной дневной поверхности. В материк нижняя часть постройки была впущена на 0,3—0,35 м. Ориентировка жилища северо-запад—юго-восток. Северо-восточный угол строения вскрыт не был, а юго-западную стенку его перекрывал очаг эпохи Киевской Руси (рис. 1). Столбовых ям в полу не обнаружено. В северном углу землянки, близ входа, находилась печь из крупных камней. По-видимому, это первая печь-каменка в пределах Курского Посеймья. Печь в форме подковы имела размеры 0,9 × 0,6 м. Большие камни были подперты меньшими. Устье печи имело ширину около 0,3 м. Под находился на уровне пола жилища и был сильно прожжен. В заполнении котлована постройки обнаружены фрагменты лепной керамики роменского типа. Один из них обращен по краю насечками, другой пальцевыми вдавлениями.

Ко времени X—XI вв. относятся древнерусская керамика и шиферное пряслице из заполнения ямы 32 (рис. 4, 40).

При раскопках найдены изделия из железа, бронзы, кости и глины. Имеются ножи, пробойники, стерженьки и пр. (рис. 4, 18—20). Выделяется находка пружинных железных ножниц (рис. 4, 23). Длина их немногим более 20 см (кончики обломаны). Они скорее всего могут быть связаны с черняховским слоем, поскольку в позднеримский период подобные изделия в лесостепи встречены неоднократно (Кринички, Малаешты и пр.). К этому времени, вероятно, относятся обломки серпов с шипами для прикрепления рукоятей (рис. 4, 9, 10). Подобные орудия труда встречены в Журавке, Острове и других местах. Может быть, и язычок от большой

⁶ Ю. А. Липкин. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском. АО 1968. М., 1969, стр. 62.

⁷ Е. А. Шмидт. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 68, 69, рис. 3, 27. При указании аналогий этому сосуду автору не обязательно было искать их «в бассейне Дуная». Проще было обратиться к материалам черняховской культуры.

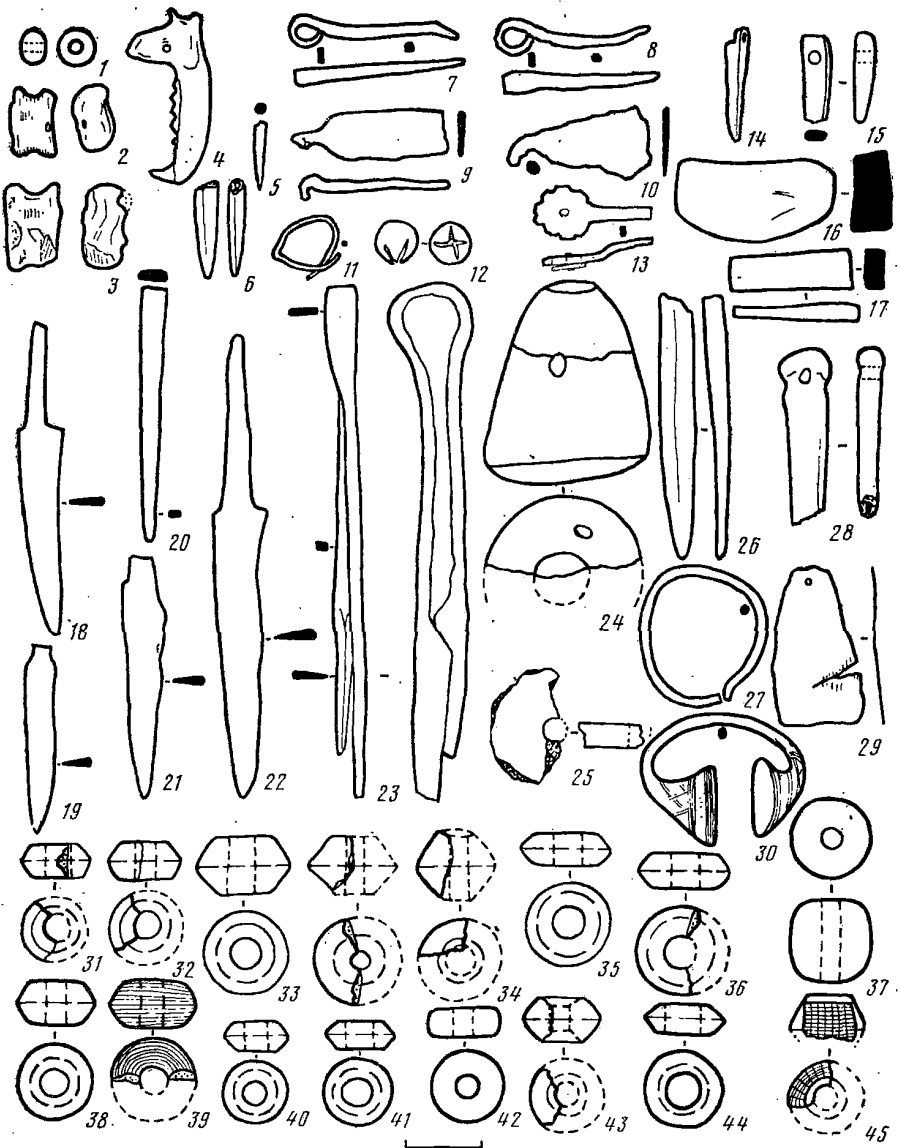

Рис. 4. Вещевые находки из поселения Воробьевка 2

1 — стекло; 2-6, 26, 28 — кость; 7-10, 13, 18-23 — железо; 11, 12, 27, 29, 30 — бронза; 14-17, 40 — камень; 24, 25, 31-39, 41-45 — глина

пряжки (рис. 4, 7), подобный находке в Маркушах, принадлежит к черняховскому слою. К раннесредневековому периоду относится важная для датировки находка бронзового с расширяющимися орнаментированными концами браслета балтийского типа (рис. 3, 30). В некоторых публикациях сходные предметы рассматриваются в разделах, посвященных V-VIII вв.⁸ Не исключено, что к тому же времени относится большая

⁸ P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 345, рис. 248.

бронзовая трапециевидная бляшка из ямы 20, найденная вместе с амулетом-подвеской из челюсти выдры (рис. 4, 4, 29). Однако в заполнении этой ямы встречено семь черепков обломков гончарной керамики, что необычно для слоя третьей четверти I тысячелетия н. э. Может быть, и бронзовый бубенчик с обломанным ушком (рис. 4, 12) также принадлежит к этому периоду. Он имеет аналогии в Прибалтике и Поднепровье⁹. Обломки проколов из кости (рис. 4, 5, 6, 26, 28), просверленные астрагалы (рис. 4, 2, 3), точильные бруски из песочника (рис. 4, 31—39, 41—45) трудно отнести к какой-нибудь определенной эпохе. Только коническое глиняное грузило (сохранилась его половина) определенно принадлежит черняховской эпохе (рис. 4, 24). Следует обратить внимание на несколько находок днщ гончарных сосудов с клеймами, рельефно выступающими на поверхности. Их примитивный характер, по-видимому, может служить подтверждением существования селища в X—XI вв.¹⁰

Подытоживая характерные признаки ранних слоев поселения, можно заметить определенную специфичность черняховских и раннесредневековых материалов поселения Воробьевка 2. Прежде всего, черняховский слой характеризуется малым количеством обломков гончарной посуды. Совершенно ничтожен процент столовой лощеной посуды и почти не представлены орнаментированные фрагменты. Один черепок с грубо выполненными косыми каннелюрами на тулове (рис. 3, 21), обломок миски с пролощенным зигзагом (рис. 3, 11) и фрагмент сосуда, покрытого узором из лощеных пересекающихся линий (рис. 3, 22), составляют всю группу орнаментированной черняховской посуды. Полностью отсутствуют фрагменты лепной керамики с поверхностью, преднамеренно ошершавленной, с беспорядочно насеченными вертикальными линиями и со сплошным покрытием поверхности сосудов пальцевыми вдавлениями. Лепная лощеная посуда, которая характерна для черняховских памятников лесостепной Украины, также здесь не была распространена.

Свои особенности имеет и раннесредневековая посуда Воробьевки 2. Если колочинские горшки и сосуды из Левкина Бугра в Подесенье характеризуются примесью песка в тесте, то в Воробьевке 2, как и в Форостовичах, керамика содержит преимущественно примесь шамота. Горшок из землянки 1 Воробьевского поселения был орнаментирован по краю насечками и пальцевыми вдавлениями (рис. 3, 7). Такая орнаментация известна в керамике Форостовичей, а в Колочине и Левкине Бугре ее нет¹¹. Далеко идущие культурно-хронологические выводы из этого делать преждевременно, но наблюдения подобного рода следует накапливать, поскольку изучение раннесредневековых материалов в лесной зоне только начато.

О хозяйственной деятельности жителей поселения можно судить по отпечаткам зерен и соломы на глиняной обмазке и керамике, но виды злаков по ним пока не определены. Сбор костей животных производился по пластам. Всего в раскопе I собрано 425 обломков костей животных, а в раскопе II — 500 обломков, в том числе определимых соответственно 160 и 170 костей. Определения костных остатков произведены В. П. Данильченко. Полученные результаты показаны на табл. 2¹².

⁹ P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicus. Указ. соч., стр. 347, рис. 254; Г. Ф. Соловьева. Памятники конца I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 100, 101, рис. 3, 1 (изображен бубенчик, возможно связанный с позднейшими погребениями в курганах у с. Прудки).

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 178, 179.

¹¹ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине, стр. 128, 129; он же. Поселения VI—VII вв. н. э. на Черниговщине. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 65; он же. Два раннесредневековых поселения на Черниговщине. «Слов'яноруські старожитності». Київ, 1969, стр. 88—91.

¹² Сокращения в таблице: кр. — крупный рогатый скот; лош. — лошадь; мелк. — мелкий рогатый скот; сви. — свинья. В числителе — число костей, в знаменателе — число особей.

Таблица 2

Результаты определения костей животных из раскопок поселения Воробьевка 2

Глубина, м	Раскоп I	Раскоп II	Землянка I
0—0,20	Кр. 6/1; лош. 1/1; мелк. 3/1, свин. 4/1; бобр 4/1	Кр. 11/1; лош. 1/1; лош. 3/1; свин. 2/1; лось 3/1; мелк. 1/1; бобр 3/1	Лош. 3/1; мелк. 1/1
0,20—0,40	Кр. 14/2; лош. 8/1; мелк. 4/2; свин. 11/2; кабан 3/1; лось 5/1; бобр 5/1	Кр. 45/2; лош. 15/2; мелк. 4/1; свин. 8/2; лось 6/1; бобр 9/1	
0,40—0,60	Кр. 22/3; лош. 13/2; мелк. 3/1; свин. 5/2; неизв. 4/1	Кр. 14/1; лош. 12/1; мелк. 2/1; свин. 9/2; кабан 2/1; лось 5/1; бобр 10/2	
0,60—0,80	Кр. 14/1; лош. 9/1; свин. 3/1; бобр 12/1; сурок 1/1	Кр. 9/2; лош. 6/1; свин. 2/1; кабан 1/1; лисица 7/1; бобр 4/1	

Материал из ям, обычно в Воробьевке 2 бедных по заполнению, дал нижеследующие результаты:

яма 20: лось 2/1, бобр 7/1,

яма 34: мелк. 3/1, свин. 2/1, лось 2/1.

Кроме того, в одном из шурфов найден клык медведя.

Таким образом, в результате работ в Воробьевке 2 расширились представления о памятниках I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье. Число пунктов, где раннесредневековые наслоения подстилает черняховский слой, постепенно увеличивается.

Ю. А. КРАСНОВ

БЕЗВОДНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

(по материалам раскопок 1971 г.)

В прилегающем к Волге районе от устья Оки до устья Ветлуги погребальные памятники I тысячелетия н. э. до недавнего времени известны не были. По сообщениям летописей, у слияния Волги и Оки, находился стык племенных границ трех финно-угорских племен — муромы, мордвы и мари (черемис)¹. По-видимому, такое положение существовало задолго до создания «Повести временных лет». Поэтому в археологическом отношении рассматриваемый район представляет значительный интерес. В 1970 г. сотрудниками Чебоксарской экспедиции ИА АН СССР здесь был открыт, а в 1971 г. исследовался Безводнинский могильник².

Могильник располагается в 400 м от берега Волги, на склоне правого коренного берега р. Кудьмы, в 3 км к юго-востоку от с. Безводное Кстовского района Горьковской области. На площади свыше 1150 кв. м было изучено 102 погребения, среди которых труположения, трупосожжения, так называемые вторичные захоронения и погребения коней. Все исследованные могилы — грунтовые, в большинстве прямоугольной формы со скругленными углами. 20 могил имели вытянутую овальную форму, 2 с сожжениями — округлую. У границ 7 могильных ям обнаружены следы столбов, которые могли быть остатками оград или памятных столбов над могилами. Большинство могил ориентировано в направлении ССЗ—ЮЮВ (68 случаев из 98 могил, ориентировка которых точно установлена), 29 могил — в направлении С—Ю, 7 — в направлении СЗ—ЮВ, по одной — в направлении СВ—ЮЗ и З—В. Большинство могил располагалось более или менее правильными рядами, протянувшимися в направлении СВ—ЮЗ, часть находилась вне рядов, иногда образуя обособленные группы. В одних и тех же рядах зафиксированы погребения, совершенные по различным обрядам. Длина могил с труположениями взрослых колебалась в пределах 2—3 м, значительно превышая рост погребенных, средняя глубина составляла 0,8—1 м. Существенных различий в размерах мужских и женских могил не наблюдалось. Погребения с сожжениями обычно помещались в таких же могильных ямах. Детские могилы были значительно меньших размеров. Могилы с вторичными захоронениями в большинстве случаев сопоставимы по длине с самыми крупными могилами с труположениями, но были в среднем несколько шире и глубже.

Могил с труположениями исследовано 51. Из них мужскими оказа-

¹ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 2, 5.

² Раскопки велись 1-м Горьковским отрядом под руководством автора и Г. Ф. Никитиной. В раскопках принимали участие А. Н. Гертман, И. А. Кирьянов, В. Ф. Черников и студенты Горьковского пединститута.

лось 14, женскими — 15 (рис. 1, А), детскими — 22. В засыпи встречались угольки, довольно часто — отдельные фрагменты керамики. В трех случаях наблюдалось обжигание дна и стенок могильной ямы перед захоронением по обряду труположения, причем остатки развопившегося в могиле костра частично выбрасывались, частично оставались на месте (рис. 1, В). Встречено пять коллективных захоронений: трех мужчин-воинов с оружием (погр. 16), семи мужчин (погр. 35), женщины с двумя девочками (погр. 87), женщины и ребенка (погр. 53а), мужчины-воина с оружием и конем и женщины, погребенной по обряду трупосожжения (погр. 54/55). Прах ее был положен в ногах мужского костяка (рис. 1, Б). Среди труположений решительно преобладала северо-северо-западная, северная и северо-западная ориентировка. Только в одном женском погребении умершая была положена головой на запад. Обычное положение костяков — вытянуто на спине, черепа лицевой частью обращены вверх, реже — на запад, еще реже — на восток. Руки согнуты в локтях и положены кистями в области таза, на поясе, в единичных случаях — на груди, у шеи. Зафиксировано обертывание трупов в рогожку и грубую ткань, перекрывание погребенных лубом и берестой, подстилка из луба под погребения.

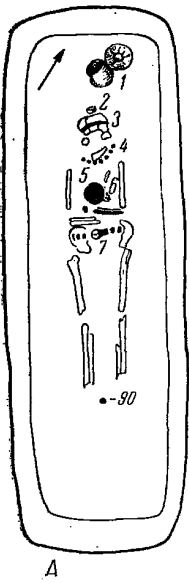
Из 16 могил с трупосожжениями 7 оказались мужскими (рис. 1, Д), 2 — женскими, 1 — детской. Пол и возраст 6 погребенных определить не удалось. Все трупосожжения совершались на стороне. Кальцинированные кости переносились на место захоронения вместе с углем и золой погребального костра. Примерно в половине могил кальцинированных костей оказалось очень мало. Очевидно, в этих случаях в землю помещалась лишь небольшая часть праха, и погребения носили в известной мере символический характер. Остатки сожжений складывались на дно могилы в одну, реже — в две компактные кучки, иногда рассыпались по дну могилы или помещались рассредоточенно в засыпи и на дне ее.

К группе вторичных захоронений, которых исследовано 14, относятся могилы, где останки погребенных были представлены неполным набором костей скелета, лежавших без анатомического порядка на дне и в нижней части засыпи могильной ямы. Такое положение могло получиться только в том случае, если первоначально умерший был захоронен в ином месте, скорее всего — на открытом воздухе, и лишь через значительный промежуток времени, когда ткани тела полностью истлевали, а кости могли быть частично растащены зверями и птицами, останки умершего переносились в грунтовую могилу. В трех из таких могил обнаружены только черепа, причем всегда без нижней челюсти, в трех погребениях кости лежали компактной кучкой (рис. 1, Г). 12 вторичных захоронений оказались мужскими и только 2 — женским и детским. Эта весьма интересная и своеобразная категория погребений sporadически встречается в памятниках Среднего Поволжья и Прикамья различных эпох. На волосовской стоянке Володары в 1971 г. было открыто перезахоронение 12 человек взрослых и детей. Кости неполных скелетов лежали здесь компактно в нескольких слоях в одной могильной яме сравнительно небольших размеров³. Вторичные захоронения известны в курганах эпохи бронзы у сел Хрящевка и Тарновка на севере Куйбышевской области⁴, на юге Чувашии у с. Байбатырева⁵ — в районах контакта срубных племен с местными финно-угорскими племенами. Особенности вторичных захоронений можно видеть

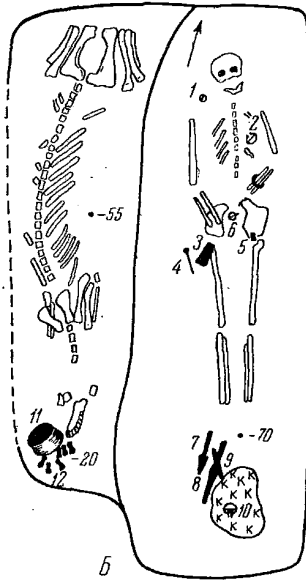
³ Раскопки 2-го Горьковского отряда Чебоксарской экспедиции под руководством И. К. Цветковой.

⁴ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Поволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 100—103, 142, 143.

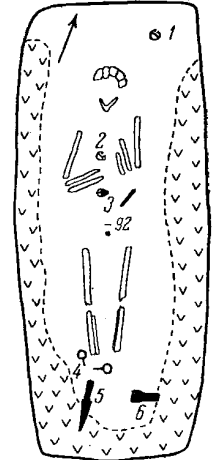
⁵ П. Н. Третьяков. Памятники древней истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 40, 41.

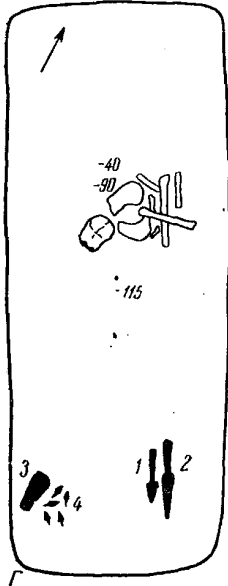
A

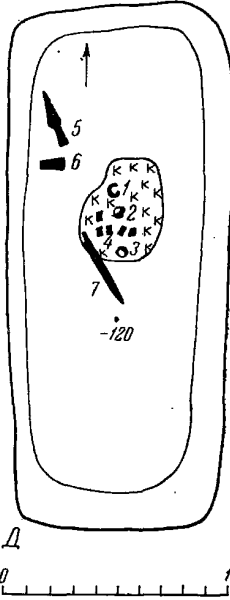
B

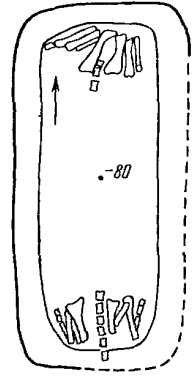
B

Г

Д

E

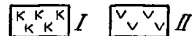
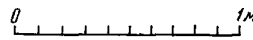

Рис. 1. Типы погребений Безводнинского могильника

I — кальцинированные кости;
II — уголь. Глубины указаны от поверхности.

A — женское труположение (погр. 85);

1 — глиняные сосуды;

2, 6 — сьюльгамы;

3 — головной венчик;

4 — бусы;

5 — нагрудная бляха;

7 — пояс;

B — мужское труположение с женским сожжением и захоронением коня (погр. 54/55);

1 — бронзовая сьюльгама;

2 — железная сьюльгама;

3 — топор-кельт;

4 — булавообразный предмет;

5 — кресало, кремь, фитильная трубочка;

6 — бронзовая поясная пряжка;

7 — наконечник дротика;

8 — наконечник копья;

9 — нож;

10 — сьюльгама с длинными «усами»;

11 — глиняный сосуд;

12 — серебряные подвески.

V — мужское труположение (погр. 79);

1—2 — сьюльгамы;

3 — поясная пряжка;

4 — удила;

5 — наконечник копья;

6 — кельт.

Г — мужское вторичное захоронение (погр. 93);

1 — наконечник дротика;

2 — наконечник коня;

3 — кельт;

4 — наконечники стрел.

Д — мужское трупосожжение (погр. 21);

1 — браслет;

2, 3 — поясные пряжки;

4 — накладки пояса;

5 — наконечник копья;

6 — кельт;

7 — кинжал.

E — конское захоронение (погр. 82)

в некоторых погребениях Ананьинского⁶ и Гулькинского⁷ могильников. Захоронения отдельных черепов и неполных расчлененных костяков встречались при раскопках Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников в Марийском Поволжье⁸. В более позднее время вторичные захоронения зафиксированы в ранних Пензенских⁹, Малышевском¹⁰, Ивановском¹¹ могильниках, а также среди погребений могильника на Бабьем бугре в Болгарах¹². Прямые и косвенные сведения о вторичных захоронениях имеются и в этнографии. По сообщению П. Н. Третьякова, в некоторых мордовских деревнях Саратовской области зимой мертвых не хоронили в землю, а относили на «гору плача», где подвешивали на сучья березы. С наступлением весны их останки зарывали в землю¹³. О поверхностных захоронениях имеются данные в мордовском фольклоре¹⁴.

Таким образом, в 85 могилах, с учетом коллективных погребений, были захоронены 41 мужчина, 19 женщин, 28 детей и подростков. Пол и возраст 11 погребенных установить не удалось. Обращает на себя внимание большое количество среди погребенных детей и подростков, свидетельствующие о высокой детской смертности, и малое количество женщин по сравнению с мужчинами. Однако какие-либо выводы демографического порядка до полного исследования могильника делать преждевременно.

В 7 случаях погребенные сопровождалась скелетами коней (одно труположение, одно трупосожжение, пять вторичных захоронений, из которых одно женское), лежавшими всегда головой в южном направлении, причем в большинстве случаев так, что череп находился значительно выше дна могильной ямы, почти на уровне древней почвы (рис. 1, Б). В трех случаях в могилах или в особой камере, примыкавшей к ней, были положены кости задних и передних конечностей лошади, лежавшие в анатомическом порядке, и череп, положенный рядом с костями или в верхней части засыпи (два труположения, мужское и женское, и одно вторичное захоронение мужчины). В засыпи могил двух мужских вторичных захоронений обнаружены отдельные кости и зубы лошади.

В 17 могилах встречены самостоятельные конские захоронения, которые могут быть разделены на две группы. К первой относятся 5 могил, в которых были найдены целые костяки. Туши лошадей клались в могилы на живот, с подогнутыми ногами, иногда оказывались несколько завалившимися на бок. Головы лошадей всегда были значительно выше дна могилы, примерно на уровне древней поверхности. Все погребения были ориентированы головой в южном направлении, как и скелеты лошадей, сопровождавшие человеческие захоронения. Ко второй группе относятся 12 погребений, в которых были захоронены задняя и передняя части туши лошади с головой. Кроме редких случаев, когда могилы были потревожены старыми промоинами, эти кости лежали в анатомическом порядке с сохранением того положения, которое фиксируется для конских захоронений первой группы (рис. 1, Е). Среди конских могил были и коллективные. В погребении 17 найдены кости задних и передних конечностей трех лошадей, в погребении 23 — полные скелеты двух лошадей. 16 из 17 конских захоронений были расположены тремя компакт-

⁶ П. А. Пономарев. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. Ананьинский могильник. ИОАИЭ, т. X, вып. 4, 1892, стр. 405—436.

⁷ А. В. Збруева. Гулькинский могильник. МИА, № 42, 1954, стр. 255.

⁸ Раскопки 1-го и 2-го Марийского отрядов Чебоксарской экспедиции в 1969 и 1971 гг. М. Р. Полесских. Новый памятник древнейшей мордвы. АО 1968. М., 1969, стр. 158.

¹⁰ А. Ф. Дубынин. Малышевский могильник. КСИИМК, вып. XXVII, 1954, стр. 91.

¹¹ Раскопки 2-го Чувашского отряда Чебоксарской экспедиции в 1969—1971 гг.

¹² А. М. Ефимова. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары. МИА, № 80, 1960, стр. 192, 193.

¹³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 41.

¹⁴ И. Н. Смирнов. Мордва. ИОАИЭ, т. XI, вып. 6, 1894, стр. 539, 540.

ными группами. Часто кости лошадей принадлежали молодым особям. В засыпи конского погребения 64 найдены удила и железная пряжка, вероятно от сбруи, остальные погребения этого типа были безынварными. Конские захоронения скорее всего следует считать ритуальными, связанными с широко распространенным у финно-угорских народов культом коня.

На площади могильника зафиксировано около десятка бессистемно расположенных ямок преимущественно овальной и округлой формы диаметром 15—30 см и глубиной 20—30 см, заполненных углем и золой, в которых встречались мелкие необожженные кости животных. По-видимому, эти ямки следует связать с какими-то ритуальными действиями на территории могильника.

Вещевой материал, найденный в погребениях с труположениями, трупосождениями и вторичными захоронениями, по категориям и типам идентичен. Это свидетельствует о том, что все эти погребения были оставлены одной и той же этнической группой. Большая часть вещей принадлежит к деталям костюма и украшениям. В могилах с труположением эти предметы лежали в том порядке, в каком они носились. Редкие исключения составляют отдельные предметы женского наряда в мужских погребениях, клавшиеся у головы, у плеча или в засыпь могилы. Их можно рассматривать как посмертный дар вдовы умершего. При трупосождениях украшения и детали одежды всегда оказывались положенными без определенного порядка на кальцинированные кости, во вторичных захоронениях — в беспорядке разбросанными по дну могилы или в засыпи.

Предметы вооружения, характерные только для мужских погребений, встречены в 12 могилах (6 труположений, 4 трупосождения и 3 вторичных захоронения). Это железные втульчатые наконечники копий, по формам пера разделяющиеся на несколько разновидностей (рис. 2, 5—8), втульчатые наконечники дротиков с жаловидным острием (рис. 2, 2), наконечники стрел трехгранные с черешком (рис. 2, 10), плоские черешковые листовидные костяные той же формы, железные черешковые листовидные с выраженным упором для древка (рис. 2, 11). Найдены односторонний меч с прямым перекрестьем (рис. 2, 1) и односторонний кинжал длиной 46 см. Наконечники копий и дротиков в четырех случаях были положены попарно. Частой принадлежностью мужских могил были кельты, встреченные в 15 погребениях. Их можно разделить на две разновидности: относительно короткие (до 15 см), с втулкой, занимающей около половины длины орудия, почти прямые или со слегка оттянутым назад лезвием (рис. 2, 3) и удлиненных пропорций, длиной до 22—23 см, с втулкой, составляющей около $\frac{1}{3}$ общей длины орудия. У таких кельтов лезвие всегда округлое и значительно оттянуто назад. В большинстве случаев кельты найдены в погребениях с оружием. Удила встречены в 9 могилах: 7 мужских, 1 женской и 1 конской. Все они кольчатые двухсоставные (рис. 2, 4). В одном случае кольца оказались медными. В четырех случаях удила найдены в могилах с оружием и только в трех — в погребениях, сопровождавшихся целой тушей или частями туши коня. Кельты, наконечники копий, дротиков и стрел чаще всего были положены в северной части могильной ямы (в головах), реже — в южной (в ногах) или сбоку от останков погребенного, в двух случаях — в засыпи. Удила всегда лежали в южной части могилы. Меч был обнаружен в засыпи вторичного погребения 3, кинжал положен на остатках сожжения в погребении 21.

Из других орудий труда следует отметить ножи, встречавшиеся как в мужских, так и в женских погребениях. Обычное положение их — у пояса. Ножи из мужских могил отличаются более крупными размерами (рис. 2, 9), причем лежали иногда в ногах погребенного вместе с оружием. Возможно, это были специальные боевые ножи. В мужских погребениях

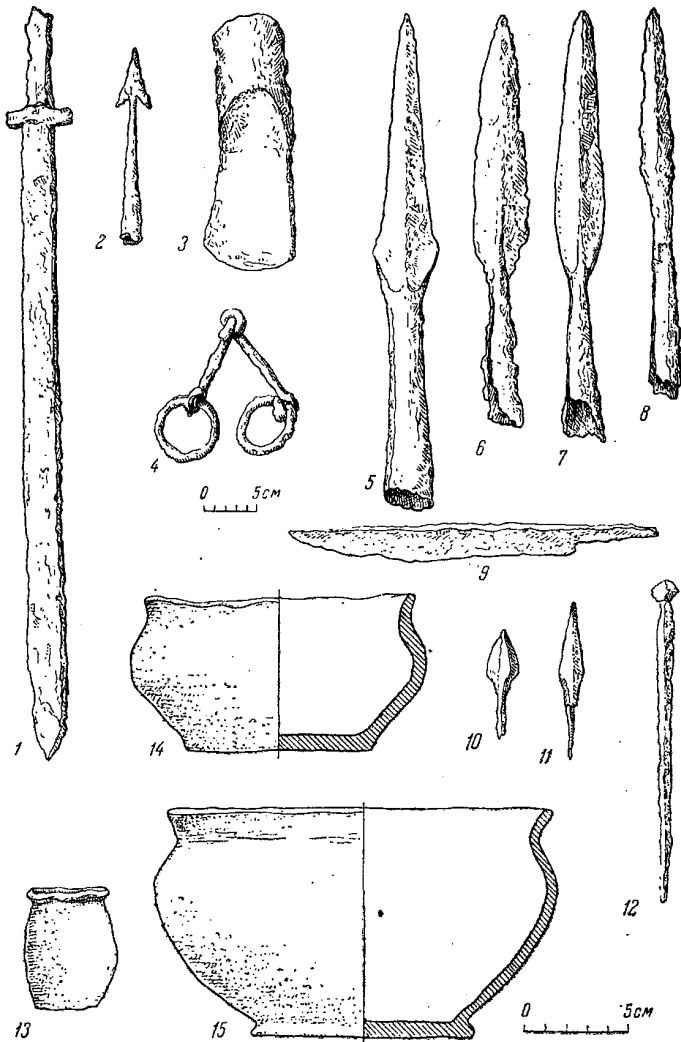

Рис. 2. Железные предметы и глиняная посуда из Безводнинского могильника
 1 — меч (погр. 3); 2 — наконечник дротика (погр. 3); 3 — кельт (погр. 79); 4 — удила (погр. 16); 5—8 —
 наконечники копий (погр. 54/55, 44, 15, 79); 9 — нож (погр. 54/55); 10, 11 — наконечники стрел (погр. 93 и
 найденная вне комплекса); 12 — булавкообразный предмет (погр. 54/55); 13 — миниатюрный сосудик
 (погр. 20); 14, 15 — горшки (погр. 31 и 2)

встречены также костяная проколка, кресала в виде согнутой в овальное кольцо железной пластины, фитильные трубочки, кремни. Последние зафиксированы и в женских погребениях. Они также находились обычно у пояса. В двух мужских погребениях встречены крупные булавкообразные предметы, назначение которых недостаточно ясно. Они были положены у пояса (рис. 2, 12). В трех женских погребениях найдены битрапцевидные глиняные пряслица, лежавшие в головах или у бедра, в двух — маленькие железные шильца.

Украшениями и металлическими деталями костюма богаче женские погребения. Здесь встречены головные венчики различных типов (рис. 3, 1—4), в двух погребениях — головные жгуты из туго свитых пучков шерстяных нитей, плотно обвитых сверху узкими кожаными ремешками,

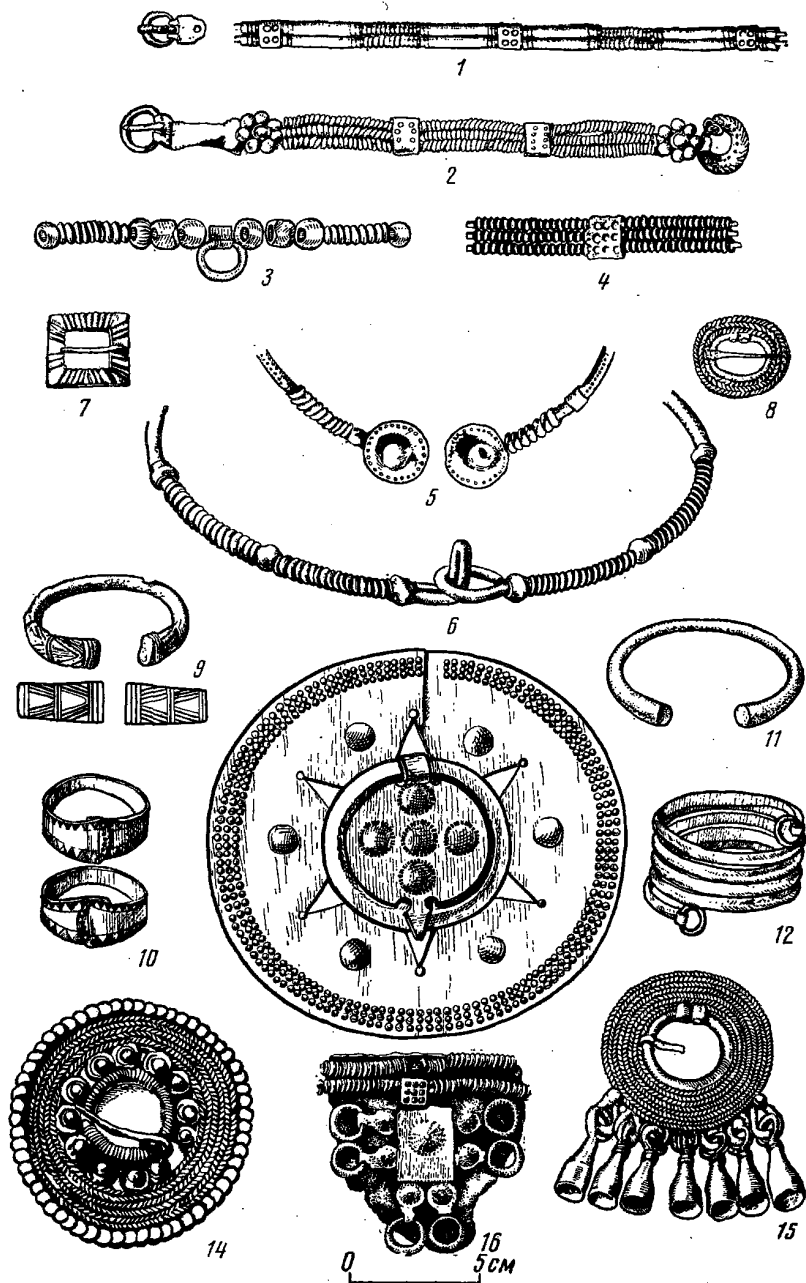

Рис. 3. Украшения и детали костюма из женских погребений Безводнинского могильника

1—4 — головные венчики (погр. 20, 87, 85, 31); 5, 6 — шейные гривны (погр. 87, 31); 7 — пряжка от нагрудного украшения (погр. 2); 8, 13—15 — нагрудные бляхи (погр. 11, 20, 85, 94); 9—12 — браслеты (погр. 2, 31, 21, 31); 16 — украшения обуви (погр. 31)

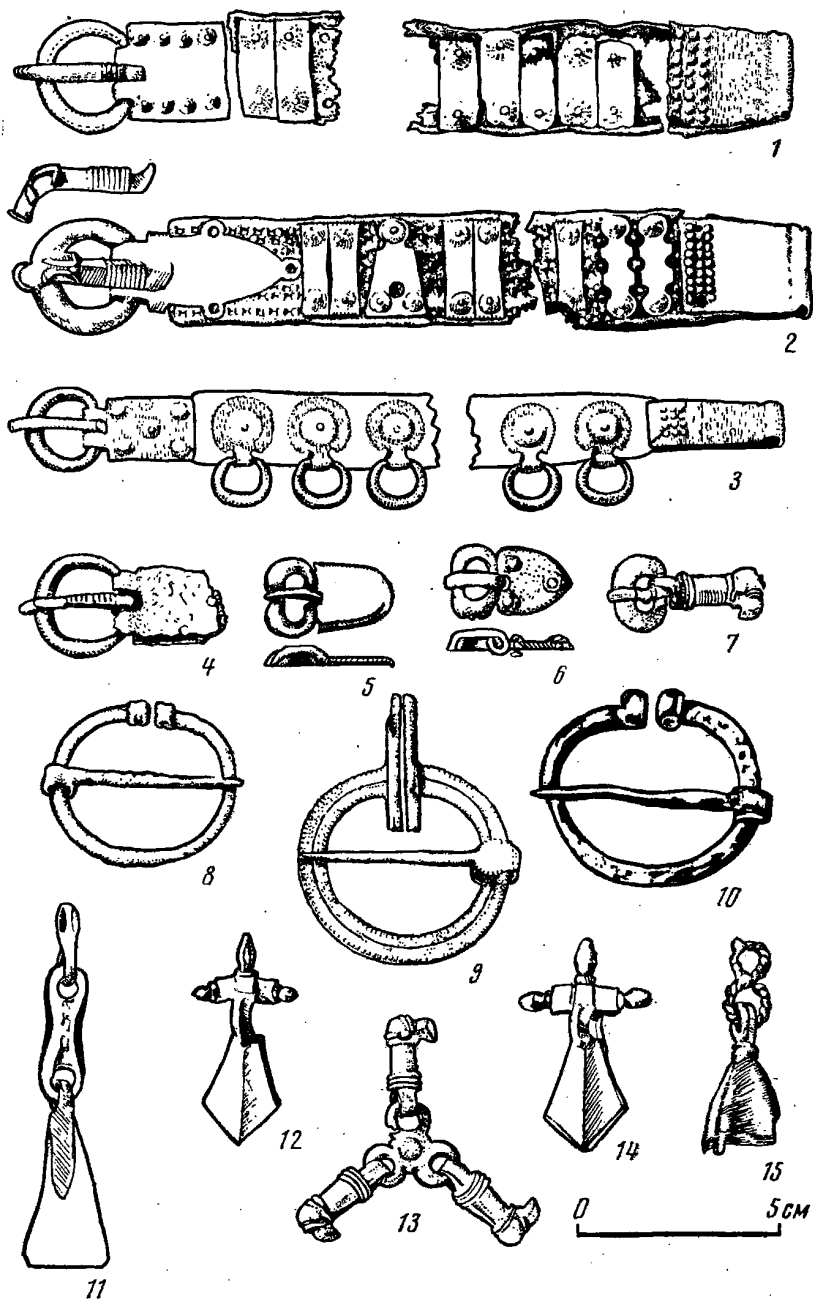

Рис. 4. Пояса и украшения из погребений Безводнинского могильника

1—3 — остатки поясов (погр. 14, 16, 97); 4—7 — поясные пряжки (погр. 34, 1, 3, 5); 8—10 — скольгамы (погр. 18, 48, 85); 11, 15 — подвески (погр. 54/55); 12, 14 — крестовидные фибулы (погр. 5, 4); 13 — украшения пояса или сбруи (погр. 5)

сплошь унизированными бронзовыми пронизками. Эти жгуты являлись составными частями, своеобразным внутренним каркасом сложных головных уборов, лицевая часть которых, сделанная из красной ткани, украшалась крестовидными фибулами, раковинами каури, бронзовыми спиральками и серебряными колечками. Все височные кольца принадлежали к одному типу простых браслетообразных, имели диаметр 6—8 см. В женских погребениях они встречались попарно, в мужских — по одному. Разнообразные бусы обычно использовались в ожерельях, но употреблялись также для украшения головных венчиков и косы. Разнообразны привески, применявшиеся в ожерельях вместе с бусами и для украшения кос. Среди них — массивные серебряные в виде четырехгранной пирамидки с шишечками на углах (рис. 4, 15), серебряные и бронзовые бутыльчатые, крупные трапециевидные (рис. 4, 11), пластинчатые подромбические и овальные, узкие конусовидные, коробчатые. Шейные гривны встречены в трех погребениях и принадлежат к трем различным типам: из круглого бронзового дрота с обмоткой и округлыми бляшками-коробочками на концах (рис. 3, 5), серебряная из круглого дрота с обмоткой, напускными бусами и замком в виде петли и крючка (рис. 3, 6) и серповидная из плоской бронзовой пластины с замком в виде двух крючков. Специфически женским украшением были нагрудные бляхи различных типов (рис. 3, 8, 13—15). Весьма многочисленны как в женских, так и в мужских погребениях застёжки-сюльгамы, различающиеся по размерам, форме сечения кольца и характеру его окончаний. Они служили прежде всего для застегивания ворота рубах, в женских погребениях, кроме того, входили в состав головных уборов и нагрудных украшений (рис. 4, 8, 9). Иногда ими застегивалась верхняя одежда (рис. 4, 10). Разновидностью крупных сюльгам являются так называемые бляхи с «крылатой иглой», употреблявшиеся, очевидно, в качестве нагрудных украшений. Трижды и только в мужских погребениях найдены крупные (до 10—12 см диаметром) железные сюльгамы с плоским кольцом и длинными «усами». В состав женских нагрудных украшений входили иногда массивные серебряные пряжки подквадратной формы (рис. 3, 7).

14 экземплярами из 7 погребений представлены серебряные крестовидные фибулы (рис. 4, 12, 14). Чаще они встречались в женских погребениях, где употреблялись как по своему прямому назначению, т. е. для застегивания одежды, так и для украшения головных уборов. Найдена также крупная серебряная двупластинчатая фибула. Как в мужских, так и в женских погребениях многочисленны браслеты. Среди округлых в сечении браслетов могут быть выделены браслеты с расширенными концами (рис. 3, 11), с простыми несомкнутыми концами, завернутые в полтора оборота и с концами, расквантованными в округлые лопасти. Особую группу составляют округлые и многогранные в сечении браслеты с гвоздевидными концами. Одним экземпляром представлен массивный серебряный браслет с полуовальными в сечении, несколько расширенными и орнаментированными концами (рис. 3, 9). Пластинчатые браслеты могут быть разделены на широкие и узкие, причем последние встречены только в мужских погребениях. Для обоих типов характерны расширяющиеся концы и довольно сложная орнаментация (рис. 3, 10). Спиральные браслеты — простые из круглого дрота и с кольцами на концах, изготовленные из дрота, полуовального в сечении (рис. 3, 12). В женских погребениях браслеты встречались обычно по нескольку штук, в мужских — всегда по одному. Найдены также спиральные перстни и простые колечки, иногда украшенные несложным орнаментом.

Мужская и женская верхняя одежда, как правило, застегивалась поясом. Поэтому поясные пряжки, бронзовые, серебряные или железные, были обычной находкой во всех погребениях, кроме детских. Пряжки очень разнообразны по форме, среди них можно насчитать не менее 20 ти-

пов и разновидностей (рис. 4, 1—7). Оригинальны две пряжки с массивной овальной рамкой, хоботовидным язычком и обоймицей, оформленной в виде головки хищной птицы (рис. 4, 7). Такое же оформление имели привески к украшению пояса или сбруи, найденные в одном из вторичных захоронений (рис. 4, 13). Не имеет аналогий массивная серебряная пряжка с округлой рамкой, двойной подтреугольной обоймицей, хоботовидным язычком и накладкой на язычок, оформленной в виде головки животного (рис. 4, 2). Примерно четверть поясов имели накладки различной формы (рис. 4, 1—3), причем для поясов из женских погребений характерны бронзовые накладки, для мужских — серебряные. Весьма интересны накладки на пояс из вторичного захоронения 3, оформленные в виде стилизованных головок хищной птицы.

Только в женских погребениях встречены украшения обуви. Чаще всего это тонкие ремешки, украшенные бронзовыми пронизками, квадратными или розетковидными бляшками. В одном погребении встречено украшение с довольно сложной композицией (рис. 3, 16).

Целые сосуды встречены в 18 погребениях (12 женских, 6 мужских), чаще всего — в головах, реже — в ногах или сбоку. Интересно, что целые сосуды ни разу не были встречены в погребениях с трупосожжениями. Это невысокие, хорошо профилированные лепные горшки, реже — миниатюрные сосудики (рис. 2, 13—15). В женских погребениях иногда ставились два сосуда. В засыпи одного из вторичных захоронений найдены мелкие обломки небольшого деревянного сосуда, стенки которого были обложены золотой фольгой.

Большинство изученных в 1971 г. погребений следует датировать V—VII вв. На эту дату указывают прежде всего крестовидные и двупластинчатая фибулы¹⁵ и комплекс вещей, встреченных вместе с ними. К их числу относятся браслеты с расширенными концами, известные в могильнике Суук-Су в комплексах с монетами VI в.¹⁶, в рязано-окских могильниках — с вещами стадии С (V—VI вв.), в мордовских могильниках — преимущественно V—VI и VI—VII вв.¹⁷, браслет типа рис. 3, 9, находящийся аналогии в могильнике VI в. у Агойского аула на Северном Кавказе¹⁸, массивная серебряная округлая пряжка с парными выступами, известная в комплексах V—VI вв. Бирского могильника¹⁹ и др. Единственный найденный меч принадлежит к типу, появившемуся в IV—V вв. и широко распространенному в Восточной Европе в V—VII вв.²⁰ Многие типы вещей из этого комплекса находят аналогии в материалах Армиевского могильника, большинство погребений которого хорошо датируются V—VI вв. Таковы узкие конусовидные и коробчатые привески, бусы округлые из красной пасты, синие восьмигранные, мозаичные золото-стеклянные, желтый бисер, шейная гривна типа рис. 3, 6 и серповидная, пластинчатые браслеты с расширенными и орнаментированными концами, ряд типов поясных пряжек²¹. Для Армиевского могильника типичны кольцевид-

¹⁵ А. К. Амбров. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1-30, 1966, стр. 76, табл. 13, рис. 2, 13.

¹⁶ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, табл. XI, рис. 15, 16.

¹⁷ П. С. Рыков. Культура древних финнов в долине р. Узы. Саратов, 1930, стр. 24—25, табл. XV, рис. 79; А. Е. Алихова. Серповский могильник. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, табл. 52, рис. 2; М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долине рек Вад и Теша. Там же, стр. 66.

¹⁸ А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, 1909, стр. 91.

¹⁹ Н. А. Мажигов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 34.

²⁰ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—30.

²¹ П. С. Рыков. Указ. соч., табл. VI, рис. 57; табл. VII, рис. 60, 63, 64; табл. IX,

ные застежки-сюльгамы, округлые и плоские в сечении, с концами, завернутыми в короткие трубочки, по длине не выходящие значительно за пределы ширины кольца²². Таковы же сюльгамы в рассматриваемом комплексе Безводнинского могильника. Нагрудные бляхи типа рис. 3, 14 близки к найденным в Младшем Ахмыловском могильнике V—VII вв.²³

Более поздним временем, очевидно, VII—VIII вв., следует датировать комплекс предметов из сравнительно небольшой группы могил (не менее 10), в состав которого входят браслеты с гвоздевидными концами, появляющиеся в мордовских могильниках не ранее VII в. и широко распространенные в памятниках VIII—IX вв.²⁴, сюльгамы с длинными «усами», совершенно не известные в памятниках армиевского типа, но широко распространенные в финно-угорских памятниках более позднего времени, бляха с «крылатой иглой» и массивные привески в виде четырехгранной пирамидки с пишечками на концах, известные, например, в комплексах Сарского могильника не ранее VII—VIII вв.²⁵ Этим же временем следует датировать массивный литой наконечник пояса с прорезной орнаментацией, аналогичной известным в мордовских могильниках VIII—IX вв.²⁶, и литую поясную пряжку с прямым язычком, овальной рамкой и неподвижно соединенной с ней обоймицей овально-подтреугольной формы. Такие пряжки известны в поздних комплексах Неволинского могильника²⁷, найдены также в Серповском могильнике²⁸ и ряде других памятников, датированных временем не ранее VII—VIII вв. Для рассматриваемых погребений характерны кельты удлинённых пропорций, что также следует считать относительно поздним признаком. Таким образом, дата основной массы погребений Безводнинского могильника может быть определена как V—VIII вв. О более позднем времени говорить вряд ли возможно, так как в полученном материале практически нет вещей салтовского типа, широко распространившихся в Среднем Поволжье начиная со второй половины VIII в., нет и проушных топоров, которые с этого же времени начинают вытеснять топоры-кельты.

Возможно, к несколько более раннему времени следует отнести расположенные рядом погребения 79 и 87. В их комплексах имеются поясные пряжки с округлой рамкой, короткой подтреугольной и овальной обоймицей и прямым язычком, находящие аналогии в ранних погребениях Бирского могильника, датированных II—IV вв.²⁹ Здесь же встречена гривна (рис. 3, 5), близкая по форме к таким же украшениям из каменных могильников Латвийской ССР³⁰, датируемых первой половиной I тысячелетия, мелкие красные пастовые бусы, характерные преимущественно для этого же времени.

Касаясь этнокультурной принадлежности памятника, следует отметить, что по господству северной и северо-западной ориентировки Безводнинский могильник сближается с соседними могильниками муромского течения Оки, северными мордовскими могильниками, приписываемыми

рис. 65; табл. XI, рис. 18; табл. XIII, рис. 12, 47, 48; табл. XVI, рис. 87; табл. XVII, рис. 101.

²² Там же, стр. 17—19, табл. X.

²³ Г. А. Архипов. Происхождение марийского народа по археологическим данным. «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, рис. 8, 6.

²⁴ А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 123.

²⁵ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, рис. 55, 1, 11.

²⁶ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, табл. XXIII, рис. 7.

²⁷ I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969, табл. III, рис. 6.

²⁸ А. Е. Алихова. Указ. соч., табл. 53, рис. 2.

²⁹ Н. А. Мажитов. Указ. соч., табл. 1.

³⁰ Х. А. Моора. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КСИИМК, вып. 53, 1954, рис. 12, 2.

мордвe-эрзе, и ранними мари́йскими могильниками. Наличие трупосожжений наряду с трупоположениями достаточно характерно для этих групп памятников рассматриваемого времени, как и для рязано-окских могильников. Много общих черт с ними наблюдается и в инвентаре, причем по этому признаку Безводнинский могильник наиболее близок мордовским, муромским и рязано-окским, имея лишь весьма ограниченное количество общих черт с таким синхронным древнемари́йским памятником, как Младший Ахмыловский могильник. Наличие конских захоронений, почти не встречающихся в рязано-окских, мордовских и мари́йских могильниках, сближает рассматриваемый памятник с могильниками муромы. От мордовских могильников Безводнинский могильник отличается также отсутствием типичных для мордвы височных привесок с грузиком³¹, наличием браслетообразных височных колец, распространением в женских погребениях наборных поясов, которые у мордвы являлись принадлежностью преимущественно мужского костюма. В то же время в Безводнинском могильнике нет типичных для муромы височных колец с замком в виде овального щитка и крючка, у женских поясов нет боковых ремней, считающихся характерным признаком костюма муромки, редки головные жгуты, весь женский наряд имеет значительно меньшее количество металлических украшений. Весьма специфической особенностью Безводнинского могильника является наличие здесь большого количества вторичных захоронений.

³¹ А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I—начала II тысячелетия н. э. «Из древней и средневековой истории мордовского народа»... Саранск, 1959, стр. 15, 16.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

НОВЫЕ РАЗВЕДКИ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
В ПОДМОСКОВЬЕ

За последние годы проведены большие разведки поселений железного века в Подмоскowie. При этом выявлены новые памятники и обследованы те, время и характер которых оставались неясными. Среди них несомненный интерес представляет городище в с. Городна Луховицкого района на правом берегу р. Осетра. Поселение расположено на мысу треугольной формы, образованном двумя оврагами. Длина его площадки 100 м. С напольной стороны оно ограждено невысоким, ныне сильно спланированным валом. Памятник относится к северо-западной группе городищ городецкой культуры. Мощность слоя около 0,4 м. В верхних горизонтах слоя много керамики XVII—XVIII вв., а в нижних содержится только рогожная и сетчатая керамика I тысячелетия до н. э.

К позднеродецким памятникам относится селище, обнаруженное на левом берегу р. Осетра при впадении в него ручья на восточной окраине с. Клемово Серебряно-Прудского района. Оно интенсивно разрушается карьером. В разрезе видны обрезы прямоугольных в профиле полуземлянок глубиной около 1 м и культурный слой толщиной 0,5—0,7 м. Площадь селища невелика, протяженность его вдоль берега реки не более 30—40 м. В слое собрана грубая лепная керамика без орнамента. Сосуды преимущественно банкообразных форм. Дата поселения, судя по керамике, III—VII вв. н. э.

На северной окраине г. Зарайска (в устье р. Малый Осетрик, на его правом берегу) выявлено раннесредневековое селище. Среди подъемного материала, представленного преимущественно грубой лепной неорнаментированной керамикой, встретилось и бронзовое проволочное височное кольцо муромского типа с небольшой петелькой на одном конце и крючком на другом. Оно принадлежит к ранним разновидностям этих колец и может быть датировано VIII—IX вв. н. э. (рис. 1, 3). Находка этого височного кольца за пределами Муромской земли дает возможность, вслед за П. П. Ефименко, говорить о том, что в сложении населения, оставившего муромские могильники, участвовали выходцы из более западных районов, в частности из Рязанщины. Вместе с тем эта находка подтверждает предположение о том, что исходным прототипом этих височных колец были шейные гривны той же формы, которые известны как в рязанских могильниках, так и на московских городищах.

Интерес представляет и находка еще одного височного кольца X в. на Боршевском городище на правом берегу р. Москвы в 10 км к юго-востоку от г. Бронниц. Это проволочное кольцо большого диаметра, незамкнутое, с заостренными концами (рис. 1, 5). Находки подобных колец известны из Сарского городища, из ранних курганов Ивановской и Владимирской областей. Это один из трех типов височных колец, которые были характерны для муромы. На том же городище найден костяной грузик дьяков-

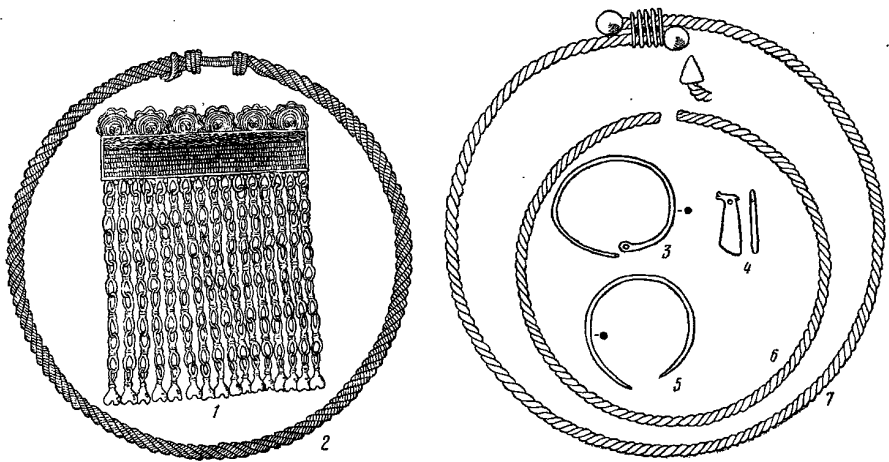

Рис. 1. Вещи из памятников железного века в Подмоскowie

1 — нагрудная подвеска; 2, 6, 7 — гривны; 3, 5 — височные кольца; 4 — фигурка лошади (1, 2, 6, 7 — Парыкинский могильник; 3 — оселце при устье р. Малого Осетрика; 4 — Корыстовское городище; 5 — Боршевское городище)

ского типа. Боршевское городище — многослойный памятник. Нижние горизонты его содержат лепную сетчатую и гладкостенную керамику. Выше лежат напластования с лепной керамикой I—IX вв. Позже поблизости от городища располагался центр Боршевского стана Коломенского уезда, известный по письменным документам XV в. Укрепления городища многократно перестраивались, и те, которые сохранились до наших дней, относятся к древнерусскому времени. В X—XIII вв. на поселении отложился слой со славянской круговой керамикой, среди которой есть отдельные образцы керамики X—XI вв. Таким образом, это один из наиболее ранних пунктов славянской колонизации в Подмоскowie. Ныне площадка городища целиком разрушена при земляных работах, а культурный слой в большей части вывезен. Остатки обширного селища XV—XVI вв. находятся ближе к р. Москве, на ее левом берегу, в 300 м от Боршевского городища. Слой селища содержит красноглиняную, чернолощеную и белоглиняную керамику и многочисленные находки, в том числе ножи, замки, игрушки, пряслица и рыболовные грузила.

При разведках обнаружены также остатки грунтового могильника, по видимому мещерского типа. Он находится на р. Цне, притоке Москвы, на территории с. Парыкино Егорьевского района. Здесь найдены три медные плетеные гривны (рис. 1, 2, 6, 7). Одна из них имела отогнутые в стороны концы в виде невысоких конусов и нагрудные прямоугольной формы ажурные пластины с фестончатыми выступами по верху и с шумящими привесками (рис. 1, 1). По стилю исполнения и характеру находок этот могильник синхронен и однотипен с расположенным неподалеку Жабкинским могильником, который в свое время исследовался А. А. Спицыным¹.

К западу от г. Каширы, на правом притоке Оки — р. Мутенке, в 1—1,5 км от ее устья обследованы два городища раннего железного века: Корыстовское и Мутенковское, отстоящие друг от друга на 1 км. На первом, расположенном на левом берегу Мутенки, на окраине с. Корыстово при шурфовке открыт слой раннедьяковского времени в основном с сет-

¹ Вещевой материал из Парыкинского могильника находится в Егорьевском музее.

чатой керамикой и небольшим числом обломков рогожной посуды. Слой датируется преимущественно I тысячелетием до н. э. Обломков гладкостенной лепной керамики на городище мало, и все они относятся к раннему времени. Встречено также несколько костяных изделий (проколки, заготовки стрел и прочее), среди которых интересна вырезанная из кости головка лошадки (рис. 1, 4). Есть на поселении и обломки рогатых кирпичей. С напольной стороны городища видны вал и ров. Слой его сильно испорчен, так как на этом месте находилось село XVIII в.

При зачистках на Мутенковском городище найдена керамика того же облика, что и на Корыстовском городище. Среди собранных фрагментов имеются украшенные отпечатки гребенчатого штампа. Овальная площадка городища по периметру окружена невысоким валом и рвом. Толщина культурного слоя на поселении незначительная — 40—70 см.

При пересечении р. Мутенки шоссе Кашира—Серпухов, в полукилометре от городища, обнаружены остатки селища с грубой лепной толстостенной неорнаментированной керамикой, которая по облику очень близка роменской. Сосуды имеют плотное тесто и не орнаментированы. Слой селища хорошо выражен. Оно располагается на высоте 3—4 м над уровнем реки. Протяженность его вдоль берега около 50 м.

При обследовании А. Н. Гатцуком Младшего Кротововского городища, расположенного на правом берегу Оки в 10 км ниже Каширы у с. Кротово, найдена только поздняя керамика XVII—XVIII вв. Однако исследователи считали, что это городище относится к раннему железному веку и имеет более поздние напластования. Теперь в результате наблюдений за земляными работами выяснено, что памятник этот сооружен в древнерусское время и не имеет более ранних напластований.

До сих пор предполагалось, что к раннему времени относится и Гальчицкое городище, расположенное в верховьях р. Протвы в 1 км от с. Гальчино Можайского района. При разведках и шурфовке этого памятника установлено, что поселение возникло только в XIII в. Оно имеет высокий вал и глубокий ров. Мощность культурного слоя 0,5—0,7 м. Он содержит только красноглиняную керамику XIII—XV вв. Это городище упоминается в 1399 г., по-видимому под названием Голычицы². За валами городища обнаружено обширное селище XIII—XIV вв. с мощным культурным слоем. Славянских курганов в окрестностях городища нет.

В Красногорском районе обследовано селище железного века, расположенное у северного конца с. Пенягино на левом берегу р. Баньки, левого притока р. Москвы. Оно находится на высоком мысу, образованном оврагом и берегом реки. Не исключено, что это не селище, а городище со спланированным валом. Высота мыса над р. Банькой около 10 м. Протяженность площадки около 50 м. Культурный слой на памятнике выражен плохо, но хорошо виден на склонах мыса. В нем встречены немногочисленные обломки лепной керамики, в том числе имеются фрагменты сетчатой посуды.

Значительный интерес представляет и 2-е Спас-Тушинское городище, расположенное на левом берегу ручья Барышиха на низком мысу, образованном оврагом. Площадка городища треугольная, с напольной стороны имеются вал высотой около 1 м и ров. Культурный слой незначителен. Найдены отдельные фрагменты лепной сетчатой керамики. Это поселение отчасти одновременно 1-му Спас-Тушинскому городищу, расположенному в 0,8 км от него на левом берегу р. Москвы, на западной окраине с. Спас-Тушино (ныне на территории г. Москвы). На этом поселении есть горизонт культурного слоя преимущественно с сетчатой керамикой.

² «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950, стр. 7.

Проведено обследование и недавно выявленного Воронковского городища, расположенного в Красногорском районе на левом берегу р. Гаретовки, на мысу при впадении ручья Снежинка, в 0,3 км к юго-западу от д. Воронки. Овальная площадка городища с северной и восточной сторон обнесена двумя рядами валов и рвов. Размеры поселения 80×35 м. Культурный слой отсутствует. Судя по системе укрепления, местоположению и размерам поселения, городище может быть условно датировано I тысячелетием н. э.

Весьма примечательной оказалась концентрация поселений раннего железного века по р. Москве на участке между устьями рек Истры и Сходни. Здесь расположены городища Дятлова Поляна (в низовьях р. Истры), Знаменское, Успенское, Кольчугинское, Барвихинское, Подушкинское, Воронковское, Архангельское, Гольевское, Пенягинское, 1-е и 2-е Спас-Тушинские, Тушинское городища и Жуковское селище, которое, по-видимому, первоначально возникло как городище. Последний памятник в значительной степени разрушен карьером, что не дает возможности окончательно судить о его характере. Таким образом, на 30-километровом участке р. Москвы и на мелких ее притоках располагается не меньше 14 городищ раннего железного века, что говорит о сравнительно плотной заселенности этой территории Подмосковья.

И. И. ЛОБОДА и М. Я. ЧОРЕФ

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ В БЕЛЬБЕКСКОЙ ДОЛИНЕ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК

История средневековой Таврики еще совершенно недостаточно изучена. Поэтому открытие каждого нового памятника не может не вызвать интерес историков. Несомненно значение и вновь открытого могильника в Бельбекской долине. Могильник находится в 300 м к востоку от с. Большое Садовое Бахчисарайского района Крымской области и открыт в 1971 г. во время земляных работ в саду колхоза им. Ильича¹. Могильник занимает склон небольшого холма, через который в настоящее время проходит шоссе Симферополь—Ялта (рис. 1, 1).

Погребальными сооружениями в исследованной части некрополя являлись склепы, вырубленные в глинистом грунте на глубине 2—2,5 м от дневной поверхности. Раскопаны три склепа, уже частично разрушенные бульдозерами, ориентированные по оси север—юг со входом в камеру с южной стороны. Камеры прямоугольные в плане со скругленными углами; были перекрыты, судя по остаткам потолков склепов 2 и 3, полукруглым или купольным сводом (рис. 1, 2, 3). Высота камер была небольшой — от 1 до 1,5 м.

Все исследованные склепы имели дромосы, но они ныне разрушены, поэтому сказать что-либо определенное об их форме и размерах невозможно. Открытые склепы, по-видимому, были семейными усыпальницами и, судя по тому, что кости были перемешаны с землей и разбросаны, давно ограблены. Подобного типа погребальные сооружения были широко распространены в юго-западном Крыму в период раннего средневековья².

Среди разбросанных человеческих костей в склепе 2 были найдены обломки железного предмета — по-видимому ножа — и две бронзовые бляшки-наконечники висячих ремней поясного набора (рис. 1, 4, 5). Близкие им по форме и размерам бляшки³ датируются V—VII вв.

¹ М. Я. Чорев. Сюйренское укрепление. «Крымская правда», 22 февраля 1972 г.

² Е. В. Веймарн. Раскопки Скалистинского могильника, склепы № 86, 107, 123, 124, 126, 336. Материал не опубликован, ссылаемся с любезного разрешения автора раскопок; он же. Археологічні роботи в районі Інкермана. АП, XIII. Київ, 1963, стр. 52—53; В. П. Бабенчиков. Чорноріченський могильник. Там же, стр. 113—119; В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-кале в Крыму. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 108—109; он же. Отчеты о раскопках раннесредневекового могильника на юго-западном склоне Чуфут-кале в 1952, 1954—1957 гг. Архив БИАМ, № 44, 64, 67, 69.

³ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ЗООИД, XXVII. Одесса, 1907, табл. II, 10; В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-кале в Крыму. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 112, 114, рис. 44, 13. Склеп 41, где был найден подобный наконечник, В. В. Кропоткин датирует VI в.; Е. В. Веймарн подобные наконечники датирует VI—VII вв. (Скалистинский могильник, склеп 107. Материал не опубликован).

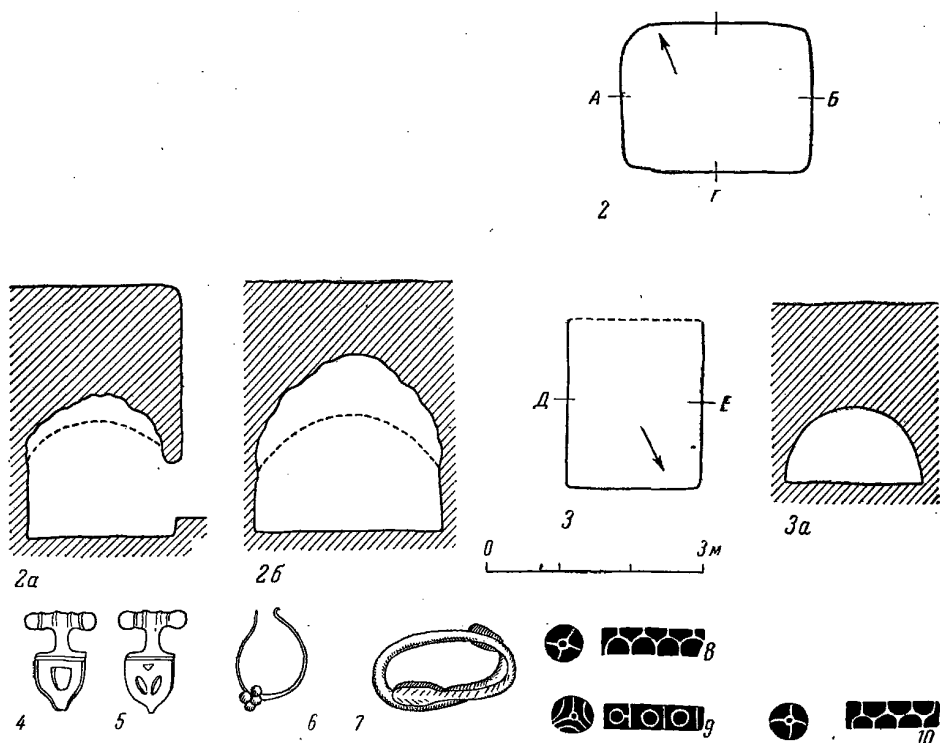

Рис. 1

2, 2а, 2б — склеп № 2 могильника близ с. Большое Садовое (2 — план; 2а — разрез по А—Б 2б — разрез по В—Г); 3, 3а — склеп № 3 (3 — план; 3а — разрез по В—Г); 4, 5 — наконечники поясного набора; 6 — серьга; 7 — браслет; 8—10 — инкрустированные бусы (8—10 — 1/2 нат. жел.)

Среди случайных находок на могильнике отметим предметы погребального инвентаря: янтарные, сердоликовые и стеклянные бусы, серьга, браслетик.

Янтарные бусы имеют неправильную форму — трех- и четырехгранную, плоскую, ромбическую и округлую в сечении. Они сильно покрыты патиной, в изломе имеют красноватый цвет. Янтарь подобного типа встречался в ряде могильников Юго-Восточной Европы и датируется в пределах IV—IX вв.⁴ Сердоликовые бусы бледно-желтого и розового цветов округло-приплюснутой формы были инкрустированы (рис. 1, 8—10). Близкие по форме и расцветке бусы происходят из раннесредневекового могильника близ Чуфут-кале⁵ и могильника недалеко от с. Аромат Бахчисарайского района.⁶ Оба этих некрополя датируются в пределах V—IX вв. Стеклянные бусы яйцевидной формы зеленого цвета встречаются в ряде раннесредневековых некрополей⁷.

⁴ В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа. СА, 1959, № 3, стр. 49; она же. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3, стр. 209—211.

⁵ П. П. Бабенчиков. Отчет о раскопках у западного подножия Чуфут-кале в 1946 г. Архив БИАМ, д. 18.

⁶ Раскопки И. И. Лобода. Отчет об охранных раскопках могильника у с. Аромат Бахчисарайского района Крымской области. Архив БИАМ.

⁷ В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа, стр. 216—217, рис. 4, 5.

Обломки серебряной серьги (рис. 1, 6) с украшающей ее виноградной кистью, выполненной из четырех капель серебра, также находят аналогию в погребальном инвентаре ряда раннесредневековых могильников Крыма. Изделия подобного типа датируются VI—VII вв.⁸

Небольшой бронзовый браслет диаметром 4 см, с расплюснутыми концами, далеко заходящими друг за друга (рис. 1, 7), не противоречит этой дате.⁹

Археологическая разведка, проведенная в окрестностях могильника, обнаружила в 1 км к северу от него остатки поселения, расположенного в урочище, укрытом скалами от холодных северных ветров. Подъемный керамический материал, собранный на поселении, указывает на существование его уже в III—IV вв.

Очень вероятно, что именно этому поселению и принадлежит исследуемый могильник.

Поселение и некрополь находятся в 2—2,5 км от Сюйреньского укрепления (см. рис. 1, 7)¹⁰, которое датируют VI в.¹¹ Археологические разведки, проведенные И. А. Барановым у оборонительных стен этой крепости, дали керамический материал VIII—IX вв., что послужило ему основанием выдвинуть более позднюю дату постройки укрепления¹². Но керамика, найденная около стен укрепления, вряд ли может датировать самые стены.

Открытый нами могильник и сельское поселение позволяют говорить о том, что округа Сюйреньского укрепления была обжита уже с III—IV вв. и что возникновение его оборонительных сооружений можно отнести к более раннему времени, чем VIII—IX вв.

⁸ Е. В. Веймарн. Могильник біля висоти Сахарна голівка. АП, XIII. Київ, 1963, стр. 46, рис. 5, 1; он же. Раскопки Скалистинского могильника, склеп 772, оп. 2533.

⁹ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 66, табл. XI, 1.

¹⁰ Н. И. Репников, Е. В. Веймарн. Сюйреньское укрепление. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг. ИГАИМК, вып. 117, 1935, стр. 115—125.

¹¹ А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 11, 24; он же. Ранне-средневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА, № 168, 1970, стр. 17—18.

¹² И. А. Баранов. Археологическая разведка на территории Сюйреньского укрепления в Крыму. «Археологические исследования на Украине в 1968 г.», вып. III. Киев, 1970, стр. 90.

Д. Л. ТАЛИС

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В 1966—1969 гг. экспедиция Государственного Исторического музея вела раскопки Баглинского городища, систематическое изучение которого началось в предыдущие годы¹. Работы были сосредоточены в основном на двух участках: внутри цитадели и вне укреплений на территории, примыкающей к цитадели. Внутри цитадели было завершено исследование северо-восточного фланга обороны и продолжено изучение жилых и хозяйственных помещений.

К тому, что уже опубликовано о боевых сооружениях Баглы, можно теперь добавить следующее. Угловая боевая башня перестраивалась по меньшей мере дважды. На перепланировке указывает изменение направления куртины и изменение структуры и цвета раствора. К моменту раскопок от куртины сохранились лишь блоки, попросту приставленные к панцирю башни. Они указывают на весьма поспешное строительство или, возможно, на ремонт ранее существовавшей и разрушенной куртины. Последняя стояла на общем фундаменте с башней, на продолжении его к юго-западу. Фундамент сложен из известняковых массивных плит, часто неправильной формы, щели между которыми были заполнены известняковым раствором с примесью глины. Этот же раствор связывал фундамент со стоявшими на нем блоками башни.

Остатки башни в значительной мере были перекрыты мощным, толщиной до 30 см, слоем горения, содержащим сильно ошлаковавшиеся железные предметы в виде конических чаш размером в среднем 12 × 6 см, являвшихся принадлежностью железоделательного производства. Поскольку производство это, как и всякое другое, несовместимо с функционированием боевой башни, последняя прекратила свое существование до его начала. В слое найдена керамика, охватывающая весь период средневековья, начиная с IV и кончая XIII—XIV вв. Наиболее поздние фрагменты и определяют верхнюю дату железоделательного производства. Время строительства башни датируется подстилающим слоем темной земли, насыщенной костями и керамикой. Найденные здесь обломки сосудов принадлежат в основном VIII—X вв. Остатки более древней башни были обнаружены тут же в виде кладки, идущей параллельно панцирю башни, сохранившейся в высоту на один ряд и в длину на три камня. Древнейшая башня также была прямоугольной.

Начинаясь от башни, внутрь цитадели вела улица или проезжая дорога, о чем свидетельствует вымостка из костей, камня и битых черепков, некоторые из них датируются второй половиной IX—X в. К юго-западу

¹ Д. Л. Талис. Об итогах раскопок Баглинского городища в 1961—1965 гг. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 57—64. Археологические работы в 1966—1969 гг. велись научными сотрудниками музея Д. Л. Талисом (руководитель экспедиции) и С. П. Маркеловой.

и югу от вымостки вдоль дороги расположены остатки здания своеобразной трапецевидной формы, с двумя входами. Внутри здания выявлена сложная стратиграфия, отражающая по крайней мере два строительных периода. Сохранившиеся здесь в целом виде пифосы образуют две разновременные группы. Трапецевидная форма здания, особенности его расположения на городище, наличие двух противоположно расположенных входов объясняются его назначением: он служило караульным помещением типа проходной у входа в цитадель.

В предыдущей публикации отмечалось, что цитадель обнесена стенами с трех сторон, а со стороны обрыва боевые кладки не выявлены². В настоящее время выяснилось, что то место, где находится обрыв плато, на котором стоит цитадель, несколько ниже, чем в других местах, и доступ в цитадель соответственно более легок, поэтому здесь и была построена стена. Она шла параллельно обрыву скалы, на расстоянии от него 8 м и сохранилась в длину на 5,5 м. Особенности кладки стены свидетельствуют о наличии трех строительных периодов. Во время последней, третьей перестройки существовавшая ранее кладка была значительно утолщена и, что особенно интересно, облицована лишь с одной наружной стороны. Расположение кладки на плато и ее односторонняя облицовка указывают на назначение стены: это заграждение типа бруствера, сооруженное в наиболее угрожаемом месте со стороны обрыва. Время строительства бруствера определяется материалом, датирующим третий строительный период кладки: красноглиняной поливной керамикой, амфорами с дуговидными ручками, кувшинами и горшками со штампованным и волнистым орнаментом. Следовательно, сооружение кладки типа бруствера произошло скорее всего во второй половине XIII—XIV в., т. е. после разрушения основной линии обороны в XII или первой половине XIII в.

Оборонительную систему цитадели кроме наземных сооружений входили сооружения, высеченные в скале. Было завершено исследование тоннеля, т. е. прохода, высеченного в скале, под боевыми стенами, который вел из поселения в цитадель, точнее в каземат у обрыва. Этот каземат сообщался с поверхностью плато, на котором стояла цитадель. Таким образом, из цитадели можно было, минуя стены, выйти в неукрепленное поселение. Вся эта конструкция играла, очевидно, роль вылазной калитки.

Внутри цитадели был открыт хозяйственный двор, являвшийся частью раскопанного ранее жилого комплекса, от которого его отделял узкий переулоч. Максимальные размеры двора 8,5 × 5,5 м. Из переулка через специальный проем в стене, ограждавшей хозяйственный двор, туда вели деревянные ступени общей высотой в 90 см. В юго-западной части двора располагалась надворная постройка в виде однокамерного подвального или полуподвального помещения. В кладках хозяйственного двора прослежены многочисленные перестройки. О двух строительных периодах говорит и сложная стратиграфия объекта. Кладки последнего строительного периода датируются XIII—XIV вв. на основании материала из верхнего слоя. Среди находок прежде всего назовем сохранившиеся *in situ* 11 пифосов, из которых 4 совершенно целые. Высота пифосов варьирует от 55 до 75 см, но были и крупнее — до 140 см. Часть пифосов использовалась для хранения зерна, часть — для жидкости. Для хранения зерна использовалась и амфора с отбитыми дуговидными ручками, вкопанная в землю. Из других датирующих вещей отметим поливную красноглиняную керамику с врезной линией (рис. 1, б), небольшую толстостенную бороздчатую амфору, бронзовую ромбовидную бляху кочевнического типа³. Из неполивной посуды особенно интересны обломки сосудов с носиками,

² Д. Л. Талис. Указ. соч., стр. 58.

³ См., например: Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 57, рис. 9, АШ.

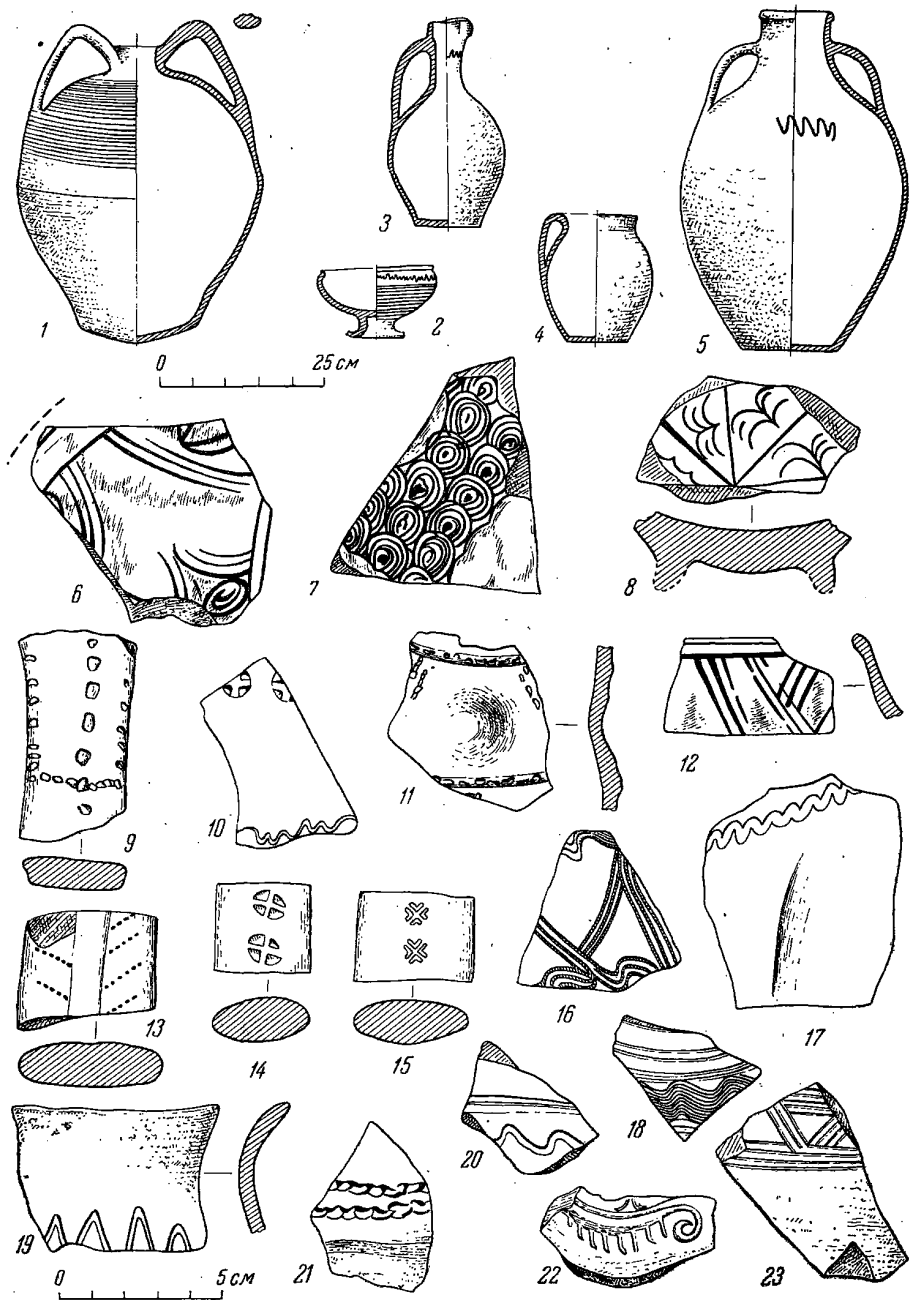

Рис. 1. Керамика Баглинского городища

1, 3, 5, 8, 11, 12, 13 — из слоя XIII—XIV вв. помещения в центре цитадели; 2, 4, 14, 15, 16, 17 — из нижележащего слоя того же помещения (не позднее XIII в.); 6, 10, 18, 21 — из верхнего слоя хозяйственного двора (XIII—XIV вв.); 7 — из того же слоя обломок фаянсовой тарелки XIV в.; 9 — из нижележащего слоя того же помещения (вторая половина XII—XIII в.); 19, 20 — из заполнения пифоса (VIII—IX вв.); 22, 23 — обломок светильника и амфоры из зеленовато-серого слоя хозяйственного двора (IV—VI вв.)

украшенными наклепными узорами и зашипами, аналогичными найденным в Эски-Кермене и Херсонесе⁴. В орнаментации посуды довольно часто применялся штамп (рис. 1, 9, 10, 18, 21). Хотя в верхнем слое преобладал материал XIII—XIV вв., были встречи и обломки фаянсовых тарелок XVI в., расписанных зеленой и голубой красками. Встречается узор в виде чешуек и ветвей⁵ (рис. 1, 7). Хозяйственному двору предшествовало помещение также хозяйственного назначения. Этот более ранний строительный период связан с подстилавшим верхний слой коричневатым слоем, материал из которого от вышележащего хронологически не отделяется. Вещи из слоя датируются тем же XIII в., возможно, второй половиной XII в. (рис. 1, 9). Одной из интересных находок в слое являются шесть переплетенных колец из золота довольно высокой пробы. Коричневатый слой не имеет четкой нижней границы, а заходит подчас глубокими линзами в нижележащий зеленовато-серый слой. Хронология последнего определяется главным образом обломками амфор IV—VI вв. н. э. (рис. 1, 2, 3) и сильно стертymi бронзовыми монетами IV в. н. э. Связанные с этим самым ранним слоем строительные остатки принадлежали помещению, в котором также находились пифосы. Стенки одного из них были обрублены при сооружении вышележащего хозяйственного помещения, кладка которого прошла над пифосом по его центру.

Культурный слой VIII—IX вв. сохранился лишь отдельными пятнами под кладками последующего строительного периода. К VIII—IX вв. относится заполнение одного из пифосов, над которым прошла стена хозяйственного двора. В заполнении обнаружены обломки амфор с зональным рифлением и горшки, украшенные по плечу врезной волнистой линией (рис. 1, 19, 20). Стратиграфия раскопанного хозяйственного помещения указывает на то, что при всех перестройках помещения назначение его как хозяйственной кладовой с пифосами оставалось неизменным в течение семи-восьми столетий.

К юго-западу от выявленного комплекса, включающего жилой двухкамерный дом и примыкающий к нему хозяйственный двор с пифосами, были начаты раскопки еще одного жилого комплекса. Он ориентирован с северо-запада на юго-восток; вход как обычно был с юго-восточной стороны. В настоящее время открыта лишь северо-восточная стена здания длиной 15 м, сложенная из некрупных камней на глинистом растворе. В кладке стены почти во всю ее сохранившуюся длину имеется щелевидная выемка, указывающая на некоторую перестройку. О ней же говорит и небольшой излом в направлении стены (рис. 2). К этой стене вперевязь примыкала почти под прямым углом стена другого помещения, имевшего неправильную трапециевидную форму размером 3,8 × 2,6 м. На жилой характер этого помещения указывают его небольшие размеры и глиняная обмазка стены внутри помещения.

К упомянутой длинной стене с северо-востока примыкала вымостка из битой керамики, камней и костей. Выше этой вымостки залегал коричневатый слой, насыщенный остатками горения и камнями из кладок стен помещения, погибшего в сильном пожаре в XIII—XIV вв. В слое найдено большое количество фрагментов одних и тех же сосудов, что позволило восстановить многие из них. Среди находок отмечу крупные амфоры с дуговидными ручками (рис. 1, 1), плоскодонные амфоры-кувшины (рис. 1, 5), ойнохоевидные кувшины (рис. 1, 3). В орнаментике преобладает однорядная волна, насечки, штампованный узор в виде ямок или на-

⁴ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, стр. 110, рис. 67, 71, 72.

⁵ С. Nicolescu. Ceramica otomana de Iznik din Secolele XVI—XVII gasita in Moldova. «Archeologic Moldovei», V, Bucuresti, 1967, стр. 291, 297, 298, рис. 1, 8, 9, 10. Аналогии в Мангупе. См. М. А. Тиханова. Базилика. МИА, № 34, 1953, стр. 347, рис. 11; А. Л. Якобсон. Дворец. Там же, стр. 403, рис. 16.

колов (рис. 1, 11, 13). Встречены обломки красноглиняной поливной керамики, украшенные орнаментом — врезной линией и росписью по ангобу (рис. 1, 8, 12). Большой интерес представляют железные орудия — сошник, отвальный нож, секира-кайло, зубатка, тесло.

Материал из слоя под вымосткой, хотя он принадлежит другому строительному периоду, хронологически совпадает с вышележащим. Это указывает на кратковременность последнего строительного периода. Подстилающий вымостку слой содержал многочисленные обломки амфор, горшков, кувшинов, черепиц, пифосов. Удалось восстановить горшок с ручкой, примыкающей к венчику, и блюдо на высокой подставке (рис. 1, 2, 4). Преобладает тот же набор орнаментальных мотивов: врезные волнистые линии в различных сочетаниях и штамп (рис. 1, 14—17). Кроме красноглиняных поливных сосудов с орнаментом граффито встречено белоглиняное блюдо, вероятно XIII в., с радиально расположенными коричневыми и зелеными мазками, железные орудия и оружие — зубатки, серп, секира, стрелы. Интересен также набор, состоящий из бус, бронзовых бубенчиков и медальона, принадлежавший, видимо, одному ожерелью. В этом слое встречены куски глиняной обмазки с отпечатками жердей, как и в ранее открытом жилом здании, что говорит о наличии здесь турлучной кладки.

К юго-востоку от описанных жилых помещений были выявлены кладки другого здания. Его особенностью является наличие в юго-западной стене функционировавших одновременно трех дверных проемов, каждый шириной около 1 м. Можно предположить, что здание имело хозяйственное назначение, хотя лишь дальнейшие раскопки объяснят причины его своеобразной конструкции.

Раскопки вне цитадели, к северо-востоку от ее стен, выявили остатки сильно разрушенных кладок, принадлежавших нескольким строительным периодам (рис. 3). Самый верхний строительный период представлен кладкой из не крупных камней, являвшейся стеной жилого помещения. Последнее отчасти перекрывало существовавшую здесь ранее боевую или оградную стену из массивных блоков размером 50 × 50 см. Стена эта дважды перестраивалась. Стратиграфия и состав находок позволяют утверждать, что наиболее поздние помещения вне цитадели погибли в X в. или немного позднее. В слое, перекрывавшем кладки этих помещений, широко представлены амфоры с зональным рифлением, горшки с отогнутым венчиком, с ойнохоевидным горлом, встречено также большое количество фрагментов стенок сосудов, украшенных врезным волнистым и линейным орнаментом, покрывавшим всю поверхность сосуда (рис. 4, 1—5). Много обломков ангобированных стенок сосудов. В изобилии встречались фрагменты черепиц и пифосов. К IX—началу X в. относится керамика из слоя, определяющего время существования стены из массивных блоков. Это в основном обломки горшков, украшенных однорядным или многорядным волнистым орнаментом, выполненным не штампом, а от руки (рис. 4, 6, 7). Очень характерно тесто сосудов — рыхлое, с большим количеством крупных включений. Материал указывает, что кладка из массивных блоков погибла не позднее IX—X вв., т. е. одновременно с первой оборонительной линией цитадели. Выстроенное на ее месте помещение просуществовало, таким образом, очень недолго, едва ли больше столетия.

Слой, предшествовавший сооружению стены, содержал материал IV—VI вв. н. э.: обломки амфор с густым и частым рифлением, стенки лепных горшков, покрытые блестящим черным лощением, реберчатых кувшинов. В этом слое на глубине свыше 1 м от предполагаемой боевой стены IX—X вв., вне всякой связи с нею, выявлена кладка из плоских и лишь слегка отесанных обломков скалы; такого рода техника отличает стену от всех кладок, встреченных пока на Баклинском городище.

Раскопки 1966—1969 гг. на Баклинском городище приводят к следую-

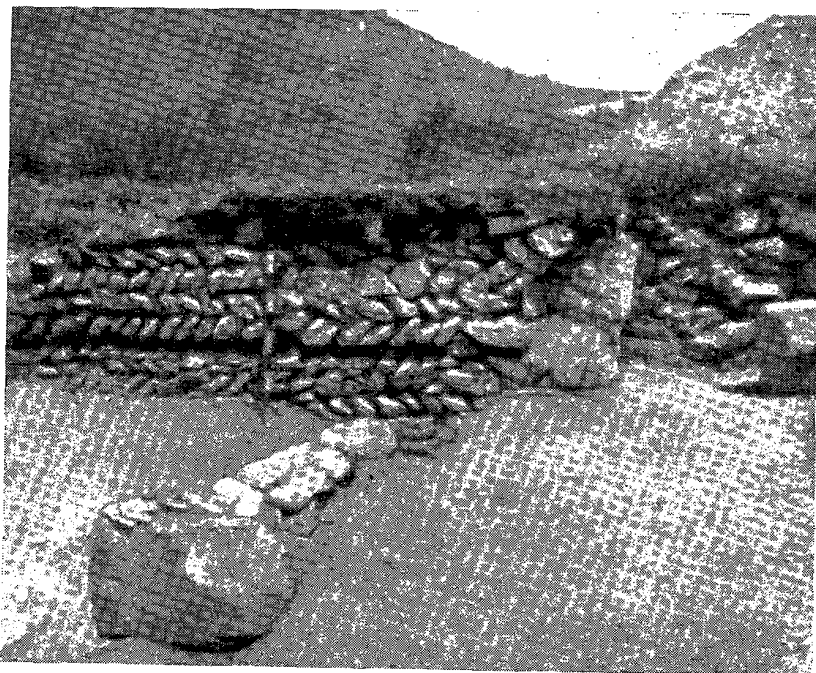

Рис. 2. Жилое помещение в центре цитадели. Северо-восточная стена

щим выводам. После разрушения оборонительных стен в XII—начале XIII в. жизнь здесь восстановилась и притом довольно интенсивно. Велось строительство, производилась посуда, поддерживались торговые связи, на что указывают многочисленные находки привозной посуды. В этот последний период существования городища, продолжавшийся около двух столетий, была построена в угрожаемом месте ограда типа бруствера. Разрушение обороны городища в XII—начале XIII в. следует связывать, скорее всего, с половцами. На это же указывает и быстрое возрождение жизни после уничтожения боевых стен. Источники рисуют половцев в позднесредневековой Таврике не только завоевателями, но и торговыми партнерами, заинтересованными в развитии торговли⁶. Массовый материал указывает на окончательную гибель городища в XIV в., но единичные находки поздних вещей говорят, что жизнь здесь, возможно, продолжала в каких-то формах теплиться до XVI в.

Выявленная стратиграфия показывает, что в истории городища не было сколько-нибудь длительных перерывов и жизнь здесь восстанавливалась после разрушений довольно быстро. Этим следует объяснять сохранение преемственности в планировке жилых и хозяйственных помещений и их назначении на протяжении нескольких столетий. Этот факт, а также традиционность и рутинность форм и орнаментики сосудов указывают на большой консерватизм хозяйственного уклада.

Неукрепленное поселение было разрушено скорее всего одновременно с первой линией обороны цитадели, но в отличие от помещений внутри цитадели оно больше не восстанавливалось.

⁶ А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. «Труды V Археологического съезда», т. II. Казань, 1891, стр. 239—250; А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. «Византийский временник», XXV, 1928, стр. 61—65.

Рис. 3. Помещение к северо-востоку от цитадели

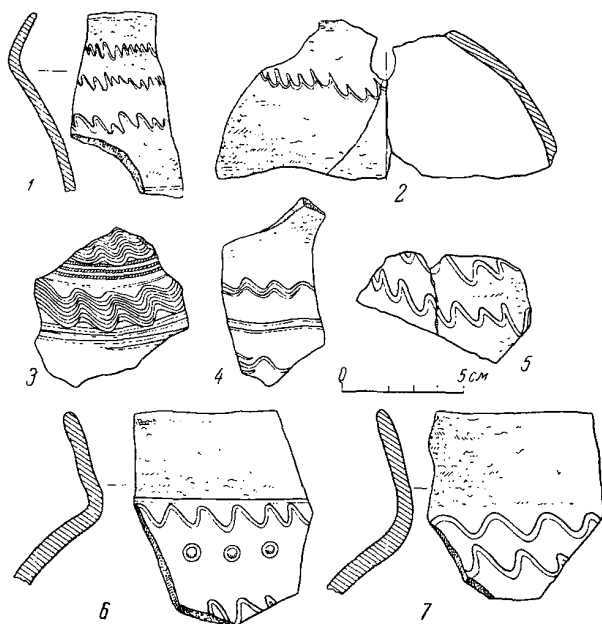

Рис. 4. Керамика Баклинского городища

1—5 — из слоя X—начала XI в. жилого дома, расположенного вне цитадели; 6, 7 — из слоя IX—начала X в. того же помещения

А. Л. ЯКОБСОН

О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ
ЧУФУТ-КАЛЕ

История средневековой Таврики еще полна невыясненных и неразрешенных вопросов. Среди них существенное значение имеет вопрос о времени возникновения Чуфут-кале (близ Бахчисарая) — одного из наиболее крупных поселений юго-западной Таврики, в котором А. Л. Бертье-Делагард видел Фуллы — город, упоминавшийся еще Менандром; тем самым он относил его ко времени не позднее VI в.¹ Однако эта локализация вызвала возражения². Таким образом, вопрос о древнем названии Чуфут-кале и о времени возникновения поселения остался открытым. К выяснению этого вопроса в недавнее время обратился Е. В. Веймарн, впервые производивший в 1956—1959 гг. на Чуфут-кале раскопки, результаты которых им опубликованы³. Раскопки велись им у Средней стены в ее северной части, где выявлена калитка и две линии вырубленного в скале рва, одновременного Средней стене. Материал раскопок привел Е. В. Веймарна к заключению, что Средняя стена перестроена в XIV—XVII вв. Далее автор отрицает существование на плато Чуфут-кале и раннесредневековой базилики: найденные там византийско-коринфские мраморные капители VI в., по его мнению, попали на Чуфут-кале в более позднее время⁴. Отрицает он и связь с Чуфут-кале неподалеку расположенного и частично раскопанного могильника V—IX вв.⁵ — на том основании, что могильник находится слишком далеко от Чуфут-кале (1,5 км); могильник, по мнению Е. В. Веймарна, принадлежит другому поселению, существовавшему где-то к востоку от города, но еще не открытому⁶.

Не дали раннесредневекового материала и шурфы, заложенные Е. В. Веймарном у подножия северо-восточных обрывов плато Чуфут-кале с целью изучить мусорную свалку вне городских стен: ничего более раннего, чем X—XII вв., им там не найдено⁷. Только на самом плато к западу от Средней стены в разведочных шурфах встречались немногочисленные разрозненные обломки амфор с глубоким рифлением (V—VI вв.) и с зонами мелкого рифления (VIII—IX вв.), но строительных

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, 57, 1920, стр. 166 сл.

² В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-кале и вопрос о локализации города Фуллы). СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218. Ему возражал: А. Л. Якобсон. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108—113.

³ Е. В. Веймарн. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма. «Археологические исследования средневекового Крыма». Киев, 1968, стр. 45 сл.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, стр. 207—212; он же. Могильник Чуфут-кале в Крыму. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 108—115.

⁶ Е. В. Веймарн. Указ. соч., стр. 62—64.

⁷ Там же, стр. 65—68.

остатков не оказалось. Все это привело Е. В. Веймарна к заключению, что Чуфут-кале «возник не ранее конца X в.»⁸

Однако согласиться с таким заключением мы не можем. Во-первых, материал, добытый раскопками Е. В. Веймарна, охватившими лишь небольшую площадь Чуфут-кале, очень ограничен. Во-вторых, автор обошел молчанием квадратную кладку юго-западной оконечности Средней стены (с юго-восточной ее стороны), состоящую из очень крупных блоков.

Интересующий нас участок Средней стены резко отличается от остальной ее части, которую исследовал Е. В. Веймарн и которую действительно нельзя отнести к раннему средневековью. Иное дело кладка юго-западной оконечности той же крепостной стены: по аналогии с раннесредневековыми участками крепостных стен Херсона мы отнесли ее к VI в.⁹

Но эта часть Средней стены Чуфут-кале почему-то всегда выпадает из поля зрения исследователей. До сих пор кладка юго-западной оконечности Средней стены не публиковалась. Описанию и воспроизведению ее и посвящена настоящая заметка.

Речь идет об отрезке крепостной стены протяженностью около 5 м и высотой в два ряда — около 1,30 м, а вместе с нижним цокольным рядом, несколько выступающим наружу, общей высотой около 1,80 м. Кладка состоит из больших монументальных квадров, положенных более или менее ровными рядами; высота нижнего ряда, вследствие небольшого склона скалы к обрыву, немного увеличивается в эту сторону — от 49 до 68 см. Длина квадров (считая слева направо) — 55, 108, 90, 82, 44, 66 см. Высота квадров второго ряда, сильно выветрившихся, чуть меньше, максимум 62 см, длина блоков также короче (рис. 1). Кладка выполнена очень тщательно, на очень крепком известковом растворе с морским песком; квадры плотно пригнаны друг к другу.

Выше идет кладка несколько иная — из сравнительно некрупных и гладко тесаных блоков, также плотно пригнанных друг к другу (высота рядов 49—51 см), совершенно тождественная кладке по другую сторону ворот — той кладке, которую Е. В. Веймарн датирует временем после X в.

Резкое отличие кладки нижнего яруса (двух нижних рядов) и выше лежащего (последующих рядов) указывает на значительную хронологическую разницу между ними.

Ближайшую аналогию монументальной квадратной кладке нижнего яруса дают раннесредневековые ярусы некоторых куртин крепостной стены Херсона (об этом ниже) и особенно нижние ярусы крепостной стены Мангула, сохранившиеся на некоторых ее участках¹⁰. Здесь в основании некоторых участков более поздних стен (XIV—XV вв.) сохранилась кладка из крупных квадров 67×90, 65×80, 39×90 см, т. е. почти тех же размеров, что и на Чуфут-кале; как и там, квадры сложены правильными рядами на очень крепком известковом растворе с морским песком, а в некоторых местах (у городских ворот) — с цемянкой. Отчасти такая кладка сохранилась на восточной половине передовой линии стен в Табана-дере¹¹ и еще полнее — на участке крепостных стен, окаймляющих плато Мангула со стороны Капу-дере, у его подножия. Кладка и здесь состоит из крупных квадров приблизительно тех же размеров (длина их 97, 100, 128 см при высоте рядов 55—60 см), уложенных также правильными рядами на тонком слое столь же крепкого известкового раствора (рис. 2, 1)¹². Лишь изредка между квадрами проложены плиты,

⁸ Там же, стр. 75.

⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, стр. 122.

¹⁰ А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангула. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 55—63.

¹¹ Там же, стр. 56.

¹² Там же, стр. 58, рис. 7, 8.

Рис. 1. Чуфут-кале. Кладка юго-западной оконечности Средней крепостной стены с юго-восточной (боевой) стороны

выступающие на поверхность стены тычками. Такая кладка сохранилась на протяжении почти всей куртины.

Подобную же кладку имеют и пилоны въездных ворот, находящихся с северной стороны Тешкли-бурун, над Капу-дере. Первоначальная кладка пилона ворот легко выделяется под позднейшей его обкладкой, частично отвалившейся. Обнаружившаяся кладка состоит из таких же больших квадратов известняка (82×40 , 75×52 см и т. д.), тщательно отесанных и сложенных правильными рядами на известковом растворе с цемянкой¹³.

Совершенно аналогичные кладки в последние годы были расчищены разведкой А. Герцена (Бахчисарайский музей) и в других пунктах Мангупа: вдоль восточного края Чемну-буруна, у южного края Гамам-дере, причем в последнем пункте под развалом стены оказались обломки амфор с глубоким рифлением, относящихся, как известно, к V и VI вв.

В таком виде квадратная кладка из крупных блоков на крепком известковом растворе хорошо известна и в Херсоне. Наиболее выразительна в этом отношении кладка 1-й куртины западной линии крепостной стены между башней I и подстенным склепом (рис. 2, 2); очень характерна и кладка утолщения 19-й куртины, примыкающей к башне Зинона, и кладка связанного с этим утолщением третьего кольца той же башни; правда, кольцо это сложено из менее крупных квадратов, но в той же технике.

Все эти участки и части крепостных стен Херсона относятся, скорее всего, к VI в., вернее всего — ко времени Юстиниана I¹⁴. Тождественную кладку имели и крепостные стены соседнего с Мангупом Эски-Кермена (рис. 3), справедливо отнесенные их издателем к раннему средневековью¹⁵, и стены Сюреньского укрепления, занимающего высокий мыс над

¹³ См. А. Л. Якобсон, О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа, стр. 60, рис. 9 — старый рисунок М. Вебеля, зафиксировавшего пилон ворот до его разрушения.

¹⁴ Обоснование такой датировки см.: А. Л. Якобсон, Раннесредневековый Херсонес, стр. 75, 76, 83, 96.

¹⁵ Н. И. Репников, Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.; он же, Остатки укреплений Эски-Кермена. «Готский сборник» (Изв. ГАИМК, XII,

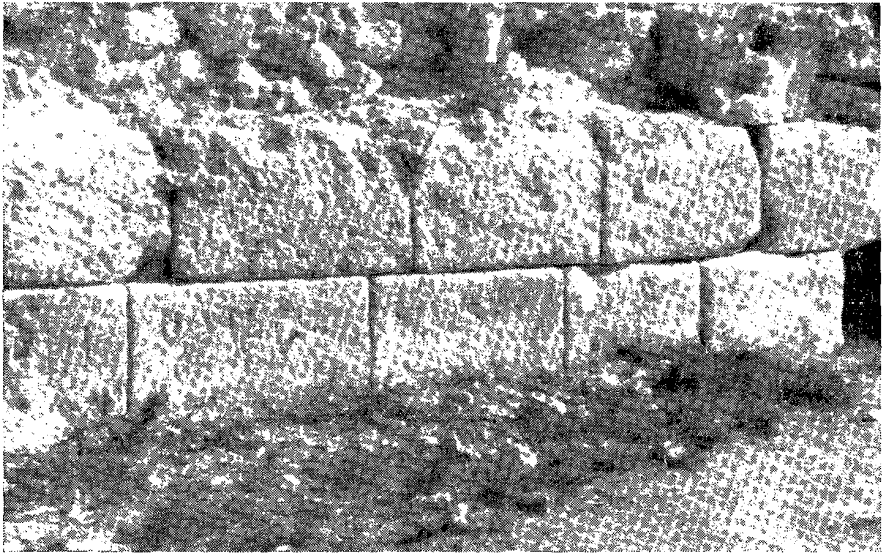
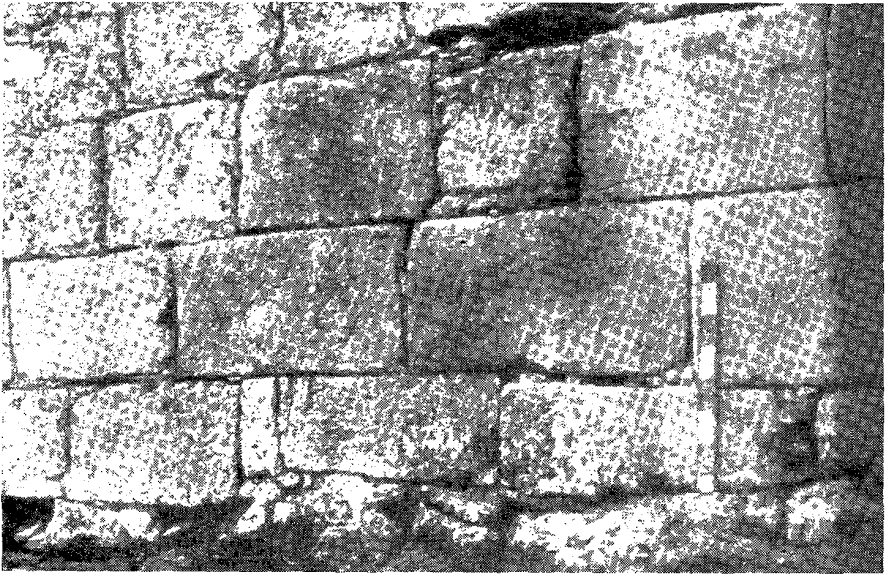

Рис. 2

1 — Мангун. Кладка крепостной стены у подножия Капу-дере (с боевой стороны); 2 — Херсон (Херсонес). Кладка первой куртины крепостной стены (с боевой стороны)

р. Бельбек. Раннесредневековый принцип кладки с глубоко впущенными в стену квадратами, заполняющими почти всю ее толщю, с забутовкой узкого внутрестенного промежутка (*opus implexum*) здесь выдержан полностью. Вполне совпадают с кладками крепостных стен Чуфут-кале, Ман-

зып. 1—8), 1932, стр. 114—117, 203—205 и рис. 7, 8; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 115—116.

Рис. 3. Эски-кермен. Кладка крепостной стены (с боевой стороны)

г. Толбухина), притом и по размерам квадры, положенные на растворе с цемянкой, также близки квадрам раннесредневековых крепостей Таврики²⁰.

Относительно мангупских оборонительных стен можно добавить, что их раннесредневековую дату косвенно подтверждает и упомянутая находка под развалом оборонительной стены фрагментов амфор того времени, а что монументальное строительство на Мангупе в VI в. действительно велось, указывает фрагмент найденной там ктиторской надписи с именем императора Юстиниана²¹.

Приведенные аналогии позволяют и совершенно тождественную кладку оборонительной стены на плато Чуфут-кале также отнести к раннему средневековью. Это вносит позитивный момент в вопрос о времени возникновения там укрепления и неразрывно связанного с ним поселения.

гупа и Эски-Кермена и размеры квадров Сюреньской стены: длина их преимущественно 98—120 см, высота ряда колеблется от 53 до 57 см¹⁶.

Монументальную квадратную кладку имела и оборонительная стена первоначальной крепости Каламиты, открытая раскопками Е. В. Веймарна, и также, по общему мнению, относящаяся к раннему средневековью¹⁷.

Мы не будем возвращаться к обоснованию раннесредневековой даты упомянутых участков оборонительных стен Херсона, Мангупа, Эски-Кермен, Каламиты и Сюреньского укрепления — это уже сделано¹⁸. Для подтверждения указанной датировки напомним тождественные кладки оборонительных стен византийских крепостей в Дакии, т. е. в Северо-Западном Причерноморье, построенных в VI—начале VII в. — стен Истрии и Ульмитона¹⁹. Абсолютно аналогичны по кладке и недавно опубликованные крепостные стены VI в. в северо-восточной Болгарии (в районе

¹⁶ Н. И. Репников, Е. В. Веймарн. Сюреньское укрепление. «Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг.» (Изв. ГАИМК, вып. 117), 1935, стр. 115 сл.; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 120.

¹⁷ Е. В. Веймарн. О времени возникновения средневековой крепости Каламиты. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 55 сл., 61.

¹⁸ См. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 60; МИА, № 63, 1959, стр. 75, 76, 83, 86.

¹⁹ V. Parvan. Cetatea Ulmetum. Descoperirile primei campanii din anulul 1911. «Analele Academiei Române», т. XXXIV, mem. sect. istorice, 8, Bucuresti, 1912, табл. I, II, IX, XIV, XV, рис. 20, 21; «Historia, Monografie arheologica», I. Bucuresti, 1954, стр. 59 сл. (русс. резюме — стр. 574), табл. I, V, IX и рис. 1, 6, 9, 11.

²⁰ Г. Китоа. Ранновизантийская крепость в летописи «Русалка» на Черном море. «Музеи и памятники на культурата», 1971, № 3, стр. 9—15. Крепость отнесена автором к началу или середине VI в. на основании найденных им при раскопках монет византийского императора Анастасия (491—518) (стр. 14); дату эту подтверждает и амфорная керамика того же времени, обнаруженная в кладке (стр. 14). В том же районе автор указывает и другие аналогичные раннесредневековые крепости.

²¹ В. В. Латышева. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 18.

К. К. ШИЛИК

О МАГНИТОРАЗВЕДКЕ ГОНЧАРНЫХ ПЕЧЕЙ
У ЧАБАН-КУЛЕ

В качестве полевого метода исследования памятников магниторазведка применяется Лабораторией археологической технологии ЛОИА с 1962 г. За истекшее время в различных географических зонах Советского Союза отечественным феррозондовым магнитометром М-17 исследовано множество объектов, некогда подвергавшихся нагреву, — в основном разнообразных печей¹.

Из всех исследованных районов наиболее интересным оказался Восточный Крым. Интерес к этому району обусловлен двумя причинами. Во-первых, очень высокими значениями величин магнитных аномалий, что объясняется, видимо, высоким содержанием магнетита в местных глинах. Величины аномалий, создаваемых печами Восточного Крыма, в несколько раз превосходят показатели аналогичных печей других районов, а на аномалиях с высокими значениями напряженности проще отработать методику поиска и разведки. Во-вторых, наличием здесь большого количества средневековых гончарных печей различной конструкции и степени сохранности. Оба обстоятельства делают этот район своеобразным магниторазведочным полигоном для отработки методики разведки и, что самое главное, интерпретации результатов поиска до начала раскопок. Наибольшее количество печей сосредоточено в 5 км западнее с. Морского (бывш. Капсихор) Судакского р-на, у подножия высокой скалы, на которой возвышается башня Чабан-куле — остаток генуэзского замка. Район Чабан-куле давно привлекает внимание археологов. В 1952—1953 гг. А. Л. Якобсон раскопал там две печи (№ 5 и 18) и нанес на план остатки 22 печей². В 1962 г. М. А. Фронджуло раскопал печь № 1.

Первые магнитные измерения в этом районе проведены автором в 1964 г.³ Целью работы был поиск печей и его ближайших окрестности были исследованы по линейным поисковым профилям, проложенным вдоль кромок обрывов — мест, где обычно находятся печи. Общая длина профилей превышала 800 м. Предварительные измерения на раскопанной А. Л. Якобсоном в 1953 г. печи № 18 показали, что для обнаружения столь крупных объектов вполне достаточен шаг в 5 м. В результате исследования по-

¹ К. К. Шилик. Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище. МИА, № 129, 1965, стр. 252—256; он же. Применение магниторазведки при исследовании средневековых памятников в Крыму. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 123—130; А. Н. Кирпичников, К. К. Шилик. Обследование башен Соловецкого кремля. АО, 1968, М., 1968, стр. 25, 26; К. К. Шилик. Отработка методики магниторазведки на раскопках средневековой гончарной печи. АО, 1969. М., 1970, стр. 281.

² А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164—172.

³ К. К. Шилик. Применение магниторазведки. . . , стр. 125—128.

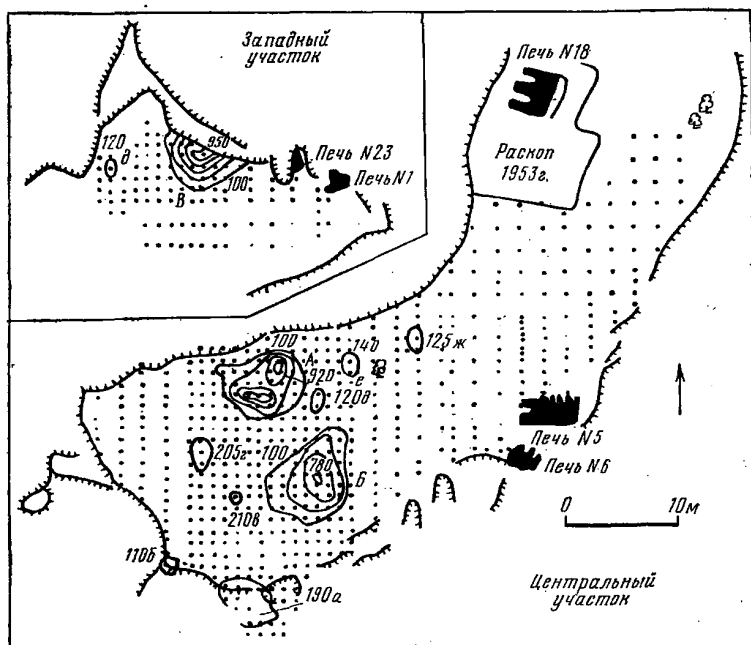

Рис. 1. Магнитный план участка гончарных печей у Чабан-куле по результатам съемки 1967 г. Изодинамы в гаммах

мимо аномалий от видимых печей и их остатков зафиксированы три крупные магнитные аномалии протяженностью до 10 м и величиной более 900 γ и две более мелкие аномалии. Так как аномалий было меньше 22, возникло сомнение относительно количества печей, зафиксированных А. Л. Якобсоном.

В 1967 г. при содействии М. А. Фронджуло проведено более подробное исследование района у Чабан-куле. На участках плато по обоим берегам ручья, на которых обнаружены аномалии и имелись остатки печей, была проведена площадная магнитосъемка по сети 1×1 м и 1×2 м⁴. Разбивка территории велась горным компасом и рулеткой. Привязка к местности обеспечивалась многочисленными реперами. Результатом этой съемки был подробный магнитный план участков в масштабе 1:100 (рис. 1). На нем очень четко прорисовались все три крупные аномалии, обнаруженные в 1964 г. По конфигурации аномалий сразу стало ясно, что одна из аномалий (А) создается двухканальной гончарной печью. Аномалия имела два максимума в 920 и 930 γ и размер по изодинаме 100 γ — 6×7 м. Две другие аномалии (Б и В) имели по одному максимуму, соответственно в 780 и 950 γ , и площади по той же изодинаме 39 и 19 м². Эти аномалии создавались скорее всего одноканальными печами. Причем печь В разрушена со стороны обрыва, так как изодинамы были разорваны обрывом. Кроме трех аномалий на плане выявилось еще восемь мелких аномалий. Две из них (а, б) были обнаружены еще в 1964 г. Все восемь аномалий имеют небольшую величину (от 100 до 200 γ) и поперечник от 1 до 2 м (кроме аномалии а, которая имеет размер 3×5 м). Полученный план позволял вести раскопки с большой точностью, поскольку источники больших аномалий не вызывали сомнения, а точность фиксации контуров

⁴ К. К. Шилик. Отчет о магниторазведочных работах в Восточном Крыму в 1967 г. Архив ЛОИА.

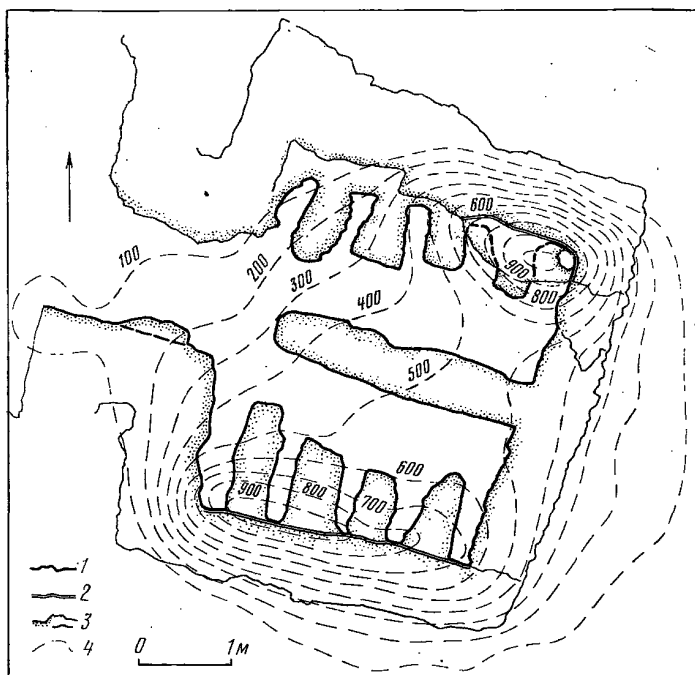

Рис. 2. Совмещение магнитного плана аномалии А и плана раскопанной печи (обмер А. Л. Яковсона)

1 — поверхность нагрева газовых каналов; 2 — поверхность нагрева боковых стен печи; 3 — контуры печи; 4 — изодинамы (в гаммах)

и максимумов аномалий достигала 10—20 см. Оставалось не совсем ясным, как соотносятся изодинамы магнитного плана с реальным планом остатков печи. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было провести методические раскопки.

Такие раскопки проведены в 1969 г. А. Л. Яковсоном при участии автора. Раскоп размером 6×7 м разбит над аномалией А по плану и сохранившимся реперам 1967 г. Граница раскопа с трех сторон касалась изодинамы 100 γ и только с запада она резала небольшой «язык» этой изодинамы шириной около 1 м. На площади раскопа была проведена повторная детальная магнитосъемка по сети 0,5×0,5 м. Был вычерчен новый план, который в основном совпал со старым, но благодаря более частой сети съемки имел больше подробностей. Несмотря на то, что план был вычерчен по упрощенной методике⁵ и на некоторые отступления изодинам от правильной формы (срезанность северо-западного угла, несимметричность расположения максимумов и наличие «языка»), план служил хорошим руководящим документом во время раскопок. Он позволил заранее определить общие контуры печи, хотя отдельные неясности нашли объяснение лишь в процессе раскопок. В ходе работы раскоп пришлось несколько расширить на запад в сторону срезанного «языка» аномалии, поскольку под «языком» оказался топливник. После окончания полевых

⁵ При вычерчивании плана в полевых условиях для ускорения работы принималось, что значения напряженности магнитного поля между точками измерения изменяются линейно. Такое допущение несколько изменяет форму изодинам, но не настолько, чтобы исказить форму аномалии в целом. Позднее был вычерчен более точный план.

работ обмерный план печи, выполненный А. Л. Якобсоном, и уточненный магнитный план аномалии в том же масштабе были совмещены по реперам. Как общий контур печи, так и отдельные детали во многих местах совместились с формой изодинам аномалии (рис. 2).

В процессе раскопок выяснилось, что печь несколько раз ремонтировалась, а после того как перестала функционировать (вероятно, обрушился свод обжигательной камеры вследствие деформации северной боковой стены), она была переоборудована в какое-то подсобное помещение, перекрытое легким навесом на столбах. При перестройке под обжигательной камеры был срублен и пол нового помещения оказался ниже на 60—70 см⁶. Стенки обжигательной камеры сохранились только в северо-восточном углу на высоте не более 20 см. Здесь же обнаружен и кусок пода обжигательной камеры площадью около 0,5 м². Стенки нижнего яруса печи сохранились на равную высоту: боковые выше, чем передняя и задняя, боковая северная частично сместилась из-за осадки и лишилась своих внутренних, наиболее сильно нагревавшихся слоев. Все это обуславливало некоторую усложненность магнитного плана. Однако при совмещении планов все неясности магнитного плана нашли четкое объяснение.

Максимальные значения аномалий с высокой точностью совпадали с внутренними поверхностями боковых стен печи, которые доходили почти до дневной поверхности. Северная стенка дала аномалию неполной длины, так как внутренняя, наиболее прогревавшаяся часть ее сохранилась не по всей длине. Это обстоятельство и обусловило несимметричность расположения максимумов и скошенность северо-западного угла аномалии, а также общую непрямоугольность магнитного плана печи. Выступающий на запад узкий «язык» аномалии совпал с южной стенкой топливника. Северная стенка топливника не создавала сколько-нибудь заметной аномалии, так как поверхность нагрева ее не сохранилась. Значения напряженности магнитного поля очень резко падают от максимумов (до нуля) в наружную сторону и постепенно (до значения +500 γ) внутрь аномалии. Это объясняется тем, что между высокими наружными стенами, создающими максимальные значения напряженности, имеется система топочных каналов, хотя и нагревавшаяся не меньше, чем наружные стены, но расположенная ниже и потому дающая меньшие значения напряженности. Эта система и создает общее центральное поле аномалии. Каждый канал в отдельности магнитометром не фиксируется, аномалии от них сливаются. Наружный контур печи вписывается в изодинаму с напряженностью примерно 30% от максимальной напряженности аномалии.

Помимо аномалии А была исследована, правда, не полностью, аномалия В. М. А. Фронджуло заложил в этом месте неглубокий шурф. Выяснилось, что склон обрыва был засыпан бульдозером в то время, когда здесь находился щебеночный карьер. Кроме того, у самой кромки обрыва на небольшой глубине лежал кусок листового железа размером 60 × 40 см и толщиной 0,5 см. Его присутствие несколько изменяло конфигурацию изодинам: центр печи как бы сместился к обрыву. Это создало иллюзию разрушения печи со стороны обрыва примерно наполовину. Шурф показал, что печь сохранилась лучше, чем это казалось после магнитосъемки. Во всяком случае, под обжигательной камеры сохранился полностью.

Результаты раскопок и шурфовки 1969 г. позволяют с большой уверенностью говорить об источниках других, пока не раскопанных аномалий. Оставшаяся неисследованной крупная аномалия Б, безусловно, создается гончарной печью. План ее, снятый в 1969 г. по сети 0,5 × 0,5 м, показывает, что это крупная одноканальная печь неплохой сохранности. Аномалия а создается, вероятнее всего, остатками почти полностью разрушен-

⁶ А. Л. Якобсон. Раскопки большой гончарной печи VIII—IX вв. в районе Судака. АО, 1969. М., 1970, стр. 279—281.

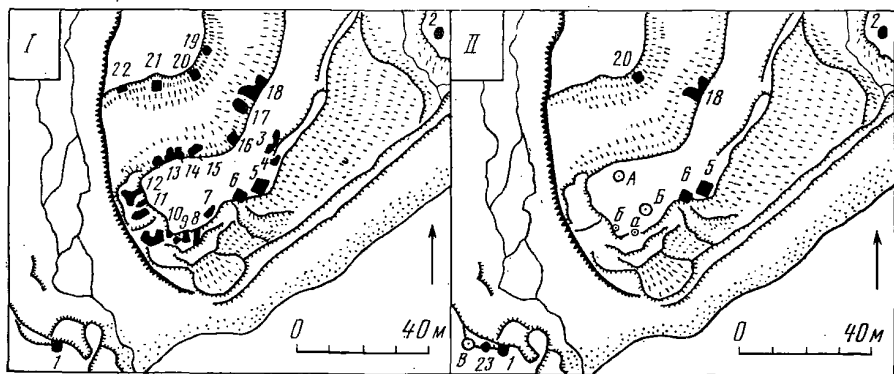

Рис. 3. Схематические планы участка у Чабан-куле

1 — расположение гончарных печей (по А. Л. Якобсону, визуальная разведка 1952—1953 гг.); 2 — расположение видимых остатков печей и магнитных аномалий (магниторазведка 1967 и 1969 гг.). а — видимые остатки, б — аномалии

ной по высоте гончарной печи. Аномалия б, возможно, создается очень небольшим остатком печи, разрушенной по площади. На эту мысль наводит расположение аномалии на бровке обрыва. Источники остальных шести аномалий пока не ясны. Целыми печами или даже остатками гончарных печей они не могут быть, так как слишком малы площади и величины аномалий, создаваемых ими, и расположены эти аномалии слишком далеко от обрывов. Не могут они быть и кусками печины: крупные куски печины и даже развалы печины заметных аномалий вообще не создают. Остается предположить, что это какие-то очаги или печи хозяйственного назначения. Не исключено, что они находились в жилищах (возможно временных). Хотя у Чабан-куле жилища до сих пор не найдены, исключать такую возможность нельзя. Опыт находок раннесредневековых жилищ по домашним печам с помощью магнитомера имеется. Такие находки и были сделаны автором в 1967 г. в Новом Свете (близ Судака). Окончательно решить вопрос об источниках описываемых аномалий можно только с помощью дальнейших раскопок.

Вопрос же о количестве гончарных печей у Чабан-куле можно решить уже сейчас. На центральном участке, где расположено наибольшее количество печей, на плане А. Л. Якобсона отмечено цифрами 16 печей и помечено условными знаками 19⁷ (рис. 3, 1). Три из отмеченных печей (№ 5, 6 и 18) хорошо видны невооруженным глазом (5 и 18 распаны). Печи 8 и 9 скорее всего соответствуют аномалии а и являются остатками одной печи. Печь 10, возможно, соответствует аномалии б (не ясно, правда, печь ли это вообще). Остальных десяти печей, отмеченных на плане А. Л. Якобсона, магнитометр не фиксировал. Возможно, за прошедшие 15 лет они разрушились полностью, но гораздо вероятнее, что на план были нанесены не остатки печей, а пятна, образованные древними отвалами печины и керамики. Помимо печей, отмеченных А. Л. Якобсоном, на центральном участке имеются еще печи А и Б, не отмеченные на его плане. Таким образом, на центральном участке имеется 6 или 7 печей. На северном участке А. Л. Якобсоном отмечены печи 19—22. Из них только одна печь 20 создает заметную аномалию и имеет видимые остатки. Остальные печи не фиксируются, видимо, по той же причине. На западном участке А. Л. Якобсоном отмечена одна печь (I, распанная

⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи... стр. 165.

М. А. Фронджуло). В 1967 г. автору удалось визуально обнаружить на этом участке остатки еще одной печи (23), а еще ранее аномалию В, которая при шурфовке в 1969 г. показала под печи. Таким образом, на западном участке имеются три печи. Еще одна печь (2) имеется на склоне берегового обрыва. Всего же во всем районе не более 11—12 печей (рис. 3, 2). Возможно, в древности печей было больше.

Работа, проведенная у Чабан-куле, показала, что магниторазведка может решать самые разнообразные задачи, связанные с поиском, разведкой, картированием и интерпретацией памятников, подвергавшихся в прошлом сильному и длительному нагреву, и что для этих целей подходят серийные полевые магнитометры обычных типов. Их чувствительность и производительность достаточна для объектов такого рода. Съемка подробного плана печи (около 200 точек) занимает около часа, а вычерчивание полевого плана — несколько часов. Имея такой план, археолог может работать совершенно уверенно, зная наперед, с каким объектом он имеет дело и как этот объект расположен с точностью до 10—20 см.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
БИАМ	— Бахчисарайский историко-архивный музей
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИОАИЭ	— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
AR	— Archeologicke Rozhledy
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki
ZOW	— Z otchłani wicków